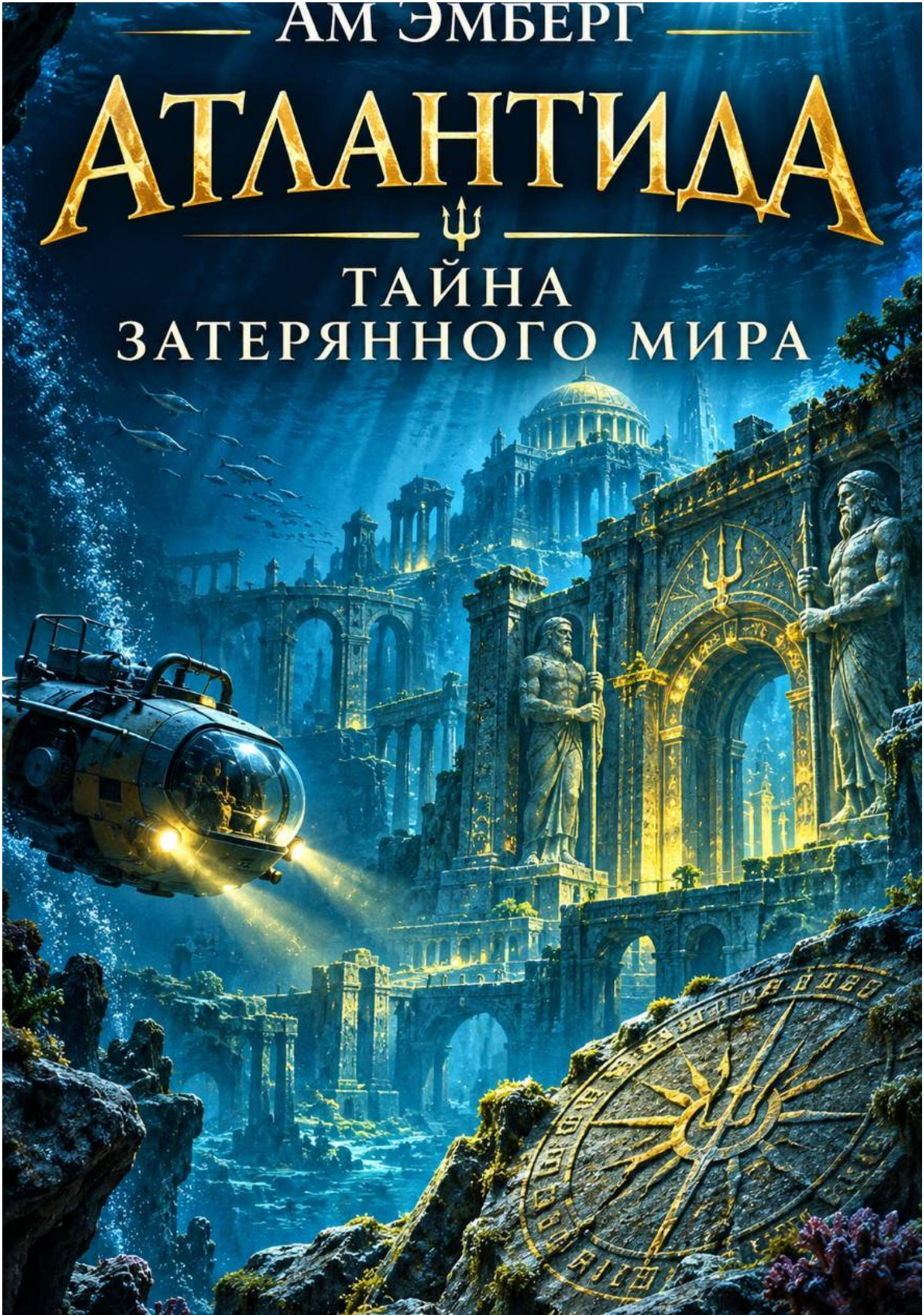
АМ ЭМБЕРГ

АТЛАНТИДА

ТАЙНА ЗАТЕРЯННОГО МИРА



Ам Эмберг

Атлантида: Тайна затерянного мира

«Автор»
2026

Эмберг А.

Атлантида: Тайна затерянного мира / А. Эмберг — «Автор», 2026

В 1987 году в Атлантическом океане бесследно исчезает экипаж советского научно-исследовательского судна «Альциона». Судьба двадцати четырёх человек остаётся загадкой.Спустя тридцать девять лет морской археолог Андрей Зорин получает таинственное письмо, способное раскрыть тайну исчезновения его отца. Вместе с командой исследователей он отправляется на поиски легендарной Атлантиды.На глубине более трёх тысяч метров экспедиция обнаруживает следы великой цивилизации. Загадочные сооружения, древние механизмы и неизвестные науке технологии открывают путешественникам невероятный мир, скрытый от человечества тысячелетиями.Однако наследие атлантов таит смертельную опасность. Героям предстоит разгадать причину гибели древней цивилизации и предотвратить новую катастрофу.Научные открытия, опасные приключения, любовь и тайны прошлого переплетаются в захватывающем фантастическом романе

© Эмберг А., 2026
© Автор, 2026

Содержание

Пролог. Последнее погружение 5
Часть I. Тайна «Альционы» 11
Глава 1. Письмо из прошлого 11
Глава 2. Судно без экипажа 20
Глава 3. Секретный архив 28
Глава 4. Металл неизвестного происхождения 36
Глава 5. Предложение Корнева 45
Глава 6. Загадка древней карты 54
Глава 7. Команда «Пелагии» 62
Глава 8. Незваные наблюдатели 70
Глава 9. Курс на неизвестность 78
Часть II. Бездна Атлантического океана 86
Глава 10. Океан раскрывает тайну 86
Конец ознакомительного фрагмента. 94

Ам Эмберг
Атлантида: Тайна затерянного мира

Пролог. Последнее погружение

Атлантический океан, к юго-западу от Азорских островов. 16 сентября 1987 года.

В то утро, когда научно-исследовательское судно «Альциона» достигло точки, обозначенной на морской карте красным крестом, океан был удивительно спокоен. Солнце уже поднялось над горизонтом. Редкие облака медленно плыли на восток.

Даже на открытой корме почти не ощущалось качки.

На борту находились двадцать четыре человека. Большинство из них посвятили жизнь изучению океана и хорошо знали его непредсказуемый характер. Но ни один из участников экспедиции не мог предположить, что скрывается под килем «Альционы», на глубине более трёх километров.

Константин Зорин стоял у борта и смотрел в тёмно-синюю воду.

— Любуешься океаном? — раздался за его спиной голос капитана.

— Пытаюсь представить, что находится под нами.

— Три километра воды, потом базальт и, если повезёт, что-нибудь интересное для вашего научного отчёта.

Константин усмехнулся.

— А если наши расчёты верны?

— Тогда, Зорин, вам придётся писать не отчёт, а новую историю Земли.

Капитан Валентин Савельев произнёс это с таким серьёзным видом, что Константин не сразу понял, шутит ли тот. За четыре недели плавания он успел убедиться: капитан одинаково невозмутимо сообщал и о перемене курса, и о поломке главного двигателя.

— Кстати, ваш геофизик уже дважды спрашивал, когда можно спускаться, — добавил Савельев. — Объясните ему, что океан от нас не убежит. Сначала проверим течение у дна.

Речь шла о Романе Берестове, геофизике из Ленинграда, человеке неистощимого любопытства и весьма ограниченного терпения. Именно он обнаружил аномалию, ранее отмеченную в материалах экспедиций, и уточнил её положение. Ради этих исследований «Альциона» отклонилась от первоначального маршрута почти на четыреста морских миль.

Всё началось с показаний буксируемого магнитометра. При нескольких проходах над одним и тем же участком дна прибор отмечал возмущения магнитного поля. Само по себе явление не представляло ничего необычного: вулканические породы этого района Атлантики нередко содержали магнитные минералы. Однако возмущения повторялись с постоянным интервалом — восемьдесят четыре секунды. Когда судно удерживали над участком, периодичность сохранялась.

Берестов предложил проверить результаты с помощью независимого прибора. Второй магнитометр подтвердил показания первого. Геофизик сопоставил время импульсов с записями о работе судовых механизмов, но явной связи не обнаружил. При гидроакустической съёмке на бумажной ленте эхолота появился профиль подводного возвышения, очертания которого напоминали правильную пирамиду.

— Природа не обязана строить горы кривыми, — заметил тогда Константин.

— Согласен, — ответил Берестов. — Но мне ещё не приходилось встречать гору, которая подаёт сигналы по расписанию.

Решение о погружении приняли после долгого совещания. Научная программа экспедиции позволяла исследовать объект, а глубина не превышала допустимой для аппарата. Оста-

валось проверить течение у дна по результатам предварительных измерений и закончить подготовку.

Зорин спустился в свою каюту. На столе, прижатая металлической пепельницей, лежала фотография жены и трёхлетнего сына. Снимок был сделан весной в городском парке. Мальчик держал за хвост деревянную лошадку и смотрел не в объектив, а на птицу, пролетевшую над фотографом.

Константин убрал фотографию в нагрудный карман комбинезона. До возвращения домой оставалось меньше месяца. Он обещал сыну привезти морскую раковину, хотя на глубине, куда ему предстояло спуститься, едва ли можно было найти подходящий подарок.

Из коридора донёсся голос механика:

— Константин Игоревич! Аппарат готов. Ждём вас на корме.

— Иду!

***

Глубоководный аппарат «Скат» имел мало общего с изящными подводными кораблями, которые рисовали иллюстраторы приключенческих романов. На его стальной раме крепились аккумуляторные батареи в защитных корпусах, балластные ёмкости, двигатели и манипуляторы. В центре конструкции помещалась прочная сфера с тремя небольшими иллюминаторами. Внутри едва хватало места для троих.

Управлял аппаратом Борис Климов, опытный пилот, совершивший несколько десятков глубоководных погружений. Берестов разместился справа от него, Зорин — слева, возле приборов и фотокамеры.

— Последняя возможность отказаться, господа учёные, — объявил Климов, проверяя запор люка. — Внизу буфета не будет, курить нельзя, выходить до остановки тоже.

— А виды из окна? — спросил Берестов с самым серьёзным видом.

— За отдельную плату.

На палубе заработала лебёдка. Через несколько минут «Скат» качнулся над водой, опустился на поверхность и освободился от подъёмного устройства. Климов проверил герметичность корпуса. Все трое сверили часы с судовым временем. Пилот принял водяной балласт, Берестов пустил секундомер. Океан сомкнулся над аппаратом.

Первые сто метров они прошли в голубоватом полумраке. Затем вода приобрела густой синий цвет, и вскоре за иллюминаторами воцарилась ночь. Прожекторы выхватывали из темноты мелкие частицы органического вещества, медленно опускавшиеся из верхних слоёв океана. Иногда в лучах света появлялась рыба и мгновенно исчезала.

На глубине тысячи метров забортная вода была уже значительно холоднее, чем у поверхности. Климов сообщил на судно очередные показания. Ответ по гидроакустическому телефону пришёл с задержкой и характерным треском.

На двух тысячах метров Зорин задумался о том, что отделяло его от поверхности. У самого дна давление воды должно было превысить триста атмосфер. На каждый квадратный сантиметр корпуса вода давила бы с силой, равной весу груза в три с лишним центнера. При таком давлении любой серьёзный дефект корпуса мог оказаться роковым.

Между тем Климов совершенно спокойно разворачивал бутерброд.

— Есть будете?

— Позже, — ответил Константин.

— Как хотите. Только над приборной панелью не крошите.

Берестов вдруг наклонился к индикатору магнитометра, датчик которого был вынесен на наружную часть рамы.

— Смотрите. Опять импульс.

Зорин отметил время в журнале и сравнил его с предыдущей записью.

— Восемьдесят четыре секунды. Точно.

— И амплитуда растёт. Мы приближаемся к источнику.

Через два часа после начала спуска эхолот показал, что до дна оставалось меньше пятидесяти метров. Климов доложил о приближении ко дну, уменьшил скорость погружения и включил дополнительные прожекторы.

Внизу возник серый склон, усеянный обломками базальта. По грунту медленно ползло бледное морское животное с длинными тонкими конечностями. В нескольких метрах от него из донных осадков выступал гладкий чёрный уступ.

— Глубина — три тысячи сто девяносто восемь метров, — сообщил Климов. — Дальше идём горизонтально.

Уступ тянулся на восток. Через некоторое время аппарат достиг угла, за которым чёрная кромка продолжалась уже в другом направлении.

Константин приник к иллюминатору.

— Борис, поднимись на несколько метров. Хочу увидеть верхнюю кромку.

Аппарат послушно поднялся. Перед исследователями открылась поверхность, состоявшая из широких ступеней. Все они были одинаковой высоты и отделялись друг от друга узкими горизонтальными полосами.

Берестов некоторое время молчал, затем достал блокнот и принялся рисовать.

— Я не геолог, — произнёс Климов, — но это больше похоже на лестницу, чем на гору.

— Судя по локатору, высотой метров в тридцать, — сказал Константин. — И это только видимая часть.

Они обогнули выступ. Там, где ожидали увидеть продолжение склона, возвышалась вертикальная плоскость из чёрного материала. На ней виднелись ряды углублений: окружности, пересечённые линиями, и группы коротких знаков.

Константин сделал несколько снимков. По его просьбе Климов приблизил к стене раскрытый манипулятор: зная расстояние между губками захвата, можно было приблизительно оценить размеры знаков.

— «Альциона», мы обнаружили объект с признаками искусственной обработки, — передал он на поверхность. — Подчёркиваю: это предварительное наблюдение. Нужна подробная съёмка.

— Вас понял, — ответил капитан. — Сколько времени потребуется?

— Час, если позволят условия.

— У вас сорок минут до начала подъёма. Не забывайте про батареи.

Зорин собирался возразить, но в этот момент Берестов схватил его за рукав.

— Там! Правее стены!

Климов повернул аппарат.

Из мрака выступило гигантское кольцо.

Оно стояло вертикально, опираясь на массивное основание, почти целиком погребённое под осадками. Диаметр сооружения, по предварительной оценке с помощью гидролокатора, составлял около восемнадцати метров. По внутреннему краю шли углубления, напоминавшие пазы, а в верхней части блестела полоса металла.

На несколько мгновений Константин забыл о фотокамере. Он смотрел на кольцо и пытался найти хоть одно естественное объяснение увиденному.

— Теперь можете сказать, что природа любит правильные формы, — тихо произнёс Берестов.

— Не в таких количествах.

Климов вернул аппарат на прежний горизонт. Константин опомнился, сделал несколько кадров кольца и записал в журнал показание глубиномера: 3198 метров. В углу одного из кадров была видна часть рамы «Ската» с манипулятором. У основания кольца Зорин заметил

предмет размером с небольшой апельсин. Он был почти прозрачен и имел правильную сферическую форму. В лучах прожектора внутри него переливались тонкие голубые нити.

Климов подвёл аппарат ближе и выдвинул манипулятор.

— Поднимать будем?

Константин осмотрел предмет через иллюминатор. Сфера покоилась в неглубокой выемке; видимых креплений не было.

— Сначала снимок. Потом попробуем взять образец. Если почувствуешь сопротивление, сразу отпускай.

Зорин сделал снимок сферы на месте. Металлические пальцы манипулятора сомкнулись вокруг неё, и она легко вышла из выемки.

Стрелка индикатора магнитометра резко отклонилась.

— Импульс раньше срока! — воскликнул Берестов.

Внутри кольца возникло слабое голубоватое свечение. Оно пробежало по пазам, собралось у верхней точки и погасло. Затем один за другим начали светиться знаки на чёрной стене.

— Положи её обратно, — сказал Константин.

Климов попытался вернуть сферу на место, но аппарат неожиданно развернуло. Пилот включил боковые движители. Они загудели, однако «Скат» продолжал медленно смещаться к кольцу.

— Течение? — спросил Зорин.

— Только что его не было. Держитесь.

Климов прибавил тягу. Аппарат на мгновение остановился. Из-под основания сооружения поднялось облако осадков, и в отражённом свете прожекторов исследователи перестали различать стену.

Когда видимость восстановилась, Берестов указал на экран гидролокатора.

— За кольцом появился проход.

На месте, где прежде прибор отмечал отражение от сплошной стены, теперь обнаруживалось свободное пространство. Дальняя граница не просматривалась.

— Никаких проходов, — отрезал Климов. — Мы возвращаемся.

Константин не стал спорить. Он взял микрофон.

— «Альциона», ответьте. Объект активен. Повторяю, мы наблюдаем работу неизвестного механизма. Начинаем подъём.

В динамике раздался голос капитана:

— «Скат», вы почему молчали? Мы вызываем вас уже двадцать минут!

— Мы только что докладывали вам о находке.

— Ваш последний доклад был о приближении ко дну.

Константин посмотрел на часы. С момента доклада о находке, на который он получил ответ капитана, прошло не более четырёх минут. Но Савельев утверждал, что этого разговора вовсе не было.

Берестов сверился с электронным секундомером. По нему с начала погружения прошло на несколько минут больше, чем по часам Зорина. Геофизик нахмурился. Неужели магнитное поле вывело из строя один из приборов?

— Борис, — сказал он, — сколько времени прошло по твоим часам?

Климов не ответил. Он смотрел на панель управления, где одна за другой загорались сигнальные лампы.

***

На мостике «Альционы» капитан Савельев отложил микрофон и приказал подготовить палубную команду к приёму аппарата.

— Сколько до их выхода на поверхность?

— При нормальном подъёме около двух часов, — ответил старший механик. — Если придётся сбросить аварийный балласт, возможно, меньше.

Радист, следивший за приёмником гидроакустической станции, поднял руку.

— Товарищ капитан, ещё один сигнал.

Из динамика донёсся голос Зорина, прерываемый шумом.

— Мы не поднимаемся… Нас удерживает… Вижу второе кольцо. Оно находится под первым. Здесь какое-то движение… Роман, выключи запись, помоги Борису!

Связь прервалась.

Савельев приказал повторить вызов. Ответа не последовало. Затем на ленте эхолота возникло несколько отметок, поднимавшихся от дна. Старший механик решил, что это пузырьки газа, но отметки замерли на одной глубине. На экране гидролокатора они стали расходиться в стороны, словно повинуясь заданному порядку.

— Вулканическая активность? — спросил капитан.

— Не знаю. Такого я ещё не видел.

В этот момент погасло освещение мостика. Вскоре включилось аварийное питание, и часть ламп снова вспыхнула. Судно слегка накренилось, хотя море оставалось спокойным.

Радист снял наушники.

— Есть голос. Но не на рабочей частоте гидроакустической связи.

Он подключил громкоговоритель к приёмнику. Несколько секунд слышался только треск. Потом кто-то отчётливо произнёс:

— «Альциона», не открывайте вторые врата.

Капитан узнал голос. Это был Константин Зорин.

— Константин! Где вы? Докладывайте положение!

Ответа не было.

— Записали? — спросил Савельев.

Радист кивнул.

— Передайте на берег координаты. Сообщите, что глубоководный аппарат не отвечает. Запрашиваем помощь.

Капитан подошёл к окну. В нескольких сотнях метров от судна вода начала светиться. Сначала возникло маленькое пятно, затем оно расширилось, и на поверхности проступили две концентрические окружности.

Кто-то на палубе закричал.

Савельев бросился к микрофону судовой радиостанции.

— Всем станциям, всем станциям! Говорит научно-исследовательское судно «Альциона». Мы наблюдаем неизвестное явление. Это не руины. Здесь всё ещё работает. Приборы показывают движение под океаническим дном. Мы обнаружили вход… Если вы слышите нас, не пытайтесь открыть вторые врата…

Последние слова потонули в помехах.

***

Одиннадцать дней спустя, утром 27 сентября, советский сухогруз «Северный мыс», следовавший к острову Сан-Мигел, обнаружил в открытом океане «Альциону». Она дрейфовала, не имея хода, с опущенной к воде кормовой лестницей.

На неоднократные радиовызовы никто не ответил.

Капитан сухогруза направил на борт «Альционы» троих моряков: второго помощника, матроса и механика. Они подошли на шлюпке, поднялись по лестнице, осмотрели палубу и прошли во внутренние помещения.

В каютах лежали личные вещи. На камбузе стояла посуда. Спасательные шлюпки и плоты находились на штатных местах. Корпус не имел видимых повреждений. В машинном отделении ещё работал один вспомогательный агрегат; запас топлива был достаточным.

На борту не было ни одного человека.

Не нашли и глубоководного аппарата «Скат». Исчезли также журналы последних исследований, фотоплёнки и большая часть образцов, собранных экспедицией.

Впоследствии следственная комиссия установила, что последний регулярный сеанс связи состоялся 15 сентября. На следующие сутки судно не успело передать полное сообщение о бедствии. На одном из береговых постов сохранилась обрывочная запись радиограммы. Слова о вратах сочли следствием сильных помех или ошибкой при расшифровке.

Однако один из моряков, первым поднявшихся на борт «Альционы», рассказал следователям о странной находке. В каюте Константина Зорина на столе лежал раскрытый блокнот. На последней исписанной странице карандашом были начерчены два кольца, соединённые прямой линией. Под рисунком стояли пять слов:

«Первое открывается снаружи. Второе — изнутри».

Моряк утверждал, что передал блокнот прибывшим представителям комиссии. В окончательной описи найденных на судне предметов блокнот не значился.

Поиски продолжались несколько недель. Ни одного из двадцати четырёх человек обнаружить не удалось. Материалы расследования закрыли для свободного доступа.

А в далёком от океана городе трёхлетний мальчик всё ещё ждал отца, обещавшего привезти ему морскую раковину.

Ему предстояло ждать тридцать девять лет.

Часть I. Тайна «Альционы»

Глава 1. Письмо из прошлого

Санкт-Петербург. Сентябрь 2026 года.

В тот дождливый понедельник Андрей Константинович Зорин меньше всего думал об Атлантическом океане. На рабочем столе лежали фотографии обломков торгового судна, затонувшего в Финском заливе более двух столетий назад, а на экране компьютера медленно вращалась трёхмерная модель его корпуса.

Зорин занимался морской археологией уже восемнадцать лет. За это время ему довелось исследовать затонувшие парусники, поднимать со дна старинные орудия, изучать остатки древних портовых сооружений и проводить долгие недели на борту исследовательских судов.

Он привык иметь дело с прошлым.

Но до этого дня прошлое никогда не писало ему писем.

Работа сама по себе заслуживала внимания. Минувшим летом экспедиция обнаружила в иле у северного берега залива остатки двухмачтового судна. Сохранившиеся под донными отложениями дубовые брусья позволяли судить о способе постройки корпуса, а клейма на медных листах наружной обшивки помогали уточнить время его постройки или ремонта. Не хватало лишь одного — названия судна.

Андрей полагал, что название найдётся в портовых книгах, если удастся установить происхождение груза. Его молодой помощник, напротив, настаивал на том, чтобы поднять со дна кормовую часть судна.

— Она может рассыпаться у нас в руках, — сказал Зорин. — Двести лет под водой, а потом сразу на воздух? Без консервации мы её погубим.

— Но ведь там может быть название.

— Может. А может, там давно поселился какой-нибудь рачок, и ему совершенно безразлично, как называлась его квартира. Сначала сделаем хорошую съёмку.

Помощник забрал распечатки и вышел. Андрей вернулся к модели корпуса, но почти тотчас в приоткрытую дверь заглянула сотрудница приёмной.

— Андрей Константинович, вам пакет. Только что принесли.

— Из архива?

— Не знаю. Распишитесь вот здесь.

Она положила на стол небольшой свёрток, обёрнутый серой бумагой. На наклейке службы доставки значились адрес института, номер кабинета и полное имя получателя. Имени отправителя на ней не было. Внизу был напечатан номер заказа.

— Кто принёс?

— Курьер. Я его первый раз вижу.

Зорин расписался и машинально отодвинул свёрток к краю стола. Лишь через полчаса, отложив расчёты, он вспомнил о посылке.

Внутри находилась картонная коробка длиной около двадцати сантиметров. Сняв крышку, Андрей увидел несколько листов упаковочной бумаги, белый конверт и маленький предмет, завёрнутый в плотную ткань. Под конвертом лежала фотография.

Первое, что бросилось ему в глаза, — надпись на конверте, сделанная от руки. Обращение было совсем не похоже на обычную служебную пометку.

«Андрею. Лично».

Он поддел клапан ножом для бумаги и вынул лист, сложенный вчетверо. Бумага была тонкая, чуть шероховатая, с голубоватыми линиями. В верхнем углу стояла дата: 7 сентября 2026 года.

Андрей взглянул на календарь. Письмо было датировано сегодняшним числом.

Он начал читать.

«Здравствуй, Андрей!

Если письмо попадёт к тебе в тот день, который мне назвали, ты уже взрослый человек. Мне трудно это представить, хотя я стараюсь.

Не знаю, что тебе рассказали о нашей экспедиции. Мы не погибли в море. По крайней мере, не в том смысле, какой обычно вкладывают в эти слова.

Предмет, который ты найдёшь в коробке, принадлежит не мне. Береги его. Не отдавай никому, кто захочет купить его или будет требовать немедленно передать властям без объяснения причин. Сначала выясни, что произошло с нашим судном.

Найди Владимира Петровича Бессонова. Он поймёт, о чём идёт речь, если ты покажешь ему фотографию. Не спрашивай у него об Атлантиде. Спроси, почему он не вышел с нами в море.

И ещё. Если тебе удастся узнать, где мы находились в день последнего погружения, не спеши туда отправляться. Одних координат недостаточно.

Я обещал привезти тебе раковину. Помню об этом.

Твой отец.

Константин Зорин».

Последние строки Андрей перечитал дважды. Затем положил лист на стол и подошёл к окну.

По улице двигались автомобили. У остановки под одним зонтом стояли две женщины, а напротив института рабочие в оранжевых жилетах разгружали мешки с песком. За окном ничего не изменилось, и от этого прочитанное письмо казалось ещё более невероятным.

Отец исчез в сентябре 1987 года. Андрею тогда было три года. Он почти не помнил его лица, хотя без труда узнавал отца на фотографиях. В детстве ему говорили, что отец погиб при исполнении служебных обязанностей. Позднее мать объяснила, что обстоятельства исчезновения так и не выяснили. Не было ни тела, ни могилы, ни даже достоверного подтверждения его гибели.

Однажды, лет в четырнадцать, Андрей попытался расспросить её о поисках. Мать достала из шкафа несколько официальных писем, дала ему прочитать и ушла на кухню. Больше он к этому разговору не возвращался.

За прошедшие годы Зорин не раз встречался с людьми, готовыми объяснить исчезновение «Альционы» самыми невероятными причинами. Одни ссылались на магнитные аномалии, другие — на секретные испытания в океане. Был даже человек, утверждавший, что видел капитана судна в Буэнос-Айресе в середине девяностых годов. Проверка показала, что тот перепутал его с моряком из Одессы.

Однако никому до сих пор не приходило в голову прислать письмо от имени самого Константина Зорина.

Андрей вернулся к столу и взял фотографию.

Снимок был чёрно-белый, отпечатанный на глянцевой бумаге. Нижнюю половину кадра занимало дно, покрытое светлыми осадками. Вдали виднелась тёмная стена, а перед ней возвышалось кольцо на широком основании. В правом нижнем углу снимка виднелась часть металлической рамы с манипулятором. По всему снимку были разбросаны белые точки — вероятно, частицы взвеси, освещённые прожекторами.

На обороте карандашом было написано: «3198 м. Перед первым кольцом».

Андрей достал лупу. Вдоль внутренней кромки сооружения различались прямоугольные углубления. Некоторые из них были занесены осадками, но другие сохранили отчётливые границы. Видимый в кадре фрагмент манипулятора находился гораздо ближе к камере, чем сооружение. Не зная расстояния до кольца и параметров съёмки, судить о его размерах по фотографии было трудно.

— Ну, допустим, — произнёс он вслух. — А теперь посмотрим, что ещё вы мне приготовили.

Он развернул ткань.

На ладонь лёг плоский металлический предмет размером со спичечный коробок. Он имел форму неправильного шестиугольника со скруглёнными углами. Одна сторона была совершенно гладкой, другую покрывали неглубокие бороздки. Среди них выделялся рисунок из двух окружностей, соединённых прямой линией.

Металл был серым, с едва заметным синеватым оттенком. На нём не оказалось ни видимых следов коррозии, ни клейма изготовителя, ни отверстий для крепления. Андрей перевернул предмет и обнаружил на торце ещё три знака, настолько мелких, что без увеличения их можно было принять за царапины.

Ему случалось видеть подобные безделушки у торговцев древностями. Некоторые представляли собой современные изделия, искусственно состаренные и снабжённые таинственными письменами. Но этот предмет, казалось, даже не пытались выдать за старинный.

Зорин достал из шкафа чистый пакет для образцов и убрал в него находку. Затем сфотографировал содержимое посылки, упаковку и наклейку, записал время получения и отметил, что успел взять предмет голой рукой. Письмо и снимок он поместил в отдельные бумажные папки. Как бы нелепо ни выглядела эта история, следовало сохранить всё, что могло помочь выяснить происхождение посылки.

Он набрал номер матери.

— Мам, ты дома?

— А где мне ещё быть в такую погоду? Что случилось?

— Ничего. Хотел заехать вечером. У тебя остались папины письма?

Мать не сразу ответила.

— Остались. А зачем они тебе?

— Нужно посмотреть кое-что. Для работы.

— Ты ведь не занимаешься его экспедицией?

— Нет. Пока нет.

— Приезжай. Только хлеб купи, я сегодня не выходила.

***

В квартире, где Андрей провёл детство, за последние двадцать лет изменилось гораздо меньше, чем в остальном городе. На книжных полках по-прежнему стояли тома морских энциклопедий, между окнами висел старый барометр, а на дверце кухонного шкафа сохранились едва различимые карандашные отметки, по которым отец когда-то следил за ростом сына.

Мать встретила Андрея в прихожей. Она взяла у него пакет с продуктами и, заметив папку под мышкой, покачала головой.

— Всё-таки что-то нашёл?

— Возможно. Но сначала покажи письма.

— Ужинать будешь?

— Буду.

— Тогда доставай сам. Нижний ящик письменного стола.

В ящике лежала жестяная коробка из-под печенья. Андрей помнил её ещё с детства. Внутри хранились письма, открытки из портовых городов, несколько выцветших телеграмм

и сложенный вдвое лист с перечнем вещей, которые отец просил приготовить к очередному рейсу.

Он разложил бумаги на столе. На большинстве конвертов стояли даты первой половины восьмидесятых годов. Отец писал быстрым, наклонным почерком, местами почти неразборчивым. Особенно своеобразно он выводил заглавную букву «А»: её левая ножка была заметно длиннее правой, а поперечная черта выходила за пределы буквы.

На полученном утром конверте «А» выглядела точно так же.

Андрей сравнил несколько подписей. Сходство было поразительным. Совпадали даже некоторые особенности соединения букв в фамилии. Но морской археолог слишком хорошо знал, сколько труда способен вложить фальсификатор в изготовление убедительной подделки.

— Вот, — сказала мать, ставя на стол чашку чая. — Это последнее письмо. Он прислал его перед выходом из порта.

Андрей взял пожелтевший лист.

Отец сообщал, что на судне заменили неисправный прибор, жаловался на дороговизну товаров в иностранном порту и просил не покупать ему новый плащ: старый ещё вполне годился. В конце он писал, что надеется вернуться к октябрю.

«Андрею передай, что раковину привезу непременно. Только пусть пока не разбирает мои часы».

Зорин поднял глаза.

— Ты кому-нибудь рассказывала про раковину?

— Какую раковину?

Он показал ей строчку.

— А, эту. Нет, кажется. Ты тогда всё просил настоящую морскую раковину, чтобы приложить к уху. Где-то услышал, что в ней шумит море.

— А папины письма кто-нибудь читал, кроме нас?

— Не знаю. Когда он пропал, приходили из комиссии, спрашивали, получала ли я от него известия. Я показывала телеграмму. Письма не забирали. Андрей, в чём дело?

Он помедлил. В институте ему ещё удавалось рассматривать посылку как любопытную загадку. Здесь, среди отцовских вещей, сохранять беспристрастность оказалось гораздо труднее.

— Сегодня мне прислали письмо. Подписано его именем.

Мать поставила чашку на блюдце.

— Опять кто-то решил пошутить?

— Может быть.

— Дай посмотреть.

Андрей вынул лист из папки. Она прочла его стоя. Дойдя до последних строк, поднесла бумагу ближе к глазам.

— Почерк его, — сказала она наконец.

— Это ещё ничего не доказывает.

— Я знаю.

Она села и некоторое время рассматривала дату.

— Зачем они это делают?

— Не знаю. Попробую выяснить, кто отправил посылку.

— Выясняй. Только не говори мне, что он жив, пока не увидишь его собственными глазами. Мне уже однажды обещали, что его найдут.

Андрей убрал письмо.

— Не скажу.

Они поужинали. Мать рассказывала о протекающей крыше над лестничной площадкой и о соседях, собиравшихся менять домофон. Он слушал, отвечал, помог передвинуть тяжё-

лый цветочный горшок с подоконника, а перед уходом взял с её разрешения несколько старых писем для экспертизы.

Уже в прихожей он спросил:

— Мам, фамилия Бессонов тебе о чём-нибудь говорит?

Она задумалась.

— Владимир? Кажется, был такой. Приходил к нам один раз, ещё до того, как твой отец уехал. Молодой, худой. Они спорили до полуночи. Я тогда выставила их из кухни, потому что мне утром надо было на работу.

— О чём спорили?

— О какой-то карте. Не помню. Ты спал, а они всё шумели. Потом, когда судно пропало, он звонил. Сказал, что поиски продолжаются.

— Больше не появлялся?

— Нет.

Андрей застегнул куртку. Теперь он знал, что имя Бессонова оказалось в письме не случайно: профессор действительно был знаком с отцом.

***

На следующее утро Зорин первым делом занялся происхождением посылки. Служба доставки подтвердила, что заказ существовал: его оформили через интернет и оплатили заранее. Пакет забрали из пункта приёма в воскресенье вечером. Оператор отказался сообщить личные данные клиента, но согласился передать отправителю просьбу получателя связаться с ним.

Ничего особенно подозрительного в этой процедуре не было. Андрей и сам не раз заказывал доставку документов таким способом. Тем не менее он записал номер заказа, время приёма и сохранил переписку.

Затем он отправился в лабораторию, занимавшуюся исследованием документов. С её сотрудниками Зорин был знаком по работе: несколько лет назад они помогали установить подлинность судового журнала, приобретённого музеем у частного коллекционера. Перед визитом он сделал рабочие копии письма и конверта, чтобы иметь возможность обращаться к тексту, пока оригиналы будут у специалистов.

— Вы хотите узнать возраст бумаги или установить автора рукописи? — спросила специалист, изучая принесённые листы.

— И то и другое. Но прежде всего выяснить, кто его написал.

— Сколько образцов?

— Девять писем. Две открытки. Все написаны одним человеком.

— А спорное письмо когда составлено?

— На нём стоит вчерашняя дата.

— И вы сомневаетесь в ней?

— Я сомневаюсь почти во всём, что здесь написано.

Она просмотрела старые письма, обратила внимание на подписи и разложила документы по датам.

— Между образцами и спорным текстом почти сорок лет. За такой срок почерк может заметно измениться. Учитывайте это.

— В том-то и дело, что автор исчез тридцать девять лет назад.

Специалист посмотрела на него поверх очков.

— Тогда тем более не будем торопиться. Для начала исследуем оригиналы без отбора проб. Если понадобится химический анализ чернил, согласуем отдельно.

Зорин передал оригиналы спорного письма и конверта вместе со сравнительными образцами по расписке. На вопрос, когда можно ждать результатов, ему ответили, что предварительное мнение будет через два дня, а полноценное заключение потребует больше времени.

Вернувшись в институт, он открыл научные базы данных и ввёл в поисковую строку имя Владимира Петровича Бессонова.

Профессора он нашёл довольно быстро. Тому исполнился шестьдесят один год. Бессонов специализировался на истории мореплавания, древних письменностях и передаче географических знаний в Средиземноморье. Среди его публикаций были исследования финикийской торговли, античных представлений об океане и средневековых карт.

Одна работа, опубликованная ещё в начале девяностых, особенно заинтересовала Андрея. Она называлась «К вопросу о происхождении географических сведений в поздних списках античных текстов». В примечании к статье профессор ссылался на рукописную карту из частного собрания, однако не приводил ни её изображения, ни точного описания.

Зорин скачал статью и прочитал её целиком. Ничего, что указывало бы на участие автора в океанографической экспедиции, в тексте не было. Но в краткой биографии Бессонова обнаружилось любопытное обстоятельство: в 1987 году, ещё будучи молодым сотрудником научного учреждения, он принимал участие в подготовке материалов для исследований в Северной Атлантике.

Андрей выписал служебный телефон профессора. Набрав номер, он услышал длинные гудки. Никто не ответил. Тогда он отправил на университетский адрес короткое письмо с просьбой о встрече, указав, что вопрос касается экспедиции 1987 года. Фотографию и содержание посылки он решил пока не упоминать.

Время до обеда он посвятил металлическому предмету.

Для первого осмотра ему не требовалось сложное оборудование. В лаборатории института имелись точные весы, штангенциркуль и оптический микроскоп. Предмет весил сорок семь с небольшим граммов, его наибольший размер составлял пятьдесят два миллиметра, а толщина не достигала четырёх. Из-за неправильной формы оценивать плотность по одним только линейным размерам было бы ненадёжно. Зорин записал результаты, не пытаясь угадать состав сплава.

Под микроскопом поверхность выглядела неожиданно ровной. На торце не обнаружилось различимых следов механической обработки, хотя это могло объясняться последующей полировкой. Бороздки имели почти одинаковую ширину. В местах пересечения линий Андрей не сумел различить характерные следы последовательных проходов режущего инструмента.

Андрей сделал серию снимков. При изменении угла освещения в одном из углублений проявились ещё несколько коротких штрихов. Он нанёс их на схему и отложил предмет.

Ни один из этих признаков сам по себе не свидетельствовал о древности изделия. Такая точность была вполне достижима при современном производстве. Для дальнейшего исследования требовались специалисты по материалам, а главное — достоверные сведения о месте и обстоятельствах находки. Без них попытка определить возраст предмета была бы преждевременной.

К вечеру от Бессонова пришёл ответ. Профессор сообщал, что занят и сможет принять Андрея лишь на следующей неделе. О самой экспедиции в письме не было ни слова.

Зорин не стал настаивать. Он отправил уточнение: речь идёт о Константине Игоревиче Зорине.

Ответа больше не последовало.

***

В четверг, спустя три дня после получения посылки, Андрей вновь оказался в лаборатории исследования документов.

Специалист встретила его с несколькими увеличенными изображениями рукописей. На листах были отмечены фрагменты букв, соединения штрихов и характерные особенности подписи.

— Есть предварительный результат, — сказала она. — Но сразу предупреждаю: это не окончательное заключение.

— Что удалось установить?

— Мы нашли целый ряд совпадений в общих и частных признаках почерка. Не только в форме букв, но и в особенностях привычных движений руки. Посмотрите сюда.

Она положила рядом два увеличенных фрагмента.

— В обоих случаях пишущий одинаково начинает этот элемент, меняет направление штриха и соединяет его со следующей буквой. Таких совпадений достаточно много. При первичном осмотре мы не обнаружили явных признаков медленного обведения или неуверенной имитации.

— Значит, письмо написал мой отец?

— Я сказала бы осторожнее: совокупность признаков даёт основания предполагать, что тексты выполнены одним человеком. Нам ещё предстоит оценить вероятность подражания и получить дополнительные образцы. Пока это предварительное мнение, а не вывод о тождестве исполнителя.

— А бумага?

— Обычная писчая. При первичном осмотре в чернилах тоже ничего необычного не обнаружено. Но установить по ним конкретный день написания мы не можем. И дата на листе сама по себе ничего не подтверждает.

Андрей кивнул. Он надеялся, что специалист найдёт явный признак подделки и тем положит конец этой истории. Теперь такого простого объяснения у него не было.

— Есть ещё одна особенность, — продолжала специалист. — Почерк в спорном письме довольно близок к образцам середины восьмидесятых. По этому сходству нельзя судить ни о возрасте писавшего, ни о том, сколько времени прошло между написанием текстов.

— А если человек написал письмо тогда, в восемьдесят седьмом, и поставил будущую дату?

— Такое предположение исследованием почерка ни подтвердить, ни опровергнуть нельзя. Вы ведь понимаете, что я работаю с документом, а не с обстоятельствами его появления?

— Прекрасно понимаю.

Он договорился о дальнейшем исследовании, оставил оригиналы в лаборатории и вышел на улицу. Дождь прекратился. Над городом показалась узкая полоска голубого неба, а на мокрых гранитных парапетах набережной отражался солнечный свет.

Андрей пошёл пешком вдоль Невы. Ему необходимо было привести мысли в порядок.

Если письмо было написано отцом в 1987 году, почему в нём стояла дата 2026 года? И каким образом человек, готовившийся к обычной океанографической экспедиции, мог предвидеть своё исчезновение? Допустим, письмо составили позднее. Тогда отец мог пережить катастрофу. Но где он находился все эти годы? Почему ни разу не попытался связаться с семьёй? Наконец, кто доставил пакет в Петербург?

Возможность обмана по-прежнему оставалась. Однако даже обман требовал объяснения. Кто-то должен был располагать сведениями о семье Зориных, знать о Бессонове, получить образцы почерка и изготовить или раздобыть фотографию подводного сооружения.

И всё это ради чего?

Андрей остановился у парапета. Под ним течение несло небольшую ветку. Впереди, у причала, рабочий катер разворачивался против ветра. Зорин вспомнил отцовскую фотографию, на которой тот стоял у борта судна в белой рубашке с закатанными рукавами. Человек на снимке был моложе его самого. До сих пор Андрей не придавал этому обстоятельству особого значения.

Теперь же он поймал себя на совершенно нелепой мысли: если отец жив, то каким он окажется при встрече?

Телефон в кармане завибрировал. На экране высветился незнакомый городской номер.

— Андрей Константинович?

— Да.

— Бессонов. Вы мне писали.

Голос был низкий, немного хриплый. На заднем плане слышался шелест бумаги.

— Владимир Петрович, мне хотелось бы поговорить с вами об «Альционе».

— Вы сын Константина?

— Да.

— Я так и подумал. Скажите, почему вы решили заняться этим именно сейчас?

Андрей посмотрел на реку.

— Получил кое-какие материалы.

— От кого?

— Не знаю. Среди них фотография подводного сооружения.

Бессонов замолчал.

— Какого сооружения?

— Вертикальное кольцо на массивном основании. На обороте указана глубина съёмки — три тысячи сто девяносто восемь метров.

— Вы уверены в цифрах?

— Могу прочитать ещё раз, если хотите.

— Не надо. Что-нибудь ещё есть на обороте?

— «Перед первым кольцом».

Бессонов долго не отвечал. Андрей слышал лишь слабое потрескивание в трубке.

— Владимир Петрович?

— Да, я здесь. Слушайте внимательно. У вас есть возможность приехать ко мне завтра?

— Конечно. Вы знаете, что изображено на снимке?

— Я знаю, откуда могла взяться такая фотография. Это не одно и то же.

— В письме, подписанном именем моего отца, сказано, что вы можете мне помочь.

— В письме?

— Да. Его прислали вместе со снимком.

— Когда оно написано?

— Не знаю. На письме стоит дата этого понедельника.

Андрей услышал, как профессор резко отодвинул стул.

— По телефону больше ничего не рассказывайте. Завтра в десять. Я пришлю адрес.

— Хорошо. Но прежде ответьте на один вопрос. Почему вы не вышли с ними в море?

Бессонов тяжело вздохнул.

— Вот с этого, пожалуй, и придётся начать.

Связь оборвалась.

Зорин убрал телефон. Реакция профессора не оставляла сомнений: фотография ему что-то напомнила. Но прежде чем услышать его версию событий, Андрею следовало познакомиться с тем, что было известно об исчезновении судна из официальных источников.

Он вернулся в институт, отыскал в электронной библиотеке указатель старых морских изданий и заказал подшивку за осень 1987 года. Затем на чистом листе бумаги записал название судна, месяц и год его исчезновения и число людей, находившихся на борту.

Двадцать четыре.

Рядом он положил фотографию кольца. Если сведения в письме подтвердятся, судьба этих людей могла оказаться совсем иной, чем считалось до сих пор.

За окном медленно темнело. Андрей включил настольную лампу и раскрыл старую карту Северной Атлантики.

Тридцать девять лет назад его отец отправился в этот океан и не вернулся. Теперь кто-то, располагавший сведениями о последнем погружении, указывал сыну, с чего начать поиски.

Андрей пока не знал, кто этот человек. Но впервые за много лет у него появилась возможность не просто ждать известий об отце, а искать их самому.

Глава 2. Судно без экипажа

К одиннадцати часам вечера Андрей Зорин убедился, что история исчезновения «Альционы» принадлежала к числу тех морских загадок, в которых недостаток достоверных сведений с избытком восполнялся человеческим воображением.

За тридцать девять лет о судьбе исследовательского судна было написано немало. Одни авторы обвиняли во всём океан, другие — военных, третьи с поразительной уверенностью рассуждали о явлениях, существование которых ещё предстояло доказать.

Между тем авторы этих публикаций уделяли удивительно мало внимания состоянию самого судна в момент его обнаружения.

А ведь именно судно удалось найти. Людей — нет.

Зорин отодвинул карту и открыл электронный каталог судовых справочников. Сведения об «Альционе» обнаружились в оцифрованном издании, выпущенном за два года до её последнего рейса. Это было небольшое научно-исследовательское судно с дизельной силовой установкой, двумя лабораториями, кормовой грузоподъёмной рамой и оборудованием для глубоководных работ. Первоначально построенное для гидрографических исследований, оно впоследствии было переоборудовано для спуска и подъёма обитаемого подводного аппарата.

На фотографии, сделанной у причала, «Альциона» выглядела не особенно внушительно. Надстройка занимала переднюю половину корпуса, за ней располагалась рабочая палуба. По обоим бортам на шлюпбалках висели спасательные шлюпки. Над мостиком возвышалась мачта с антеннами. На корме виднелась массивная рама, в походном положении наклонённая внутрь судна. Под ней на опорах был закреплён глубоководный аппарат.

Андрей увеличил изображение. У леерного ограждения стояли четверо мужчин. Лиц их различить было невозможно. И всё же он долго рассматривал человека в светлой рубашке, прислонившегося к надстройке, пока не поймал себя на том, что пытается узнать отца по едва различимому пятну на снимке.

Подшивку морского бюллетеня, заказанную им перед уходом из института, должны были подготовить к утру. Однако часть выпусков оказалась доступна в электронном виде, и теперь он листал на экране пожелтевшие страницы с объявлениями о смене экипажей, заметками о новых промысловых судах и отчётами о работе портов.

Первое упоминание об «Альционе» он нашёл в октябрьском номере за 1987 год. Сообщение занимало всего один абзац. В нём говорилось, что последний регулярный сеанс связи с судном состоялся 15 сентября, окончательно связь прервалась 16 сентября, а 27 сентября его обнаружил советский сухогруз «Северный мыс», направлявшийся к острову Сан-Мигел. Научный состав и экипаж отсутствовали. Причины происшествия выяснялись.

Андрей выписал даты. Затем открыл более поздний номер, где редакция выражала соболезнования семьям пропавших. Там не было ни одного слова о результатах поисков.

В другом издании, уже за ноябрь, он нашёл краткое интервью с представителем комиссии. Тот допускал, что из-за неблагоприятных гидрометеорологических условий экипаж мог быть вынужден покинуть судно.

— Мог быть вынужден, — повторил Андрей.

Он хорошо знал цену подобным выражениям. В научном отчёте они означали, что автор не располагает достаточными данными для окончательного вывода. В газетной статье, особенно напечатанной вскоре после трагедии, читатель нередко принимал предположение за установленный факт.

Около полуночи Зорин отыскал ещё одну публикацию, на этот раз за 2007 год. Её автор, журналист из Мурманска, беседовал с бывшим механиком «Северного мыса» Аркадием Семёновичем Гущиным. Статья была посвящена не «Альционе», а жизни советского торгового

флота. Однако в середине текста упоминался случай, когда Гущину довелось подняться на покинутое исследовательское судно.

Андрей прочитал соответствующий абзац трижды. По словам механика, на судне не было следов пожара, а обе спасательные шлюпки оставались на местах.

Если воспоминания Гущина были точны, объяснение комиссии становилось значительно менее убедительным.

Зорин нашёл сайт клуба ветеранов торгового флота. Среди фотографий с недавнего собрания он увидел седого мужчину с широким лицом. Подпись гласила: «А. С. Гущин, старший механик дальнего плавания». Клуб находился в Петербурге. В разделе контактов был указан телефон председателя.

Звонить в первом часу ночи Андрей, разумеется, не стал. Он отправил председателю клуба письмо с просьбой передать Гущину его номер телефона и объяснил, что разыскивает очевидцев исчезновения судна, на котором работал его отец. Затем выключил компьютер.

Спать ему оставалось меньше семи часов.

***

Утром Зорин приехал в библиотеку института раньше обычного. До встречи с Бессоновым оставалось чуть больше двух часов. Он надеялся за это время найти документы, которые позволили бы задавать профессору конкретные вопросы, а не довольствоваться общими воспоминаниями о рейсе.

Сотрудница библиотеки вынесла две тяжёлые папки.

— Ваши морские бюллетени. А вот это, — она положила сверху тонкую брошюру, — я нашла в старом фонде. Отчёт о деятельности института за восемьдесят седьмой год. В каталоге его нет, но он сохранился вместе с другими ведомственными изданиями.

— Здесь могут быть сведения об «Альционе»?

— Посмотрите. У меня ещё два читателя ждут.

Отчёт принадлежал к числу тех изданий, которые редко открывают после окончания отчётного года. На сероватой бумаге были напечатаны сведения о выполненных научных программах, количестве экспедиционных дней, расходе топлива и числе обработанных проб. Некоторые таблицы были заполнены от руки и воспроизведены типографским способом.

Андрей нашёл нужную экспедицию в разделе, посвящённом геофизике океанического дна. Её первоначальной задачей было изучение строения земной коры в районе Срединно-Атлантического хребта. Предполагалось провести магнитную съёмку, измерить тепловой поток через донные отложения и собрать образцы пород на нескольких подводных возвышенностях.

Здесь не было ничего, что оправдывало бы разговоры об Атлантиде.

Зато в примечании к перечню работ стояло: «В связи с изменением программы рейса работы на части запланированных станций не выполнены».

Под таблицей был указан номер служебного распоряжения. Андрей переписал его и перевернул страницу. В приложении к отчёту имелась схема маршрута, настолько мелкая, что отдельные точки едва различались. Он попросил разрешения отсканировать её и открыл полученный файл на ноутбуке.

Пунктирная линия начиналась у европейского побережья, огибала Азорские острова и уходила к юго-западу. В последней части маршрута обозначения научных станций обрывались. Место обнаружения судна на схеме отмечено не было.

— А где можно найти распоряжение об изменении программы? — спросил он у сотрудницы, когда та вернулась.

— В архиве организации, которая его издала. Если сохранилось. За столько лет институты объединялись, фонды передавали с места на место. Сами знаете, как это бывает.

— Знаю. Иногда проще поднять корабль со дна, чем найти бумаги о его постройке.

Она усмехнулась и принесла старый перечень ведомственных фондов. Андрей занялся номерами описей. Он успел установить, куда была передана часть документов экспедиционного отдела, когда на столе завибрировал телефон. Зорин вышел в коридор и ответил.

— Зорин?

— Да.

— Гущин. Мне из клуба звонили. Вы, говорят, про «Альциону» спрашиваете.

Андрей невольно крепче сжал телефон.

— Аркадий Семёнович, мой отец был на этом судне. Константин Игоревич Зорин.

— Зорин… Фамилию помню. Вы где сейчас?

— В институте, на Васильевском острове.

— А я неподалёку. Мне к врачу после обеда. Могу подойти, если вам удобно. Только не на целый день.

— Конечно. Во сколько?

— Минут через двадцать. Скажите, куда идти.

Андрей назвал адрес и договорился встретить Гущина у входа. Затем вернулся в читальный зал и собрал бумаги. До встречи с профессором оставалось достаточно времени для короткого разговора.

***

Аркадий Семёнович оказался невысоким, крепко сложенным человеком с большими руками. Он пришёл в старой кожаной куртке, нёс потёртую сумку и, несмотря на возраст, поднялся по лестнице института быстрее Зорина.

— Не проще было на лифте? — спросил Андрей, когда они оказались на втором этаже.

— Может, и проще. А ноги у меня свои. Пока работают, буду пользоваться.

В кабинете Гущин отказался от чая, но согласился на стакан воды. Он снял куртку, аккуратно повесил её на спинку стула и осмотрел фотографии затонувшего парусника, разложенные на столе.

— Достаёте всякое со дна?

— В основном стараемся ничего не доставать без необходимости.

— Правильно. А то мы однажды якорь подняли вместе с кабелем. Потом полдня объясняли, что не собирались лишать связи целый остров.

Андрей положил перед ним фотографию «Альционы» из судового справочника.

— Это она?

Гущин надел очки.

— Она. Только рама у неё тогда была поднята. И на корме не было вот этой штуки.

Он указал на глубоководный аппарат, стоявший под грузоподъёмной рамой.

— «Скат», — сказал Андрей.

— Может, и «Скат». Названия не помню. Мы тогда понятия не имели, что именно они спускали в воду.

— Расскажите, как вы нашли судно.

Гущин откинулся на спинку стула.

— Двадцать седьмого сентября. Утром. Мы шли с грузом, капитан торопился к островам. Вахтенный заметил судно справа по носу. Доложил, что оно лежит почти лагом к волне. Вызвали по радио. Никто не ответил. Подошли ближе, увидели название. Наш капитан приказал спустить шлюпку. Пошли второй помощник, матрос и я.

— Почему вы?

— Если на чужом судне машина встала, кого посылать? Бухгалтера? Я тогда был третьим механиком. Взял фонарь, инструмент. Думали, у людей что-нибудь с электропитанием случилось.

— Как поднялись на борт?

— По кормовой лестнице. Она была опущена почти до воды. Второй помощник ещё удивился: зачем её оставили при таком волнении? Перебрались со шлюпки по одному. Матрос помогал нам снизу, потом мы его приняли.

— Что вы увидели на палубе?

— Похоже, аппарат незадолго до этого спускали. Стропы лежали у рамы, часть кабелей была убрана, часть нет. Ничего не разбросано. Ни сорванных крышек люков, ни оборванных лееров. Мы крикнули несколько раз. Тишина.

Гущин помолчал, вспоминая.

— Знаете, пустое судно не бывает совершенно тихим. Даже если всё остановлено, корпус скрипит, вода бьёт в обшивку, что-нибудь обязательно постукивает. А там ещё работал вентилятор. Мы услышали его в коридоре. От этого почему-то стало особенно неприятно. Кажется, сейчас откроется дверь и выйдет человек, которому ты мешаешь спать. А открываешь дверь сам — и никого.

— Электричество было?

— На части цепей. В нескольких местах горело аварийное освещение. Главный двигатель стоял, один вспомогательный дизель-генератор ещё работал. В расходной цистерне оставалось топливо. В льялах воды не больше обычного, признаков серьёзной течи я не нашёл. Осмотрел доступные механизмы и доложил, что явных причин бросать судно не вижу.

— А шлюпки?

— Обе на месте. И контейнеры с плотами тоже. Мы проверили по судовому перечню, прежде чем уходить.

— Представитель комиссии допускал, что экипаж покинул судно из-за плохой погоды.

— Допускать можно что угодно. Я вам говорю, что видел.

— Не могли они перейти на другое судно?

— Могли. Если подошёл кто-нибудь и снял людей. Но зачем оставлять судно, которое ещё держится на воде и не имеет явных повреждений? И почему никто не сообщил, что подобрал двадцать четыре человека? Это уже не ко мне вопрос.

Андрей записал ответ. Переход экипажа на другое судно представлялся ему одним из самых простых объяснений. Для этого не требовалось предполагать существование неизвестных физических явлений. Однако в доступных ему материалах не было ни одного свидетельства, подтверждавшего такую версию.

— Вы сказали, что помните фамилию моего отца.

Гущин взял стакан, отпил воды и поставил его точно на прежнее место.

— В каюту его заходил. Мы осматривали все помещения. На двери табличка с фамилией. Внутри на столе блокнот лежал. Раскрытый. Я его взял, потому что думал, там записано, куда они ушли.

— И что там было?

— Рисунок. Два круга, между ними черта. Ещё слова какие-то. Про первый и второй. Не поручусь за каждое слово, времени много прошло. Помню, что речь шла о том, с какой стороны открывать.

Андрей не сразу ответил. Он открыл папку и вынул не фотографию кольца, а сделанную им во вторник схему металлического предмета. Положил лист перед механиком.

— Примерно так?

Гущин поправил очки.

— Похоже. Только в блокноте круги были от руки, а здесь у вас всё по линейке. Откуда это?

— Мне недавно передали предмет с таким рисунком.

— С «Альционы»?

— Пока не знаю.

Механик посмотрел на него с явным недоверием.

— Странное дело. А я ведь про этот блокнот с тех пор почти никому не рассказывал. Журналисту тому не стал. Он про людей спрашивал, а не про каракули.

— Куда блокнот делся?

— Отдал комиссии. Когда передавали судно её представителям, сдавали всё, что нашли. Я сам передал блокнот, объяснил, из какой каюты. Потом давал показания. Больше его не видел.

— У вас остались копии показаний?

— Нет. Мне их никто не выдавал. Зато у нашего капитана были бумаги о передаче судна. Он требовал, чтобы ему расписались за всё, что принимали. За каждую вещь могли потом спросить.

— Капитан жив?

— Нет. Лет двенадцать назад умер. Второй помощник тоже. Матроса я потерял из виду ещё в девяностых. Но у меня кое-что осталось.

Гущин расстегнул сумку и достал конверт, сложенный пополам. Внутри лежали три листа с машинописным текстом. Бумага потемнела по краям, а буквы местами почти исчезли.

— Это копия нашей первичной описи. Я тогда помогал составлять техническую часть, вот и оставил себе экземпляр. Утром поискал, когда мне из клуба позвонили. Жена всё требует выкинуть старые бумаги, а они, оказывается, кому-то нужны.

Андрей осторожно развернул первый лист. В верхней части листа были указаны название судна «Альциона», дата осмотра и подпись второго помощника капитана «Северного мыса». Далее шли сведения о состоянии механизмов, спасательных средств и помещений.

— Можно снять копию?

— Для того и принёс. Только мой экземпляр верните. Мне ещё внуку показывать, чем дед занимался, пока его не было дома.

Зорин включил настольный сканер. Пока под стеклом медленно двигалась световая полоса, Гущин ходил по кабинету и рассматривал модель затонувшего судна на экране компьютера.

— А почему вы только теперь за это взялись? — спросил он.

— Появились новые сведения.

— О людях?

— Возможно.

Гущин перестал рассматривать модель.

— Тогда ищите. Только не верьте всему подряд. Я на море сорок лет отработал. Чего только не слышал. Бывало, один человек расскажет, как видел огни на горизонте, а к вечеру на судне уже половина команды уверена, что там летающая тарелка приземлилась.

— Поэтому мне и нужны документы.

— Вот это другое дело.

Андрей проверил, хорошо ли читаются на сканах подпись и рукописные пометки, вернул листы и поблагодарил механика. У двери Гущин остановился.

— Если найдёте, что с ними случилось, позвоните. Мне тогда двадцать девять было. До сих пор помню, как мы по каютам ходили. Всё казалось, что где-нибудь за дверью непременно окажется живой человек.

Он пожал Андрею руку и ушёл.

***

Оставалось чуть больше получаса до встречи с Бессоновым. Зорин перенёс сканы в отдельную папку, указал дату получения копий и принялся читать опись.

Среди сведений о состоянии судна он обнаружил несколько строк, имевших особое значение. Обе штатные шлюпки находились на борту; контрольная пломба на ящике снабжения

одной из них оставалась целой. Число контейнеров со спасательными плотами соответствовало судовому перечню. Грузоподъёмная рама находилась в рабочем положении, а глубоководный аппарат отсутствовал. Это не исключало возможности эвакуации на другое судно, но версия об оставлении «Альционы» с помощью её собственных спасательных средств становилась менее убедительной.

На последнем листе, под перечнем имущества, переданного представителям комиссии, имелась запись о блокноте из каюты научного сотрудника К. И. Зорина. Рядом стоял порядковый номер.

Андрей увеличил изображение и убедился, что правильно прочёл инициалы. Запись подтверждала рассказ механика о находке и передаче блокнота. Однако о рисунке в ней не было ни слова. Оставалось выяснить, кто принял блокнот и где он хранился впоследствии.

Но более всего его заинтересовала приписка внизу второй страницы. Она была сделана от руки, шариковой ручкой, и с трудом поддавалась расшифровке.

«В радиорубке обнаружена лента регистрации. Последняя отметка 16.09.87. Передана отдельно».

Андрей достал выписку из октябрьского бюллетеня. Согласно опубликованному сообщению, последний регулярный сеанс связи с «Альционой» состоялся пятнадцатого сентября, а окончательно связь прервалась шестнадцатого. Отметка на ленте ещё не доказывала, что судно передавало сигнал шестнадцатого: береговая станция могла не принять передачу, а отметка на ленте могла относиться к приёму чужого сигнала. Однако сама лента, если она сохранилась, позволяла надеяться на уточнение времени последних событий на борту. В доступных сообщениях о ней не упоминалось.

Зорин сохранил изображения обеих записей рядом, чтобы позднее сопоставить их с архивными материалами.

В одной из принесённых из библиотеки подшивок он заметил ещё кое-что. В конце декабря ведомственный бюллетень опубликовал краткую сводку о завершении поисковых работ. К ней прилагался перечень материалов, которые комиссия рекомендовала использовать при дальнейшем расследовании. Среди них значились судовые документы, несколько образцов горных пород и записи переговоров с берегом. Ни о блокноте, ни о ленте, найденной в радиорубке, не говорилось. Но опубликованный перечень не был полной описью вещественных материалов комиссии. Об умышленном сокрытии сведений судить пока было рано. Андрей лишь отметил для себя, что оба предмета следовало искать отдельно.

В той же сводке сообщалось о неблагоприятной погоде в районе поисков. Зорин обратил внимание на это обстоятельство. Речь шла о поисковых работах, проводившихся после обнаружения судна, а не о дне исчезновения экипажа. Сильное волнение, мешавшее спасателям в конце сентября, само по себе ничего не говорило о состоянии океана одиннадцатью днями раньше.

Он открыл справочник метеорологических архивов и выписал адрес хранилища исторических наблюдений. Позднее можно будет сопоставить сведения о ветре, волнении и положении атмосферных фронтов над Северной Атлантикой с маршрутом экспедиции и проверить, имелись ли основания для версии о шторме. Работа обещала быть кропотливой, но именно такие исследования Андрей и предпочитал. В его профессии одна неверно прочитанная цифра порой заставляла целую экспедицию обследовать совершенно не тот участок морского дна.

На экране телефона появилось сообщение от матери. Она спрашивала, когда он вернёт отцовские письма. Андрей ответил, что бумаги пока находятся у специалиста и он заберёт их после исследования.

Он хотел было написать о встрече с Гущиным, но передумал. Мать могла спросить, что находилось в отцовской каюте, а затем — не обнаружили ли там чего-нибудь, что помогло

бы выяснить судьбу её хозяина. Андрей пока располагал только воспоминаниями механика и записью о блокноте. Давать матери новую надежду на таком основании он не решился.

Вместо этого он спросил, удалось ли соседям договориться о ремонте крыши. Мать немедленно прислала длинное сообщение, из которого следовало, что крыша по-прежнему протекает, а соседи уже успели поссориться между собой.

Зорин пообещал зайти в воскресенье и вернулся к карте. Теперь его занимала другая особенность истории.

Одиннадцать суток, отделявших последнюю отметку на ленте от обнаружения судна, составляли немалый срок для свободного дрейфа. При средней скорости дрейфа в пол-узла за это время «Альциона» могла пройти сто тридцать две морские мили, то есть почти двести сорок пять километров. Но это была лишь оценка длины возможного пути, а не расстояния по прямой от исходной точки. В действительности направление и скорость дрейфа зависели бы от ветра, течений, положения корпуса относительно волны и состояния судна. Без сведений об этих условиях определить место исчезновения людей было невозможно.

Андрей взял карту и обвёл карандашом район к юго-западу от Азорских островов. Отметить точку он пока не мог. Для этого требовались координаты, которых не было ни в газетных заметках, ни в первичной описи. Он записал в своём блокноте, что необходимо разыскать вахтенный журнал «Северного мыса» и навигационные материалы самой «Альционы».

Наконец он достал прозрачный пакет с металлическим предметом. Две окружности, соединённые прямой линией, теперь выглядели совсем иначе, чем в понедельник. Такой рисунок мог быть простым совпадением: в нём не было ничего особенно сложного. Но Гущин описал его прежде, чем увидел схему. А письмо отца указывало на обстоятельства последнего рейса и человека, который мог о них рассказать.

Андрей не собирался делать выводы на основании одного свидетельства. И всё же у него возникло предположение, что неизвестный отправитель посылки знал не только обстоятельства исчезновения экспедиции, но и то, каким путём Андрей сможет проверить сообщённые ему сведения.

Зачем тогда было ждать почти четыре десятилетия?

Ответа на этот вопрос не давали ни судовые регистры, ни старая опись.

Зорин убрал пакет с предметом в сумку, сложил бумаги и посмотрел на часы. До встречи с профессором оставалось двадцать минут. Он вышел из института, вызвал такси и назвал адрес, который Бессонов прислал ему накануне.

Профессор жил в старом доме неподалёку от набережной. Подъезд был тёмным, с широкими каменными ступенями и тяжёлой дверью, которую приходилось придерживать обеими руками. Андрей поднялся на третий этаж и позвонил.

Дверь открыл высокий седой человек в очках. На нём был тёмный шерстяной жилет, из кармана которого выглядывал карандаш.

— Андрей Константинович?

— Да. Владимир Петрович?

— Проходите. Я освободил всё утро. Надеюсь, вы принесли фотографию.

— И не только её. Сегодня я разговаривал с одним из людей, поднимавшихся на «Альциону» после исчезновения экипажа.

Бессонов не сразу посторонился.

— С кем именно?

— С механиком «Северного мыса». Аркадием Гущиным. У него сохранилась первичная опись.

— Вот как… И что он вам рассказал?

— Что в каюте моего отца нашли блокнот. В нём был рисунок двух колец. Блокнот передали комиссии.

Профессор снял очки, протёр их краем жилета и снова надел.

— Два кольца, говорите?

— Соединённые прямой линией.

Бессонов закрыл дверь.

— В таком случае нам понадобится не только фотография. Пойдёмте в кабинет.

Он провёл Андрея мимо книжных шкафов к письменному столу, на котором лежала серая папка с завязками. Углы толстой папки давно обтрепались. На обложке выцветшими чернилами стоял год — 1987.

— Вчера вечером я достал её впервые за много лет, — сказал профессор. — Здесь не всё, что я хотел бы вам показать. Но, думаю, для начала хватит.

Андрей положил рядом копию судовой описи.

— Значит, вы всё-таки знали, куда они отправлялись?

Бессонов развязал тесёмки.

— Знал, куда собирались. А вот куда они попали, Андрей Константинович, этого я до сих пор не могу вам сказать.

Глава 3. Секретный архив

Бессонов вынул из серой папки несколько пожелтевших листов и разложил их на столе.

— Прежде чем вы прочтёте эти документы, Андрей Константинович, я должен кое-что объяснить. Экспедиция вашего отца была далеко не первой, которая заинтересовалась этим районом Атлантики.

— Были другие?

— Были. И некоторые из них обнаружили нечто такое, чего не сумели объяснить.

Профессор придвинул к гостю стул, а сам сел напротив. Кабинет занимал, вероятно, самую большую комнату в квартире, но среди книжных шкафов, карт и коробок с рукописями места оставалось не больше, чем в каюте небольшого судна. На подоконнике стоял глобус, ещё помнивший политическую карту мира сорокалетней давности. Азорские острова были обведены тонкой карандашной линией.

— В восемьдесят шестом году, — начал Бессонов, — мне было двадцать один. Я занимался античной географией и считал, что знаю о древних мореплавателях гораздо больше, чем они сами. Ваш отец довольно быстро избавил меня от этого заблуждения.

— Где вы познакомились?

— В библиотеке. Он разыскивал старые описания островов к западу от Гибралтара. Я помог ему с переводом нескольких текстов. Потом мы стали встречаться регулярно. Он приносил результаты океанографических наблюдений, я — выписки из рукописей. Обычно нам не удавалось найти между ними ничего общего. Но однажды обнаружилось любопытное совпадение.

Профессор отыскал среди бумаг сложенный лист кальки. На нём виднелись неровные линии, пересечённые в нескольких местах короткими штрихами.

— Это профиль океанического дна, составленный по результатам одного из рейсов семьдесят девятого года. Судно шло над подводной возвышенностью, ведя эхолотную съёмку. На эхограмме заметили участок с довольно ровным склоном. Посмотрите на масштаб.

Андрей повернул кальку к свету.

— Почти четыреста метров по горизонтали. Но вертикальный масштаб здесь сильно увеличен.

— Совершенно верно. На рисунке склон кажется почти отвесным, а в действительности он гораздо положе. Константин первым обратил на это моё внимание. Он вообще обладал неприятной для любителей загадок привычкой проверять цифры.

— И что же его заинтересовало?

— Не сам склон. На соседних галсах обнаружились похожие перепады глубин. Когда Константин нанёс их положение на карту, они обозначили контур, напоминавший прямоугольник. Конечно, между галсами оставались необследованные участки. Объявлять находку сооружением было рано, но вернуться туда стоило.

Андрей изучил профиль. За годы работы на Балтике ему не раз приходилось объяснять людям, что правильная форма подводного объекта ещё не свидетельствует о его искусственном происхождении. Трещины в горных породах могут пересекаться почти под прямыми углами, при остывании лавы образуются многоугольные базальтовые столбы, а течения перераспределяют донные отложения. К тому же луч обычного однолучевого эхолота охватывает некоторую площадь дна: на большой глубине отражение от склона может прийти раньше отражения от точки непосредственно под судном. Без сведений о приборе и точности определения координат судить о форме объекта по старому профилю следовало с осторожностью.

— По этим данным нельзя даже уверенно определить границы объекта, — сказал он.

— Именно. Но в восемьдесят шестом году другое исследовательское судно пересекло ту же область. На этот раз вели магнитную съёмку. На записи обнаружились отклонения, повторявшиеся через почти одинаковые промежутки времени.

— С каким периодом?

Бессонов не ответил. Он достал лист миллиметровой бумаги, на котором чернилами были нанесены три ряда отметок. Вдоль нижнего края шла шкала времени. Андрей взял линейку и измерил расстояние между несколькими соседними максимумами. Затем разделил общий промежуток времени на число интервалов.

— Восемьдесят четыре секунды?

— Приблизительно. Различия между интервалами не превышали погрешности, с которой их можно было определить по записи. Так продолжалось почти сорок минут.

— А потом?

— Судно вышло из района наблюдений. При повторном проходе сигнал не обнаружили. В отчёте предположили неисправность аппаратуры. Константин раздобыл рабочие материалы и выяснил, что сходные отклонения отметил и второй прибор. Это ещё не исключало общей помехи от судового оборудования, но позволяло усомниться в объяснении, данном в отчёте. Константин добился включения участка в программу «Альционы». Уже во время рейса геофизик Роман Берестов вновь зарегистрировал аномалию и сузил район поисков.

— Вы говорили о совпадении с древними текстами.

— Да. Сохранилось описание одной карты из частного собрания. Я тогда работал с копией этого описания. В нём упоминалась область к западу от островов, известных античным авторам. Ничего определённого, разумеется. Но мы с Константином попытались сопоставить старые географические представления с современными данными. Предполагаемые районы отчасти совпали. Именно поэтому он и пригласил меня участвовать в рейсе.

— Однако вы не поехали.

Профессор сложил кальку по старым сгибам.

— Не поехал. И не по той причине, которую вам, вероятно, хотелось бы услышать. Мне не утвердили место в экспедиции. На борту было тесно, а участие историка, тем более начинающего, научной программой не предусматривалось. Ваш отец пытался добиться разрешения. В конце концов ему предложили либо отказаться от дополнительных исследований, либо провести их силами уже утверждённого состава. Он выбрал второе.

— Почему тогда в письме он советует спросить вас именно об этом?

Бессонов поднял голову.

— Покажите письмо.

Андрей вынул из папки копию. Профессор прочёл письмо, задержался на дате и вернулся к последним строкам. Затем снял очки и положил их на стол.

— Вы отдали оригинал на экспертизу?

— Да. Специалист пока говорит о значительном сходстве почерка. Это предварительное мнение, не окончательное заключение. О времени написания ничего определённого.

— Разумно.

Бессонов встал и подошёл к окну. У соседнего подъезда грузчики пытались вынести старый шкаф. Один разворачивал его на лестничной площадке, другой, стоя на тротуаре, подавал советы. Профессор некоторое время наблюдал за их усилиями.

— За несколько дней до отъезда Константин оставил мне часть рабочих бумаг. Попросил хранить их до возвращения. Я тогда обиделся. Мне казалось, что он недостаточно настойчиво отстаивал моё участие в экспедиции. Мы даже поспорили. А после исчезновения судна эти бумаги остались единственными доступными мне свидетельствами о некоторых подготовительных работах.

— И вы никому их не показали?

— Показал. Комиссии. Передал копии, дал объяснения. Мне сказали, что исследования древней географии не имеют отношения к происшествию. Через несколько месяцев я попытался ознакомиться с результатами расследования. Получил отказ. Потом написал ещё раз. И ещё.

Он вернулся к столу и вынул из папки три машинописных письма. На каждом стояли исходящий номер и подпись. Содержание ответов было почти одинаковым; менялись лишь даты и фамилии должностных лиц.

— В конце концов я понял, что могу потратить всю жизнь на переписку. Или продолжить исследования. Я выбрал последнее.

— И за тридцать девять лет так и не выяснили, что с ними случилось?

— Нашёл достаточно, чтобы не считать вашего отца человеком, погнавшимся за красивой легендой. Но недостаточно, чтобы установить его судьбу.

Андрей достал фотографию кольца. Бессонов осторожно взял её за края и поднёс к свету.

— Вот это, — произнёс он, — я вижу впервые.

— Но вчера вы узнали глубину.

— Потому что она упоминалась в одном из документов комиссии. Я впервые увидел его много лет спустя. Если мы поторопимся, вы тоже сможете его прочесть сегодня.

Профессор взглянул на часы и набрал номер. Уточнив время посещения, он убрал телефон.

— Нас ждут в одиннадцать тридцать. Я договорился ещё вчера: думал, сначала вы покажете мне снимок, а потом решим, стоит ли ехать. Теперь, полагаю, стоит.

— Куда?

— В архив. Возьмите паспорт. Без него вас дальше вахты не пустят.

— Вы говорили, что материалы закрыты.

— Часть материалов до сих пор недоступна. Но за прошедшие десятилетия документы нескольких учреждений передали в ведомственное хранилище. С некоторых дел сняли гриф секретности, другие открыли для исследователей после пересмотра ограничений. Их ещё надо было найти. Этим я занимался последние два года.

— Почему именно последние два?

— Потому что раньше искал не там.

Бессонов с некоторым трудом втиснул папку в старый кожаный портфель, надел плащ и взял с вешалки зонт.

— А вы, Андрей Константинович, приехали на машине?

— На такси.

— Отлично. Значит, не придётся искать место для стоянки. Это в нашем городе иногда труднее, чем отыскать затонувший корабль.

***

Здание ведомственного архива ничем не напоминало хранилище государственных тайн, каким его рисуют в приключенческих романах. Четыре этажа, облицовка из серого камня, узкие окна, недавно отремонтированное крыльцо. Над входом висела скромная табличка. Внутри пахло свежей краской и бумагой.

Бессонов предъявил пропуск и объяснил дежурной, что привёл исследователя, о котором предупреждал накануне. Андрею пришлось заполнить анкету, указать тему работы и предъявить паспорт. Сумку и телефон он оставил в шкафчике. После проверки разрешили пронести ноутбук, карандаш, фотографию кольца и рабочие копии документов.

Их встретила заведующая читальным залом, женщина лет пятидесяти в тёмно-зелёном жакете.

— Владимир Петрович, вы опять за своим кораблём?

— Сегодня не только за ним. Познакомьтесь: сын одного из участников экспедиции.

Женщина посмотрела на Андрея, затем на заявление.

— Ваш отец — Константин Игоревич Зорин?

— Да.

— Тогда вам особенно важно понимать, что допуск к открытым делам не даёт права знакомиться со всеми материалами расследования. Мы выдаём документы, доступные по открытой описи. Некоторые приложения находятся в других фондах. Место хранения отдельных документов ещё предстоит установить.

— А личные вещи, которые передали комиссии?

— Если вы знаете, какие именно, укажите их в запросе. Обещать ничего не могу.

Она проводила их к столу у окна. Для профессора заранее приготовили два дела в защитных коробках. На одной значился год поступления документов — 1993-й. На другой — название учреждения, занимавшегося обработкой материалов морских экспедиций.

— До обеда у вас час, — сказала заведующая. — Потом зал закрывается на сорок пять минут. Если захотите что-нибудь сфотографировать, отметьте номера листов. Съёмку оформим отдельно.

Бессонов подождал, пока она уйдёт, и вынул из первой коробки дело.

— Вот вам и весь секретный архив. Никаких подземелий, часовых с автоматами и железных дверей толщиной в полметра. Самое страшное здесь — неверно указанный номер фонда. Из-за него можно искать документ двадцать лет.

Андрей раскрыл папку. Первые страницы содержали перечни оборудования, заявки на расходные материалы и сведения о ремонте приборов. Некоторые листы были отпечатаны на машинке, другие заполнены от руки. В углу одного из документов сохранился фиолетовый штамп с перечёркнутым грифом секретности; рядом стояла отметка о его снятии.

В середине дела нашлась копия служебного распоряжения, номер которого Андрей утром выписал из годового отчёта института. Он повернул папку к профессору.

— Смотрите. Изменение программы рейса.

Документ предписывал «Альционе» после завершения основных работ провести дополнительную серию наблюдений в районе подводной возвышенности. К распоряжению прилагался перечень оборудования: магнитометры, гидроакустическая аппаратура, подводные фотокамеры и обитаемый глубоководный аппарат «Скат».

Ни о поисках древних сооружений, ни об Атлантиде в тексте не упоминалось.

— Вот и официальное разрешение на дополнительный этап исследований, — объяснил Бессонов. — Константин добивался его несколько месяцев.

— А координаты?

Андрей перевернул лист. В приложении указывался прямоугольный район работ площадью в несколько тысяч квадратных километров. Место погружения предписывалось выбрать непосредственно в море, по результатам съёмки.

— Этого мало, — сказал он. — Если отправиться туда с одним эхолотом, можно провести всё лето в море и ничего не найти.

— Зато теперь мы знаем, где искать дополнительные сведения.

Во второй коробке лежало дело с документами, поступившими после завершения поисковых работ. Андрей сверял листы с внутренней описью. Он нашёл перечень судовых механизмов, фотографии пустой рабочей палубы и список людей, находившихся на борту.

Двадцать четыре фамилии. Против каждой — должность и год рождения. Андрей задержался на строке, где значился Константин Игоревич Зорин. Ниже стояли имена Романа Берестова и Бориса Климова. Зорин выписал шифр дела и отметил лист для съёмки: когда-нибудь эти сведения могли понадобиться не только ему.

Согласно копии задания на последнее погружение, переданной комиссии вместе с береговой документацией, в аппарат должны были сесть трое участников экспедиции.

— Значит, отец должен был находиться в аппарате, — сказал Андрей.

— Судя по заданию, да. Вместе с геофизиком и пилотом. Дальше посмотрим, что сообщили с борта.

— А если они действительно спустились, на судне оставался двадцать один человек. Что могло заставить их всех исчезнуть, если происшествие случилось на глубине?

Бессонов не ответил. Он перебирал листы, пока не обнаружил документ с заголовком «Сводка радионаблюдений».

— Вот что я хотел вам показать.

Сводка занимала четыре страницы. На первой были перечислены береговые станции, участвовавшие в обмене сообщениями с экспедицией. На второй приводилось время последних сеансов связи. Андрей увидел дату пятнадцатого сентября, затем шестнадцатого.

— Значит, Гущин не ошибся, — пробормотал он.

— В чём?

— В радиорубке «Альционы» нашли ленту регистрации с последней отметкой за шестнадцатое. А в газете писали, что связь прервалась пятнадцатого.

Он прочёл примечание к таблице. Последний регулярный сеанс состоялся пятнадцатого сентября. На следующие сутки береговой пост принял короткую передачу, но восстановить двустороннюю связь не удалось. Время было указано по Гринвичу.

— Вот и объяснение разницы в датах, — сказал Андрей. — В газетном сообщении, вероятно, указали дату последнего регулярного сеанса, а не последней принятой передачи. Судно обнаружили двадцать седьмого, через одиннадцать дней после этого сигнала.

Профессор кивнул.

— Читайте дальше.

На третьей странице находилась расшифровка принятого радиосообщения. Большая часть текста состояла из отдельных слов, разделённых пометками о неразборчивых фрагментах. Андрей прочёл упоминание о глубоководном аппарате, затем о движении под океаническим дном. Последняя различимая фраза гласила: «…не пытайтесь открыть вторые врата…»

Он перечитал её, медленно, по словам.

— Кто это передал?

— Позывной принадлежал «Альционе». Составитель сводки предположил, что говорил капитан. Уверенно опознать голос по такой короткой записи не удалось.

— А оригинал записи?

— В этом деле его нет. Я уже запрашивал. Пока без результата.

Андрей достал копию описи Гущина и положил её рядом со сводкой. Два кольца в блокноте отца, металлический предмет с таким же рисунком, фотография подводного сооружения, предупреждение о вторых вратах. Не все эти свидетельства были независимы друг от друга. Но теперь в их распоряжении находился документ, составленный задолго до появления посылки, и его содержание заслуживало самого пристального внимания.

Он записал номера листов и только после этого заметил, что профессор смотрит на него.

— Вы ожидали увидеть здесь что-нибудь другое? — спросил Андрей.

— Я надеялся, что ваша фотография окажется обычной подделкой. Тогда всё было бы гораздо проще.

— Она всё ещё может оказаться подделкой.

— Может. Но тогда надо выяснить, откуда изготовителю снимка были известны сведения, которые мы только что нашли в архиве. Не исключено, что он пользовался этими же документами. Посмотрите ещё сюда.

Бессонов указал на четвёртую страницу. В нижней части находилась краткая справка о сведениях, переданных с борта судна в день исчезновения. В ней упоминалось приближение

«Ската» ко дну и сообщалось, что на глубине около трёх тысяч двухсот метров был замечен необычный объект. Рядом стояла рукописная поправка: «3198 м, из сообщения судна».

Андрей положил фотографию оборотной стороной вверх.

Цифры совпадали. Они ещё не удостоверяли подлинность снимка, но теперь у Андрея имелась возможность проследить происхождение хотя бы одной надписи на обороте фотографии.

***

В обеденный перерыв они вышли на улицу. Дождь прекратился, но ветер с реки гнал вдоль тротуара сухие листья. Бессонов предложил зайти в небольшое кафе через дорогу.

За столиком профессор заказал суп и котлету, Андрей — кофе и бутерброд. Пока официантка несла заказ, Зорин открыл ноутбук и принялся приводить в порядок выписки.

— Уберите вы его хоть на десять минут, — сказал Бессонов. — Если мы оба заработаем несварение желудка, это мало поможет вашему отцу.

Андрей закрыл крышку.

— Владимир Петрович, вы ведь не просто так согласились встретиться со мной. Что вы сами думаете о случившемся?

— Думаю, что в Атлантике наблюдали объект, природу которого не установили. Связь между исчезновением людей и исследованиями этого объекта представляется мне вероятной. Дальше начинаются предположения.

— Например?

— Подводная техника неизвестного происхождения. Необычное природное явление. Наконец, чья-то деятельность, о которой участники экспедиции не знали. Ни одна из этих возможностей пока не исключена.

— А Атлантида?

Профессор отломил кусок хлеба.

— Платон относил гибель Атлантиды ко времени, отстоявшему на тысячелетия от его собственной эпохи. Мы не располагаем независимым древним свидетельством, которое подтверждало бы его рассказ во всех существенных подробностях. Сколько островов, подводных гор и затонувших городов объявляли Атлантидой! Если собрать их на одной карте, в океане почти не останется свободного места.

— Но вы всё-таки занимались этой темой.

— Я занимался историей географических знаний. Если античный автор сообщает о далёкой земле, меня прежде всего интересует, откуда он получил сведения. Иногда за легендой стоит реальное путешествие, иногда ошибка переводчика, иногда вымысел. Ваш отец относился к этому примерно так же. Ему было всё равно, как назовут находку, лишь бы она существовала.

— Вы сказали, что он оставил вам бумаги перед отъездом. Среди них была карта?

— Не сама карта. Выписки и рабочие расчёты. История с ней довольно запутанная. Прежде чем показывать вам материалы, я хотел бы проверить одну ссылку. Иначе мы рискуем принять ошибку переписчика за указание к действию.

— Хорошо. Но не откладывайте это ещё на тридцать девять лет.

Бессонов усмехнулся.

— Постараюсь уложиться в неделю.

Они закончили обед и вернулись в архив. Заведующая уже приготовила для них ещё одно дело. Андрей попросил разыскать сведения о блокноте отца и ленте регистрации. Женщина просмотрела принесённую им копию первичной описи, записала номера позиций и ушла в свой кабинет.

Новое дело оказалось техническим: кроме актов проверки приборов перед рейсом, в нём хранились документы о работе аппаратуры во время экспедиции. Андрей почти час просмат-

ривал листы, пока Бессонов не обратил внимание на конверт, учтённый в описи как приложение. Внутри лежала фотокопия графика с несколькими повторяющимися импульсами. Под ним была машинописная подпись: «Дополнительная станция. Регистрация с борта».

— Это уже восемьдесят седьмой год, — сказал профессор.

Андрей проверил шкалу. Средний интервал между отметками снова составлял около восьмидесяти четырёх секунд. По сравнению с графиком предыдущего рейса здесь сильнее различалась амплитуда импульсов, но промежутки между ними оставались почти одинаковыми.

— Откуда у комиссии этот график, если журналы последних исследований исчезли?

Они прочли пояснение на обороте. График построили на берегу по серии измерений Романа Берестова, переданных радиограммой до последнего погружения. Вместе с результатами Константин Зорин просил сравнить их с наблюдениями прошлых лет и проверить, не связан ли сигнал с работой известного оборудования.

— Он даже не знал, что его ждёт, — тихо сказал Андрей.

Бессонов наклонился над графиком.

— Здесь ещё есть примечание.

Внизу была приведена ещё одна строка из радиограммы отца: «При повторной регистрации обратить внимание на изменение периода после сближения с источником».

Андрей внёс эту фразу в выписки. Она не объясняла природу сигнала, но позволяла поставить определённую задачу для будущих измерений. Если источник продолжал работать, его можно было попытаться обнаружить по характерной последовательности импульсов, прежде чем приступать к поискам самого сооружения.

Впрочем, для этого требовалось научное судно, чувствительная аппаратура и специалисты, способные отличить необычный сигнал от помех. Андрей же располагал пока небольшим кабинетом в институте, фотографией, выписками из документов и предметом, который помещался на ладони.

Вернулась заведующая.

— По вашей описи есть результат. Блокнот Зорина и лента действительно зарегистрированы как поступившие в комиссию. Вот номера учётных записей. Позднее их передали вместе с другими вещественными материалами в другое подразделение. В нашем архиве этих предметов нет.

— Какое подразделение?

— В карточке указан условный номер. Название придётся устанавливать по документам того времени. Я оформлю запрос. Оставьте адрес электронной почты.

Заведующая оформила разрешение на съёмку отмеченных листов. Андрей принёс из шкафчика телефон, сфотографировал документы без вспышки и проверил качество снимков. Затем внёс архивные шифры и номера листов в отдельный файл. Ему не хотелось через месяц обнаружить, что важный документ сохранился у него без указания источника.

К концу рабочего дня Бессонов заметно устал. Он убрал карандаш в карман и закрыл последнюю папку.

— На сегодня, думаю, достаточно. У меня от этих букв уже двоится в глазах.

На выходе Андрей забрал сумку и проверил телефон. Среди пропущенных вызовов был номер лаборатории материаловедения, куда он ещё накануне направил заявку. Он перезвонил и договорился на понедельник о первичном исследовании металлического предмета.

— Какого предмета? — спросил профессор, когда они оказались на улице.

— Того, что пришёл вместе с письмом. Я хотел показать его вам ещё утром.

Они остановились у каменной ограды. Андрей вынул запечатанный прозрачный пакет и протянул Бессонову. Профессор разглядел рисунок через плёнку, затем попросил повернуть предмет торцом к свету.

— Эти знаки вы уже видели? — спросил Зорин.

— Нет. Но две окружности, соединённые линией, теперь заслуживают особого внимания. Если Гущин правильно запомнил рисунок в блокноте, ваш отец мог зарисовать именно этот предмет. Или другой, с таким же обозначением. Пока это всё, что я могу сказать.

— Как думаете, для чего он предназначен?

— Я историк, Андрей Константинович. Не инженер. Покажите его человеку, который разбирается в металлах. Только не разрешайте ничего от него отпиливать, пока не станет понятно, что это такое.

— Именно об этом мы и договорились.

Бессонов вернул пакет и застегнул портфель.

— Пришлите мне снимки знаков. Я посмотрю, не встречается ли нечто подобное в старых материалах. И ещё: если лаборатория установит, что предмет изготовлен недавно, не выбрасывайте его с досады. Нам важно не только то, что он собой представляет, но и то, почему его прислали именно вам.

Они попрощались у перекрёстка. Профессор направился к остановке, а Андрей пошёл в сторону набережной. Ему хотелось немного пройтись перед возвращением в институт.

За один день история «Альционы» приобрела для Андрея иной характер. Он знал теперь, что экспедиция направилась в интересовавший её район не случайно, что странный сигнал наблюдали задолго до исчезновения судна и что последняя принятая передача содержала предупреждение о вторых вратах. Но больше всего его занимало другое: согласно заданию на погружение и сообщениям с борта, отец мог находиться на глубине, когда исчезли люди на поверхности.

Если одно и то же явление непосредственно затронуло и аппарат, и судно, область его действия могла простираться на три с лишним километра по вертикали. Зорин поднял глаза к облакам, пытаясь представить себе такое расстояние. Впрочем, пока он даже не знал, исчезли ли люди одновременно. Не исключено, что события на глубине лишь побудили экипаж к действиям, о которых не сохранилось записей.

Он остановился у парапета. По Неве шла баржа с песком. Буксир тянул её вверх по течению, и за кормой расходились две длинные полосы взбаламученной воды.

Андрей вынул телефон и открыл фотографию металлического предмета. При сильном увеличении две окружности казались почти безупречными. Между ними тянулась прямая линия. Он вспомнил слова, принятые береговым постом тридцать девять лет назад.

Вторые врата.

Кто-то счёл необходимым предупредить об опасности их открытия. А теперь кто-то прислал ему предмет с изображением двух колец и письмо, в котором отец утверждал, что не погиб.

Зорин убрал телефон. До сих пор он искал сведения о прошлом. Теперь ему предстояло выяснить, не оставило ли это прошлое следов, которые можно обнаружить и сегодня.

Начать следовало с сорока семи граммов неизвестного металла.

Глава 4. Металл неизвестного происхождения

В понедельник, четырнадцатого сентября, Андрей Зорин прибыл в лабораторию материаловедения, расположенную в одном из старых научных корпусов Петербурга.

В сумке лежал пакет с предметом массой чуть более сорока семи граммов. Ещё неделю назад Андрей принял бы его за обыкновенную металлическую пластину, изготовленную на современном оборудовании. Теперь рисунок из двух окружностей, соединённых линией, не давал ему покоя.

Он надеялся, что физика окажется разговорчивее архивных документов.

Он не рассчитывал за одно утро установить происхождение находки. Но даже название сплава могло бы подсказать, в каком направлении продолжать поиски.

Заведующая лабораторией Ирина Сергеевна Лебедева встретила Зорина у проходной. Это была невысокая женщина лет пятидесяти с короткими русыми волосами. Она говорила на ходу, лишь изредка оборачиваясь к собеседнику. Они миновали коридор, где пахло свежей краской, поднялись по лестнице и остановились перед дверью с табличкой «Рентгеновские методы исследования».

— Мне передали вашу заявку, — сказала она. — Вы предполагаете, что образец имеет отношение к подводным археологическим находкам?

— Я предполагаю, что он имеет отношение к одной океанографической экспедиции. А где его нашли, мне неизвестно.

— Это существенно. Если вы рассчитываете узнать возраст изделия, то без сведений об обстоятельствах находки мы вам едва ли поможем. У металла нет годичных колец, как у дерева.

— Мне достаточно выяснить состав материала и способ изготовления.

— Посмотрим, насколько это возможно без отбора пробы. Вы принесли его?

Андрей достал пакет. Лебедева осмотрела упаковку, записала сведения о предмете, надела перчатки и перенесла пластину на чистую подложку. Некоторое время она рассматривала её под настольной лампой.

— Хорошая работа, — сказала она наконец. — Вы уверены, что это не деталь какого-нибудь прибора?

— Нет. Как раз такую возможность я и хотел бы проверить.

— Тогда начнём с самого простого. И не будем пока называть эту вещь археологической находкой. У меня был заказчик, который принёс якобы римский кинжал. Оказалось, его изготовили из полотна промышленной пилы. Причём на металле сохранилась часть заводской маркировки. Человек ушёл от нас страшно недовольный.

— В таком случае я окажусь более благодарным заказчиком. Заводская маркировка меня бы очень обрадовала.

Лебедева усмехнулась и позвала лаборанта. Молодой человек по имени Антон взвесил пластину, сверил результат с записями Зорина, а затем установил образец на предметный столик измерительного микроскопа. На мониторе появилось увеличенное изображение поверхности. Среди мельчайших пылинок виднелись волокна, похожие в таком масштабе на обрывки канатов.

Они измерили ширину бороздок, расстояние между знаками на торце и оценили глубину рельефа по смещению фокуса микроскопа. Знаки представляли собой не буквы в привычном понимании, а сочетания коротких линий и точек. Один напоминал разомкнутый треугольник, второй состоял из трёх параллельных штрихов, третий — из двух дуг, обращённых выпуклостями друг к другу.

— Гравировка очень аккуратная, — заметил Антон. — Даже в углах нет заусенцев.

— Лазер? — спросил Андрей.

— Возможно. Или травление. По одному изображению не скажешь.

Лебедева попросила Антона переместить предметный столик так, чтобы в поле зрения оказался край одной из окружностей. На экране проступил ряд крошечных углублений на дне бороздки. Антон измерил расстояние между ними, затем повторил измерение на другом участке.

— Странно. Шаг меняется.

— Насколько?

— Здесь двадцать микрометров, здесь — почти сорок. Но дальше опять двадцать. Смотрите, эта группа повторяется.

Он провёл курсором вдоль окружности. Действительно, короткие и длинные интервалы чередовались не вполне беспорядочно. На второй окружности имелись сходные группы углублений, однако порядок их расположения отличался.

При первом осмотре Зорин заметил в бороздках несколько штрихов и принял их за следы инструмента. Теперь, при большем увеличении, он различал группы отметок, которых прежде не видел.

— Сохраните, пожалуйста, снимки обеих окружностей целиком, — попросил он.

— Вы думаете, это надпись?

— Думаю, что мы не должны потерять ни одной подробности.

Чтобы получить изображение обеих окружностей с одинаковым увеличением, Антон снял несколько десятков участков с перекрытием соседних кадров. Пока он занимался этой работой, Лебедева подготовила спектрометр.

Рентгенофлуоресцентный анализ основан на явлении, давно известном физикам. Под действием рентгеновских лучей в атомах вещества возникают электронные переходы, сопровождающиеся испусканием характеристического рентгеновского излучения. По энергиям зарегистрированных фотонов можно распознать многие химические элементы. Метод особенно удобен тем, что для него не обязательно разрушать изделие. Но глубина, с которой поступает сигнал, зависит от состава материала и энергии излучения. Поэтому по одному спектру поверхности судить о составе всего предмета было бы опрометчиво.

Лебедева уложила пластину в камеру прибора, закрыла защитную крышку и запустила измерение. Андрей наблюдал, как на экране по мере накопления данных проступали пики спектра.

— Вольфрам, — произнесла она. — Титан. Сейчас посмотрим, что ещё.

Через несколько минут к этим двум названиям прибавился ниобий. В спектре были и слабые линии, принадлежность которых предстояло уточнить. Ирина Сергеевна изменила положение образца и повторила процедуру при тех же настройках прибора. На противоположной стороне относительная интенсивность линий оказалась иной.

— Значит, это сплав вольфрама с титаном? — спросил Андрей.

— Пока скажем, что в исследованном слое присутствуют оба элемента. Не исключено, что изделие имеет покрытие или состоит из нескольких слоёв. Программа рассчитывает концентрации, исходя из определённых предположений о материале. Если предположения неверны, красивые цифры в таблице ничего не стоят.

— А сочетание этих металлов необычное?

— Само по себе — нет. Вольфрам применяют там, где требуются высокая плотность и жаростойкость. Титан ценят за сочетание прочности с относительно небольшой плотностью и за устойчивость к коррозии. Ниобий тоже широко используется в современной технике. Получить материал, содержащий все три элемента, вполне возможно.

Андрей посмотрел на пластину в камере прибора. Пока что в её составе не обнаружили ничего, что было бы неизвестно земной металлургии.

Но ему хотелось выяснить ещё кое-что.

— Допустим, его сделали в восемьдесят седьмом году. Такое возможно?

— Почему нет? Тогда уже умели получать довольно сложные материалы. Вопрос в технологии, а не в названиях элементов. Мы можем исследовать кристаллическую структуру поверхностных слоёв и поискать неоднородности внутри изделия. Если найдём характерные следы производства, круг возможностей сузится.

Лебедева извлекла пластину из камеры и положила её на стол.

— Только за одно утро мы этого не сделаем. У вас есть время до завтра?

— Есть.

— Тогда оставьте образец. Оформим приём, укажем, что отбор проб и повреждение изделия запрещены. Сегодня после обеда у нас освободится дифрактометр, а завтра попробуем просветить пластину на промышленном рентгеновском томографе.

Андрей не сразу ответил. В памяти возникли слова отца о том, что предмет принадлежит не ему. Он перечитал условия приёма, попросил внести в документ описание внешнего вида и лишь после этого подписал его. Пластину поместили в отдельный контейнер с учётным номером. К расписке приложили снимки образца.

— Вы, должно быть, очень дорожите этой вещью, — заметила Лебедева.

— Мне бы хотелось иметь возможность вернуть её владельцу.

— Так он известен?

— Пока нет.

Ирина Сергеевна посмотрела на него с любопытством, но больше ни о чём не спросила.

***

В институте Андрея ожидала гора работы, накопившейся за последние дни. На столе лежали исправленные чертежи затонувшего судна, требовалось согласовать сроки следующего обследования, а бухгалтерия в третий раз возвращала ему отчёт о командировочных расходах. Причина заключалась в одной неверно указанной цифре, которую никто не удосужился назвать в первых двух замечаниях.

К середине дня он разобрался с отчётом, отправил чертежи коллеге и только тогда открыл письмо от Бессонова. Профессор прислал несколько снимков старых рабочих записей Константина Зорина. На одном листе отец сравнивал результаты магнитных наблюдений двух экспедиций. На другом перечислял возможные причины появления периодического сигнала.

Андрей долго рассматривал эти строки. Почерк был знаком ему по письмам, которые отец присылал матери, только буквы здесь были мельче и теснее. Между двумя столбцами расчётов виднелась маленькая карикатура: корабль с огромным ухом вместо трубы. Под рисунком стояла подпись: «Слушаем, а кого — неизвестно».

Он невольно улыбнулся. До сих пор образ отца складывался у него из немногих детских воспоминаний, фотографий и рассказов матери. И вот среди столбцов вычислений он обнаружил ещё одну подробность, о которой не могла сообщить ни одна справка комиссии.

Зорин позвонил профессору.

— Владимир Петрович, спасибо за записи. Кто нарисовал корабль с ухом?

— Ваш отец. У него была такая привычка. Если расчёты не сходились, он начинал рисовать. Иногда получалось довольно смешно, хотя сам он никогда над своими рисунками не смеялся.

— В списке причин сигнала есть «работа автономного устройства». Вы обсуждали эту возможность?

— Да. Константин предполагал, что на дне может находиться прибор, оставленный какой-нибудь экспедицией. Правда, никто не смог назвать подходящую установку. В тех краях хватало и гражданских исследований, и военных. Почему спрашиваете?

— Сегодня исследовали предмет из посылки. Пока ничего сверхъестественного. Обычные химические элементы. Но на поверхности есть очень мелкие отметки, образующие повторяющиеся группы.

— Пришлите снимки, когда получите. Я сравню с остальными бумагами.

— Вы нашли карту?

— Нашёл человека, у которого может быть её полное описание. Это не совсем одно и то же. Дайте мне ещё немного времени.

— Хорошо.

— И, Андрей Константинович, не забывайте: даже если мы определим положение объекта с точностью до метра, посмотреть на него из Петербурга не удастся. Придётся искать средства на экспедицию. Я пока не представляю, как вы намерены решить эту задачу.

— Я тоже. Сначала хочу убедиться, что есть за чем ехать.

— Справедливо, — согласился профессор.

Вечером Андрей купил хлеб и зашёл к матери. В воскресенье он помог ей составить заявление в управляющую компанию по поводу протекавшей крыши. Теперь мать сообщила, что в доме наконец появился мастер. Правда, тот осмотрел потолок, покачал головой и обещал вернуться в среду.

— У тебя такой же вид, как у него, — сказала она, ставя перед сыном тарелку. — Тоже что-то обещаешь, а сам думаешь о другом.

— Я работаю, мам.

— Над письмом?

Он положил вилку.

— В том числе.

— И что тебе сказали специалисты?

— Почерк очень похож на папин. Но эксперты пока не могут подтвердить, что письмо написал именно он. И дату написания установить не удалось.

Мать помолчала. Потом открыла буфет и достала чашку с отколотой ручкой.

— Это его чашка. Я хотела выбросить её лет двадцать назад. Потом зачем-то оставила. Вот скажи, что мне теперь делать? Опять ждать?

Андрей не нашёл ответа, который не прозвучал бы жестоко или обманчиво.

— Пока ничего не надо делать. Я разберусь, откуда пришло письмо.

— Ты только не вздумай бросать работу и ехать неизвестно куда. Твой отец тоже говорил, что скоро вернётся.

— Я ещё даже не знаю, куда ехать.

— Вот и хорошо.

Она убрала чашку обратно. За ужином они говорили о соседях, о ценах на лекарства и о том, что в квартире пора менять окна. Уходя, Андрей забрал ещё несколько отцовских открыток для дополнительного исследования почерка. Мать сама положила их ему в сумку.

***

На следующий день Лебедева позвонила в половине десятого.

— Вы можете приехать? У нас возникли вопросы к вашему образцу.

— Что случилось?

— Ничего страшного. Просто хотелось бы, чтобы вы посмотрели результаты до того, как мы составим заключение.

Через час Андрей был в лаборатории. На столе перед Ириной Сергеевной лежали распечатки графиков. Рядом сидел незнакомый мужчина в сером свитере. Он представился Михаилом Алексеевичем Рудневым, специалистом по физике твёрдого тела.

— Я видел немало странных дифрактограмм, — сказал Руднев вместо приветствия. — Ваша, пожалуй, заслуживает отдельного разговора.

Руднев объяснил, что рентгеновская дифракция позволяет исследовать строение кристаллического вещества. Когда рентгеновские лучи рассеиваются на упорядоченной атомной структуре, при определённых углах рассеянные волны усиливают друг друга. По положению, интенсивности и ширине максимумов на дифрактограмме можно судить о фазовом составе и некоторых особенностях структуры материала. Часть максимумов на полученной записи соответствовала известным металлическим фазам. Для остальных надёжного соответствия в доступной справочной базе пока не нашли.

— Это не означает, что мы открыли новое вещество, — подчеркнул Руднев. — В многослойном материале могут накладываться линии нескольких фаз. Преимущественная ориентация кристаллитов меняет их интенсивность, а внутренние напряжения способны смещать и уширять максимумы. К тому же мы исследовали только доступные для излучения слои. Нам нужен другой способ посмотреть на образец.

— А томограф?

— Как раз закончили первую съёмку. Вольфрам сильно ослабляет рентгеновское излучение, поэтому пришлось повозиться с выбором напряжения на трубке и подходящего фильтра. Разрешение хуже, чем хотелось бы. Но кое-что мы всё-таки получили.

На экране появилось изображение виртуального среза пластины. Андрей видел подобные снимки при исследовании металлических предметов, извлечённых из морской воды. Обычно они помогали обнаружить трещины, скрытые полости и участки коррозии. Здесь в пределах разрешения прибора явных признаков разрушения не наблюдалось. Зато на некотором расстоянии от поверхности различались тонкие полосы неодинаковой яркости.

Руднев переместил плоскость среза. Полосы изогнулись, сблизились и разошлись, образовав фигуру, напоминавшую разветвлённое русло реки.

— Это слои разных металлов? — спросил Андрей.

— Может быть. Яркость на таком изображении зависит от ослабления рентгеновского излучения, а оно определяется не только плотностью, но и составом вещества. Кроме того, в томографии возникают артефакты, особенно при съёмке сильно поглощающих материалов. Мы повернули предмет и повторили съёмку. Часть полос исчезла, зато эти остались на прежних местах относительно образца.

Он показал второй набор изображений.

— Значит, есть основания считать, что по крайней мере часть этих полос отражает реальные неоднородности. Они имеют сложную форму. Мы пока не знаем, для чего их создали, и даже не можем уверенно сказать, что это намеренно сформированные слои, а не результат какого-то технологического процесса.

— Электронная схема?

— Я не вижу ничего, что мог бы назвать обычной электронной схемой. Ни различимых дорожек проводников, ни отдельного элемента, похожего на источник питания. Но при таком разрешении мы многого не увидим.

Андрей приблизился к монитору. Внутренние полосы сходились в двух областях, расположенных приблизительно под выгравированными окружностями. Он попросил совместить снимок поверхности с проекцией томографических данных, ориентируясь по контуру пластины. Совпадение не было точным, однако взаимное расположение рисунка и внутренних неоднородностей заслуживало внимания.

— Если эти знаки нанесены над определёнными участками внутренней структуры, — сказал он, — то, может быть, они обозначают нечто вполне практическое. Как отметки на корпусе прибора.

— Разумная мысль, — ответил Руднев. — Но проверять её лучше не отвёрткой.

— У меня и не было такого намерения.

— Вот и прекрасно. Попробуем измерить магнитные свойства. Мы всё равно собирались это сделать.

В соседней комнате находилась установка для измерения слабых магнитных полей. Лебедева заранее договорилась с сотрудниками, что им предоставят её на несколько часов. Прежде чем внести образец, Руднев проверил фоновый сигнал, убрал со стола стальные инструменты и попросил Андрея оставить телефон за дверью.

Первое измерение не принесло неожиданностей. В пределах чувствительности выбранного режима датчик не обнаружил заметного постоянного магнитного поля, связанного с пластиной. Тогда её поместили в небольшую катушку, подали слабое переменное магнитное поле и стали регистрировать отклик. Руднев менял частоту возбуждения и следил за графиком.

— Пока ничего особенного. В проводящем материале переменное магнитное поле вызывает вихревые токи. Их величина зависит от частоты и напряжённости поля, формы образца и его электрических свойств.

Через несколько минут Руднев отключил питание катушки, оставив магнитный датчик и регистратор включёнными. Переходный процесс закончился, линия на экране вернулась к исходному уровню. Антон, записывавший условия опыта, потянулся за журналом.

В этот момент на графике возник короткий выступ.

— Подождите, — сказал Руднев.

Он увеличил масштаб. Выступ оказался небольшим, но отчётливым. Сигнал поднялся над фоном и почти сразу исчез.

— Что это было? — спросил Андрей.

— Может быть, помеха. Здесь за стеной люди работают.

Руднев взглянул на часы и не стал ничего менять в установке. Прошла минута. Антон начал рассказывать, как на прошлой неделе они целый день разыскивали источник помех, которым в конце концов оказался неисправный блок питания настольной лампы.

На экране появился второй выступ.

Андрей наклонился к монитору.

— Михаил Алексеевич, вы можете измерить промежуток между ними?

Руднев отметил оба максимума курсором.

— Около восьмидесяти четырёх секунд. Погрешность — несколько десятых секунды.

Зорин выпрямился.

— Не выключайте запись.

— А я и не собирался.

Третий импульс возник приблизительно через тот же промежуток времени. Четвёртый был заметно слабее. Пятый едва различался на фоне шума. Затем отклонения перестали быть заметны.

Андрей вспомнил кальку на столе Бессонова, архивный график и примечание отца о необходимости следить за изменением периода при сближении с источником. Он вытер ладони о брюки.

— Вы раньше наблюдали такое поведение металла? — спросил он.

— Смотря какого металла и при каких условиях. После воздействия поля возможны самые разные переходные процессы. Но прежде чем обсуждать физику образца, я хочу выяснить, не срабатывает ли у нас какой-нибудь прибор с периодом в восемьдесят четыре секунды.

— В одной океанографической экспедиции зарегистрировали сигнал с таким же периодом.

Руднев повернулся к нему.

— Когда?

— В тысяча девятьсот восемьдесят шестом. И ещё раз год спустя.

— Вот как. Тогда особенно важно не подгонять результат под ваши ожидания. Антон, убери образец. Начнём сначала.

Последующие два часа стали для Андрея настоящим испытанием терпения. Исследователи повторяли опыт с пустым держателем и с металлической пластинкой известного состава. Они выдерживали одинаковое время воздействия поля и последующей регистрации, меняли расположение проводов и по возможности отключали соседнее оборудование. Ни в одном контрольном измерении периодические импульсы не возникли.

Затем Руднев вернул загадочный предмет на прежнее место. После воздействия поля они снова получили несколько затухающих импульсов с промежутками около восьмидесяти четырёх секунд. Когда образец повернули, изменилась величина отклика, но в пределах точности измерений период остался прежним.

Наконец к работе привлекли второй магнитный датчик с независимым регистратором. После очередного воздействия поля оба прибора вели запись одновременно. Показания второго датчика оказались менее отчётливыми, однако первые два импульса были различимы и на его записи. В следующем опыте датчик отодвинули от пластины, и сигнал ослабел.

— Теперь у нас есть основания связывать явление с предметом, — сказал Руднев. — Но нужна независимая проверка в другой лаборатории. Два датчика в одной комнате всё-таки могут зарегистрировать одну и ту же внешнюю помеху.

— Откуда берётся энергия? — спросил Андрей.

— Возможно, часть энергии внешнего поля каким-то образом запасается в материале. Импульсы слабые, и их амплитуда падает. Мы пока не измерили энергетический баланс, но оснований говорить о нарушении закона сохранения энергии у нас нет. Меня больше интересует, чем задаётся интервал. Простым затуханием вихревых токов в такой пластинке серию отдельных импульсов объяснить трудно.

— Значит, это всё-таки устройство?

— Возможно, перед нами изделие, внутренняя структура которого выполняет какую-то функцию. Но не просите меня назвать его назначение. Я не знаю даже того, какие процессы в нём происходят.

Лебедева, до этого молча наблюдавшая за опытом, закрыла журнал.

— Давайте на сегодня закончим. Я не хочу подвергать единственный образец более сильным воздействиям ради любопытства. Михаил Алексеевич, сохраните исходные записи, настройки приборов и результаты контрольных опытов. Андрей Константинович, мы приложим копии материалов к предварительному заключению.

— Могу я получить предмет обратно?

— Конечно. Только не вздумайте проверять его на домашней плите или возле мощного магнита.

— Обещаю.

***

В коридоре Андрей забрал телефон и обнаружил два пропущенных вызова от Бессонова. Он перезвонил профессору, едва выйдя из корпуса.

— Владимир Петрович, помните период сигнала, который регистрировали в Атлантике?

— Восемьдесят четыре секунды. А что?

— Сегодня в лаборатории получили примерно такой же период. После воздействия переменного магнитного поля предмет из посылки даёт серию слабых импульсов.

— Вы уверены?

— Мы повторяли измерения. Были контрольные опыты. Специалисты пока не могут объяснить механизм.

— Это чрезвычайно интересно. Но сам характер сигнала совпадает?

— Не знаю. В архиве у нас только графики с ограниченной точностью. Нужно сравнить длительность импульсов, их форму и условия регистрации. Совпадение периода ещё не доказывает, что источник один и тот же.

— Рад слышать, что вы не потеряли голову, — сказал Бессонов. — Пришлите мне данные.

Андрей направился к остановке. Ветер срывал с деревьев жёлтые листья. Один из них прилип к рукаву пальто, и Зорин машинально стряхнул его.

— Владимир Петрович, а если предмет действительно связан с тем сооружением? Может быть, отец прислал не доказательство его существования, а вещь, необходимую для работы с ним?

— Возможно. Он ведь предупреждал, что одних координат недостаточно.

— Именно. Я не понимал, зачем он написал это. Теперь хотя бы появляется предположение.

— Не торопитесь превращать его в уверенность. Нам ещё предстоит узнать, откуда взялся предмет.

— И как он оказался в Петербурге.

— Да. Кстати, я звонил вам по другому поводу. Есть человек, с которым вам стоит встретиться. Он несколько лет финансирует исследования океанического дна. У него имеются связи с судовладельцами, инженерами и научными организациями.

— Кто он?

— Олег Валерьевич Корнев. Вы могли слышать о нём. Он интересуется проектами, связанными с глубоководной техникой. Я знаком с ним по одному университетскому исследованию.

— Вы уже рассказали ему о письме?

— Нет. Я только спросил, готов ли он обсудить возможность научной экспедиции в Северную Атлантику. Он согласился встретиться. Остальное решать вам.

Андрей вспомнил предостережение отца о людях, которые захотят купить металлический предмет.

— Хорошо. Но на встречу я пойду без образца.

— Как угодно. Я бы на вашем месте тоже начал с разговора.

Они договорились созвониться вечером. Андрей убрал телефон и пошёл пешком к метро. В сумке лежал контейнер, опечатанный лабораторией, а на накопителе, выданном лабораторией хранились копии результатов опытов. Впервые с момента получения письма у него появились экспериментальные данные, не зависевшие от памяти свидетелей или подлинности старых документов.

Тридцать девять лет назад посреди Атлантического океана зарегистрировали магнитные возмущения неизвестного происхождения. Сегодня в петербургской лаборатории исследователи обнаружили предмет, который при определённых условиях давал импульсы с приблизительно тем же периодом. Между двумя событиями ещё предстояло установить связь, но теперь у Зорина были измерения, которые можно было повторить и сравнить с новыми наблюдениями в океане.

Андрей остановился у входа в метро и оглянулся на небо. Ему вдруг захотелось увидеть океан, настоящий, открытый, без берегов и городских огней. Он знал, сколько препятствий отделяло его от той точки на карте: тысячи километров пути, три километра воды, стоимость оборудования, необходимые разрешения и риск, о котором нельзя было забывать после исчезновения «Альционы».

Но теперь у него была возможность искать не только сооружение, замеченное отцом, но и характерный сигнал. Если его источник ещё действовал, магнитная съёмка могла помочь сузить район поисков.

Для этого требовался корабль.

Глава 5. Предложение Корнева

Утром шестнадцатого сентября Андрей Зорин принялся подсчитывать, во сколько обойдётся поисковая экспедиция в Атлантический океан.

К полудню, изучив расценки на фрахт исследовательских судов, аренду глубоководного оборудования и работу специалистов, он пришёл к неутешительному заключению: разгадать тайну исчезновения «Альционы» собственными средствами было примерно так же трудно, как пересечь Атлантику на рыбацкой лодке.

Впрочем, профессор Бессонов утверждал, что знает человека, способного помочь с финансированием экспедиции.

Звали этого человека Олег Валерьевич Корнев.

Андрей отыскал несколько интервью предпринимателя и сведения о его проектах. Корнев начинал с производства оборудования для энергетических предприятий, затем занялся морской инженерией. В последние годы его компания вкладывала значительные средства в разработку подводных роботов, способных работать на глубинах, недоступных водолазам. В одном из интервью он с заметным раздражением говорил о том, что рельеф некоторых участков Марса изучен подробнее, чем дно Мирового океана.

Эта мысль понравилась Зорину. Гораздо меньше ему понравилось замечание, сделанное Корневым в конце беседы: всякое открытие, не получившее практического применения, он считал незавершённым.

В половине первого позвонил Бессонов.

— Олег Валерьевич ждёт нас в три часа. Адрес я вам сейчас пришлю.

— Что именно вы ему сообщили?

— Что у нас есть основания вернуться в район работ одной советской экспедиции. Упомянул и старую рукопись, которая, возможно, поможет уточнить координаты. Он попросил подготовить материалы, по которым можно судить о научной ценности такого предприятия.

— И ничего об Атлантиде?

— Андрей Константинович, если бы я начинал каждый разговор о финансировании исторических исследований с Атлантиды, то давно остался бы без работы.

— Хорошо. Я возьму несколько графиков и копии документов.

— А расчёты стоимости?

— Я их уже сделал. Лучше бы не делал.

Бессонов рассмеялся.

— Вот и покажете Корневу. Только не вздумайте убеждать его, что поиски обойдутся дёшево. Он разбирается в этом лучше нас обоих.

До встречи оставалось достаточно времени, чтобы кратко изложить результаты лабораторных исследований. Андрей связался с Лебедевой и получил её согласие показать потенциальному спонсору несколько графиков магнитных измерений без служебных сведений о лаборатории. Исходные записи, подробные изображения внутреннего строения пластины и фотографии знаков на её поверхности он решил пока не показывать. Предстояло выяснить, интересуется ли Корнев самой экспедицией или только необычным предметом.

Прежде чем выйти из кабинета, Зорин убедился, что сейф заперт. В нём хранился опечатанный лабораторией контейнер с металлическим образцом. Андрей убрал ключ, запер дверь кабинета и направился к метро.

***

Офис компании Корнева помещался в перестроенном промышленном здании неподалёку от морского порта. На первом этаже сохранились кирпичные своды и чугунные колонны,

между которыми теперь стояли макеты морских платформ, судов-кабелеукладчиков и машин, назначения которых Андрей не сразу сумел определить.

Бессонов ждал его у большого аквариума. Внутри, среди нескольких камней, плавали небольшие серебристые рыбы.

— Вот, — сказал профессор, указывая на них, — единственные обитатели этого учреждения, которые не интересуются стоимостью морских исследований.

— Они просто не видели счетов за электричество.

— В таком случае и им недолго осталось пребывать в счастливом неведении.

Секретарь проводила посетителей на второй этаж. Корнев встретил их в просторном кабинете, одну стену которого занимала карта Мирового океана. Ему было пятьдесят лет. Виски уже поседели, а на переносице виднелись следы от очков, снятых, вероятно, перед приходом гостей. На нём была тёмная рубашка с закатанными рукавами. Рядом с компьютером лежали раскрытая папка, штангенциркуль и несколько деталей какого-то механизма.

— Владимир Петрович, рад вас видеть. А вы, стало быть, Зорин? Я читал вашу статью о торговых судах Балтики. Вы тогда довольно убедительно поспорили с людьми, которые хотели поднять со дна целый корабль.

— Они не предусмотрели, что делать с ним после подъёма.

— Помню. Без консервации дерево могло растрескаться при высыхании. Садитесь. Расскажите, что мы собираемся искать.

Андрей положил на стол карту Северной Атлантики.

— В сентябре тысяча девятьсот восемьдесят седьмого года в районе к юго-западу от Азорских островов исчезли двадцать четыре участника экспедиции научно-исследовательского судна «Альциона». Само судно обнаружили через одиннадцать дней после последнего сигнала.

— Знаю эту историю. Кажется, считалось, что людей смыло за борт?

— Это одна из версий. Но она не объясняет исчезновения глубоководного аппарата. Перед потерей связи с ним были зарегистрированы необычные магнитные возмущения. Их наблюдали в том же районе и годом ранее.

Корнев придвинул карту.

— Глубина?

— Около трёх тысяч двухсот метров. По последнему сообщению с судна — три тысячи сто девяносто восемь.

— Положение точки известно?

— Пока недостаточно точно. Мы продолжаем работу с архивами.

— Какова площадь предполагаемых поисков?

— Её ещё предстоит определить.

Корнев поднял глаза на Андрея.

— Вы предлагаете мне найти иголку, не зная размеров стога?

— Я предлагаю сначала установить размеры стога. Если не удастся, морская часть экспедиции потеряет смысл.

— Уже лучше. А почему вы решили заняться этим именно теперь?

Зорин ожидал вопроса. Он рассказал о полученной посылке, не называя даты письма и не показывая его содержания. Затем вынул копию фотографии кольца.

Корнев взял снимок и некоторое время молча его изучал.

— У вас есть негатив?

— Нет.

— Другие кадры?

— Только этот.

— Кто прислал?

— Не знаю.

— А вы уверены, что это вообще океанское дно?

— Нет. Но глубина, указанная на обороте, близка к той, которая фигурирует в документах расследования. Кроме того, профессор располагает старой записью эхолотной съёмки: в том же районе обнаружили необычный участок рельефа.

Бессонов развернул копию старого эхолотного профиля и объяснил, при каких обстоятельствах его получили. Корнев слушал, время от времени задавая короткие вопросы о масштабе, точности навигации и расстоянии между маршрутами съёмки. Андрей заметил, что предприниматель гораздо свободнее обращался с техническими материалами, чем с историческими сведениями.

— Допустим, на дне есть объект, — сказал наконец Корнев. — Природный или искусственный, пока неизвестно. Но каким образом он связан с магнитными наблюдениями?

Андрей показал два графика. Первый был построен по архивным материалам, второй получен накануне в лаборатории.

— Обратите внимание на интервалы между максимумами.

Корнев взял карандаш, отметил две точки и сверился со шкалой времени.

— Восемьдесят четыре секунды. На обоих?

— Примерно такой период получили и в лаборатории. Мы исследовали небольшой металлический предмет. После воздействия переменного магнитного поля прибор регистрировал серию затухающих импульсов.

— И это уже после выключения внешнего поля?

— Да. Контрольные опыты указывают на связь сигнала с образцом. Но нужна независимая проверка. Пока мы можем говорить о совпадении периода, а не об общем источнике двух сигналов.

— Что за металл?

— В поверхностных слоях обнаружили вольфрам, титан и ниобий. Внутреннее строение сложное. Пока мы не знаем ни точного состава всего изделия, ни способа его изготовления.

Корнев положил карандаш. Впервые за всё время разговора он откинулся на спинку кресла и задумался.

— А можно взглянуть на предмет?

— Сегодня нет.

— Почему?

— Он находится на хранении. Я не намерен передавать его для исследований без согласованных условий.

— Я не просил передавать. Я попросил показать.

— В таком случае мы можем договориться о демонстрации в лаборатории, когда специалисты закончат необходимые проверки.

Корнев посмотрел на Бессонова, затем снова на Андрея.

— Вы, похоже, пришли не только за деньгами, но и за гарантиями.

— Именно так.

— Что ж, это разумно. Пойдёмте. Я покажу вам кое-что, имеющее непосредственное отношение к нашим возможностям.

***

За основным зданием находился длинный производственный корпус. Корнев провёл гостей через пропускной пункт, где им выдали защитные каски, и открыл дверь в просторный цех. Под потолком двигался мостовой кран. У дальней стены рабочие собирали металлическую раму, в центре которой находился цилиндрический герметичный корпус с полусферическими крышками. На раме были закреплены кабели, гидравлические магистрали и кронштейны для приборов, которые ещё предстояло установить.

— Это один из наших телеуправляемых аппаратов, — объяснил Корнев. — Сейчас его переоборудуют для отбора донных образцов. Он рассчитан на рабочую глубину четыре тысячи метров. Электропитание и связь с оператором обеспечиваются по кабелю с судна.

Андрей обошёл машину. Она была гораздо крупнее аппаратов, с которыми ему доводилось работать на Балтике. Два манипулятора были сложены под передней частью рамы, а над ними находились крепления для камер и осветителей.

— Весит тонны три?

— Больше. Но в воде часть веса компенсируется плавучестью. Видите эти светлые блоки? Это синтактическая пена: полимер с полыми микросферами, рассчитанными на большое давление. На глубине трёх тысяч метров обыкновенный тонкостенный пустотелый поплавок раздавит, как жестянку.

Корнев постучал пальцем по одному из блоков.

— На глубине вашего объекта давление составит приблизительно тридцать два мегапаскаля. Это больше трёхсот атмосфер. На участок стенки герметичного корпуса размером с почтовую открытку будет действовать сила, эквивалентная весу нескольких десятков тонн. Малейший дефект уплотнения может погубить дорогую аппаратуру.

— А как быть с людьми? — спросил Бессонов. — Если потребуется погрузиться самим?

— Для начала я бы предпочёл, чтобы на дно отправилась машина. У неё есть одно неоспоримое преимущество перед профессором истории: в случае потери мы лишимся оборудования, а не профессора.

— Убедительный довод, — признал Бессонов.

Корнев улыбнулся.

— Есть возможность привлечь и обитаемый аппарат. Но это отдельная задача. Допуск аппарата к погружениям, совместимость с судном-носителем, подготовка экипажа и план аварийного подъёма — всё должно быть подтверждено до выхода. Я не собираюсь рисковать людьми ради эффектных фотографий.

Они прошли к испытательному бассейну, где под поверхностью воды неподвижно висела небольшая машина с четырьмя движителями. Оператор за пультом осторожно подвёл её к металлическому предмету, лежавшему на дне. Манипулятор раскрыл захват, поднял предмет и переложил его в корзину.

— С виду несложно, — заметил профессор.

— Попробуйте проделать то же самое при течении, в темноте и в трёх километрах под килем судна, — ответил Корнев. — Здесь оператор видит машину через стекло. В океане ему придётся судить о её положении по камерам и приборам.

Андрей наблюдал за движением аппарата. В его прежних экспедициях расстояние между исследователем и находкой редко превышало несколько десятков метров. Здесь же судно, кабель и подводная машина составляли единую систему: ошибка оператора на поверхности или неисправность лебёдки могла иметь последствия далеко внизу.

— Вы располагаете судном для таких работ? — спросил он.

— Да. «Пелагия». Исследовательское судно, принадлежащее компании, с которой мы работаем на постоянной основе. Оно оборудовано системой динамического позиционирования, гидроакустической аппаратурой, лабораториями и кормовым комплексом для спуска тяжёлых аппаратов. Судно готовилось к другому рейсу, но заказчик перенёс работы на весну. У нас освободилось осеннее окно.

— На сколько?

— Примерно на семь недель. Часть времени уйдёт на переходы. Если мы договоримся, попробуем сохранить это окно за вашей экспедицией.

— Вы готовы отправить судно в Атлантику на основании двух графиков и фотографии неизвестного происхождения?

— Нет. Но я готов оплатить подготовку, чтобы выяснить, достаточно ли оснований для выхода. Это разные вещи, Андрей Константинович.

Корнев предложил вернуться в кабинет. По дороге они остановились у стенда, на котором демонстрировалась схема глубоководного энергетического комплекса. Подводный модуль соединялся с береговой станцией длинным кабелем.

— Один из ваших проектов? — спросил Андрей.

— Один из тех, которые пока обходятся дороже, чем хотелось бы. На суше люди привыкли получать электричество из розетки и редко задумываются, сколько всего должно исправно работать между этой розеткой и источником энергии. В море подобная беспечность невозможна. Здесь повреждение единственного кабеля способно остановить предприятие, стоящее сотни миллионов.

— Поэтому вас заинтересовал магнитный сигнал?

— Меня заинтересовало устройство, если это действительно устройство. Не сигнал сам по себе. Как оно устроено? Откуда получает энергию? С какой целью создано? Согласитесь, любопытство не запрещено даже предпринимателям.

— Физики предполагают, что часть энергии внешнего поля запасается в материале. Но энергетический баланс мы ещё не измерили.

— Я и не жду вечного двигателя. Мне вполне достаточно полезного устройства, которого ещё нет у нас.

Корнев сказал это без улыбки. Андрей подумал, что впервые услышал от него ответ, объяснявший не возможности будущей экспедиции, а личный интерес её предполагаемого организатора.

***

Когда они снова расположились за столом, Корнев попросил принести кофе и открыл на компьютере календарь работ «Пелагии».

— Давайте рассуждать практически. Для начала мне нужны описание района, научная программа и оценка того, что мы способны обнаружить имеющимися средствами. Вам потребуется океанограф. Не тот, кто напишет красивое введение к отчёту, а специалист, который сумеет оценить местные течения и вместе с капитаном и инженерами выбрать подходящие условия для погружений. Понадобится геофизик. Инженера я предложу своего, но вы сможете обсудить с ним оборудование и решить, подходит ли он вам.

— А кто будет руководить экспедицией?

— На судне капитан. В научных вопросах — вы, если ваш институт согласится участвовать и вы возьмёте на себя эту работу.

— Необходимо участие профессора Бессонова.

— Если Владимир Петрович не возражает против нескольких недель на волнах, я только за.

— Я тридцать девять лет ждал возможности туда попасть, — ответил профессор. — Полагаю, несколько недель переживу.

— Это мы ещё обсудим с врачом, — заметил Корнев и повернулся к Андрею. — Теперь об условиях. Если программа будет утверждена, компания возьмёт на себя расходы на судно, оборудование, подготовку и необходимые исследования в пределах согласованной сметы. Полученные результаты должны быть доступны и нам. Если появится технология, представляющая коммерческий интерес, мы рассчитываем участвовать в её изучении и дальнейшей разработке.

— На каких правах?

— Это зависит от того, что мы найдём.

— Вот именно. Если обнаружится исторический объект, он не становится собственностью того, кто оплатил рейс. Сначала придётся выяснить, какие законы и международные соглашения действуют в этом районе.

— Я не претендую на амфоры, якоря и прочую вашу утварь.

— А если мы найдём не амфоры? Если на дне окажется действующая установка, которой никто из нас не умеет пользоваться?

Корнев задумался.

— Тогда мы должны будем установить, кто вправе разрешить исследования и на каких условиях их можно проводить. Но вы ведь не хотите запретить нам заниматься научной работой только потому, что у неё могут быть практические результаты?

— Не хочу. Я хочу, чтобы право на исследования не превращалось в право распоряжаться находкой. И чтобы решение о подъёме любого объекта принималось не в кабинете инвестора.

— Разумно. Зафиксируем это в соглашении.

Бессонов, до сих пор слушавший спор, придвинул к себе блокнот.

— Я добавил бы ещё одно условие. Мы должны сохранить возможность публикации результатов, в том числе отрицательных. Иначе, если ничего не найдём, наши наблюдения пропадут вместе с деньгами.

— Согласен, — сказал Корнев. — Но до публикации материалы должны пройти научную проверку. Сроки и порядок согласования установим в договоре. И я хотел бы, чтобы точные координаты потенциальной находки не появились в интернете раньше, чем мы разберёмся с её статусом.

— Здесь наши интересы совпадают, — ответил Андрей. — На дне достаточно объектов, уничтоженных людьми, которым кто-то слишком рано сообщил их местоположение.

Они ещё долго обсуждали условия. Вопросы разрешений на исследования, возможного захода в иностранный порт, страхования и подготовки экипажа не могли быть решены за один разговор. Корнев обещал поручить их проверку своим сотрудникам. Андрей настоял, чтобы морские работы не начинались до установления правового режима района и получения всех необходимых разрешений. Отдельно он потребовал записать в соглашении, что капитан вправе прекратить опасную операцию независимо от пожеланий научной группы и спонсора.

— А если капитан окажется чрезмерно осторожным? — спросил Корнев.

— Значит, нам придётся искать способ убедить его данными, а не деньгами. Но последнее слово всё равно останется за ним.

Предприниматель коротко рассмеялся.

— Ладно. Думаю, вы с Николаем Ивановичем найдёте общий язык.

— Это капитан «Пелагии»?

— Да. Лавров. Познакомлю вас, когда определимся с программой.

Корнев развернул на экране электронную карту и предложил Андрею указать хотя бы приблизительные границы района. Зорин взял мышь и увеличил изображение. По мере приближения к Азорским островам на экране проступали контуры подводных гор и долин.

— Вот здесь проходил один из маршрутов семьдесят девятого года. А здесь, судя по архивным материалам, работала «Альциона». Точнее пока не скажу.

— Сколько времени займёт съёмка?

— Зависит от площади и требуемой подробности. Многолучевой эхолот на судне даст нам общую картину рельефа. Но если хотим различить небольшое сооружение, прибор придётся приблизить ко дну.

— У нас есть буксируемый гидролокатор. Он покроет за сутки довольно приличную площадь.

— При ровном дне и благоприятных условиях. Посмотрите на эти склоны. За возвышенностями могут возникать акустические тени. Придётся возвращаться, менять направление галсов, а затем проверять интересные объекты камерами.

Бессонов, который с некоторым недоверием следил за тем, как легко Андрей перемещал на экране целые подводные горы, спросил:

— А магнитный сигнал не избавит нас от необходимости осматривать всё это пространство?

— Если источник достаточно силён и продолжает работать, сигнал поможет. Но в восемьдесят шестом году его потеряли при повторном проходе. Мы не знаем, почему. Поэтому я предложил бы вести магнитные наблюдения наряду с эхолотированием, а не вместо него. Если приборы будут мешать друг другу или условия буксировки окажутся неподходящими, разделим эти работы.

Корнев вызвал на экран сведения о запасах топлива и скорости судна. На полях распечатанной карты он принялся прикидывать длину маршрутов с учётом ширины полосы съёмки. Даже без поправки на штормы и технические задержки получалось, что поиски на большой площади могли поглотить всё время, отведённое для работы в океане.

— Видите, профессор, — сказал он, протягивая Бессонову лист, — теперь стоимость вашей рукописи можно выразить в тоннах судового топлива.

— Сомневаюсь, что её владелец согласится принять плату в таком виде.

— А жаль. Впервые в жизни мне было бы выгоднее приобрести старую книгу, чем современную машину.

К шести часам кофе остыл, а на листе бумаги перед Бессоновым появились два столбца заметок. В одном перечислялось то, что предстояло сделать на берегу, в другом — то, что предполагалось выполнить в океане. К удивлению Андрея, первый столбец получился длиннее второго.

— Мне потребуется несколько дней, — сказал он. — Нужно поговорить с руководством института, уточнить данные по району и организовать повторное исследование образца.

— Постарайтесь к началу следующей недели подготовить хотя бы предварительную программу, — предложил Корнев. — Я оплачу независимую экспертизу через ваш институт, если он согласится. Условия доступа к результатам согласуем заранее. Попросим судовладельца пока не отдавать наше окно другому заказчику, но окончательно резервировать судно я стану только после оценки района поиска и возможности получить разрешения.

Он достал визитную карточку и на обороте написал номер телефона.

— Это мой прямой номер. Звоните, если возникнет вопрос, который нельзя решить с помощниками.

Андрей убрал карточку.

— И ещё, — сказал Корнев. — Что именно вы рассчитываете найти там, внизу? Не как археолог. Как человек, который взялся за это дело.

Зорин помолчал. Он мог назвать затонувший аппарат, остатки неизвестного сооружения, геофизическую аномалию. Все эти ответы были бы верны, но ни один не объяснял, почему он оказался здесь.

— Мой отец был на «Альционе».

Корнев медленно кивнул.

— Теперь понятно. Вы хотите узнать, как он погиб.

— Я хочу узнать, что с ним произошло.

На этот раз предприниматель не стал уточнять разницу между двумя ответами.

***

На улице заметно похолодало. Над портом висели низкие облака, и ветер с залива нёс запах мокрого железа. Бессонов предложил пройтись до остановки, однако шагов через сто свернул к ограде, за которой виднелись портовые краны.

— Ну, что скажете? — спросил он.

— Он готов потратить очень большие деньги на экспедицию, у которой пока нет даже точных координат.

— Не совсем так. Пока он готов потратить деньги на подготовку. Это гораздо скромнее.

— Но судно у него есть. И аппараты. И интерес к нашему предмету появился раньше, чем мы заговорили об исторических находках.

— Разумеется. Он инженер по образованию, а не археолог. Если бы мы пришли к нему с рассказом о древних надписях, он, вероятно, отправил бы нас в какой-нибудь исторический фонд.

— Вы давно его знаете?

— Лет шесть. Он помогал университету оборудовать лабораторию. Сотрудничество было вполне нормальным. Впрочем, там и предметом наших разногласий могла стать разве что стоимость мебели.

Андрей остановился у ограды. За ней буксир медленно разворачивал грузовое судно. На корме буксира рабочие в ярких куртках выбирали мокрый трос. Ещё утром выход в океан казался Зорину почти неосуществимым, а теперь он знал название корабля, который мог доставить его к месту исчезновения отца.

— Я не хочу отказываться от предложения, — сказал он. — Но и спешить с согласием не стану. Сначала проверим договор.

— Правильно. А мне, пожалуй, следует ускорить другую часть нашей работы.

Профессор вынул телефон и показал Андрею короткое сообщение, полученное во время встречи с Корневым. Его прислал знакомый, занимавшийся описанием старых частных книжных собраний. В одном из каталогов нашлось упоминание рукописи, которую Бессонов разыскивал. Она относилась к девятнадцатому веку и, судя по описанию, содержала копию более ранней карты с комментариями неизвестного составителя.

— Это та самая карта? — спросил Андрей.

— Не знаю. Но описание совпадает в нескольких существенных подробностях. В частности, упоминаются острова за Геркулесовыми столпами и странная система обозначений, которую прежний владелец рукописи считал навигационной.

— Где она сейчас?

— В частном собрании. Мне обещают устроить встречу с владельцем. Надеюсь, он позволит её изучить.

— Как скоро?

— Возможно, завтра. Я как раз собирался позвонить.

Зорин взглянул на карту океана, которую всё ещё держал под мышкой. Между Петербургом и районом исчезновения «Альционы» лежали тысячи километров. Но прежде чем отправиться в путь, ему предстояло найти на старом листе бумаги хотя бы одну точку, которую можно было бы проверить в океане.

— Если рукопись позволит сузить район поисков, — сказал он, — мы сможем подготовить программу для Корнева.

— Если позволит, — подчеркнул Бессонов. — Не будем требовать от старой карты больше, чем она может нам дать.

Они попрощались у остановки. Профессор отправился домой, а Андрей остался ещё на несколько минут у портовой ограды. Ветер усиливался. Из-за складских зданий показалась чайка, сделала широкий круг над водой и исчезла в сером небе.

Зорин вынул визитную карточку Корнева. Согласие на участие предпринимателя в экспедиции означало, что у поисков появится ещё один заинтересованный участник. Андрей не сомневался в серьёзности его намерений, но понимал, что их цели совпадают не во всём. Однако без судна и оборудования он не смог бы проверить ни одной из гипотез, возникших за последние девять дней.

Андрей спрятал карточку и направился к остановке.

Впервые за тридцать девять лет появилась реальная возможность вернуться к месту, откуда не вернулся его отец.

Глава 6. Загадка древней карты

На следующий день, семнадцатого сентября, в половине девятого утра Андрею позвонил Бессонов.

— Нашли!

— Что именно, Владимир Петрович?

— Рукопись. Владелец согласился принять нас сегодня. Захватите свои карты Атлантики и расчёты отца.

— Вы уже видели её?

— Пока только фотографии двух страниц. Но, если я не ошибаюсь, мы стоим на пороге весьма любопытного открытия.

Через час Андрей и профессор ехали по Васильевскому острову. Им предстояло выяснить, что мог знать о месте исчезновения «Альционы» человек, живший в XIX веке.

Владелец рукописи, Сергей Михайлович Ремезов, оказался человеком лет семидесяти, с густыми седыми бровями и несколько насмешливым выражением лица. В прошлом он преподавал математику, а теперь разбирал библиотеку, которую начал собирать ещё его прадед. Из прихожей были видны три комнаты, заставленные книжными шкафами. На полу, между стопками книг, стояли две большие коробки с надписью «Не разобрано».

— Прошу вас сюда, — сказал хозяин. — В гостиной свет лучше. Только не опирайтесь на край стола, у него расшаталась ножка.

— Вы давно знаете об этой рукописи? — спросил Бессонов, снимая пальто.

— О её существовании знал с детства. О содержании — с прошлой пятницы. До тех пор она считалась у нас тетрадью с морскими картами. Когда я взялся за каталог, выяснилось, что некоторые карты нарисованы от руки, а текст почти целиком на французском. Я французским владею хуже, чем мой прадед. Пришлось обратиться за помощью.

— А откуда она у вашего прадеда?

— Вот это мы с вами, надеюсь, и установим. На внутренней стороне переплёта есть отметка букиниста. Судя по семейным бумагам, прадед купил тетрадь в Петербурге до Первой мировой войны. Всё, что было раньше, мне неизвестно.

Ремезов вынул из шкафа плоскую коробку и положил её на стол. В ней находилась тетрадь в потёртом кожаном переплёте. Кожа на корешке растрескалась, на углах обложки обнажился картон. Между несколькими повреждёнными листами были проложены полоски тонкой бескислотной бумаги.

Бессонов вымыл и насухо вытер руки, попросил две небольшие подушки, чтобы поддержать переплёт, и осторожно открыл тетрадь. Андрей достал блокнот. Ему приходилось работать с документами гораздо более древними, но теперь он с таким же нетерпением ждал, что покажется на следующей странице, с каким когда-то следил за расчисткой своей первой подводной находки.

На первом листе стояла дата: 1874 год. Ниже, мелким почерком, было выведено имя Жюля Мореля.

— Знакомая фамилия? — спросил Зорин.

— В данном случае нет. Французов с такой фамилией достаточно, чтобы заполнить целый пассажирский пароход. Посмотрим, что он сам о себе сообщает.

Морель называл свои записи заметками о географии западного океана. Он собирал сведения из старых лоций, описаний морских путешествий и сочинений античных авторов. В некоторых местах текст был перечёркнут, в других имелись дополнения на полях. Тетрадь напоминала рабочий дневник: её автор спорил с прочитанным, возвращался к прежним выводам, а иногда оставлял целые страницы незаполненными.

— Здесь есть ссылка на португальскую карту, — сказал профессор, перелистнув несколько страниц. — Морель видел её в частной библиотеке на острове Фаял. Владелец утверждал, что она относится к семнадцатому веку. Сам Морель считал, что перед ним более поздняя копия.

— И где оригинал?

— Не сказано. По крайней мере, пока.

Ремезов поставил на соседний стол чайник и три чашки.

— Если найдёте что-нибудь сенсационное, господа, прошу не забывать, что эта библиотека досталась мне по наследству, а не от пиратов.

— Мы пока нашли только добросовестного любителя географии, — ответил Бессонов.

— Прекрасно. Значит, можно спокойно пить чай.

Профессор добрался до сложенного вчетверо листа, вшитого между страницами. Ремезов помог осторожно раскрыть его, придерживая края и не пытаясь расправить сгибы. Перед исследователями предстала карта Северной Атлантики. Контуры Европы и Африки были нанесены коричневыми чернилами, острова обозначены небольшими пятнами, а направления морских путей — тонкими прерывистыми линиями.

Андрей без труда узнал Азорские острова, Мадейру и Канарский архипелаг. Гораздо труднее было понять назначение нескольких знаков, нанесённых посреди океана, вдали от суши. Один напоминал крест, другой — треугольник, третий состоял из двух окружностей, соединённых прямой чертой.

— Владимир Петрович.

Бессонов уже смотрел на этот знак.

— Вижу.

Андрей открыл на телефоне фотографию металлической пластины, сделанную в институте, и положил аппарат на стол рядом с тетрадью. Сходство бросалось в глаза, хотя имелись и различия. На старом листе одна окружность была заметно больше другой, а линия между ними прерывалась двумя короткими штрихами.

— Вы привезли сюда фотографию? — заинтересовался Ремезов.

— Одного предмета, который мы исследуем. Хотелось бы понять, что означает этот рисунок.

Хозяин надел очки.

— Условный знак какой-нибудь опасности для мореплавателей?

— Возможно, — ответил Андрей. — Мы ищем объяснение.

Профессор прочёл надпись возле знака, затем нашёл соответствующий абзац в тетради. Морель сообщал, что перенёс фигуру с португальской карты без изменений, поскольку не сумел установить её назначение. По словам владельца той карты, окружности относились к местам, где море скрывало нечто важное для мореплавателей. Что именно, тот не знал.

— Замечательная точность, — пробормотал Андрей. — Нечто важное посреди океана.

— Для начала неплохо, — возразил Бессонов. — Если записи действительно относятся к девятнадцатому веку, а знак не был добавлен позднее, мы имеем дело со свидетельством, которое появилось задолго до экспедиции вашего отца.

Он осмотрел лист при боковом освещении. Цвет чернил и характер штрихов не выдавали явных следов позднейшей правки, но по одному внешнему виду датировать рисунок было невозможно. Профессор попросил разрешения сфотографировать карту целиком, а также несколько соседних страниц.

— Фотографируйте, — сказал Ремезов. — Только без вспышки. И пришлите мне потом ваш перевод. Любопытно всё-таки узнать, чем занимался этот француз.

***

К полудню Бессонов успел сделать черновой перевод большей части заметок, относящихся к карте. В них обнаружилось несколько ссылок на Платона. Морель цитировал «Тимея» и «Крития», рассуждая о том, мог ли рассказ об Атлантиде возникнуть из преданий мореплавателей, посещавших острова за Геркулесовыми столпами.

— Вот что меня всегда занимало, — сказал профессор. — Платон помещает Атлантиду за Геркулесовыми столпами, которые обычно связывают с Гибралтарским проливом. Но этого указания недостаточно для определения её положения. За Гибралтаром находится целый океан. А рассказ о размерах острова и военных походах атлантов вовсе не похож на навигационную инструкцию.

— Тем не менее Морель пытался составить такую инструкцию?

— Он пытался найти источник легенды. И не обязательно считал, что речь шла о большом острове. Смотрите: здесь он перечисляет острова, известные европейцам к концу Средневековья, и сопоставляет их с более ранними описаниями. Вполне разумное занятие. Дальше он, правда, увлекается.

На одной странице француз рассуждал о девяти тысячах лет, отделявших Солона от войны с атлантами. На другой — предполагал, что древние авторы могли перепутать различные способы счёта времени. Бессонов перевёл оба отрывка, но отложил их в сторону.

— Если буквально отсчитать девять тысяч лет от эпохи Солона, получится примерно середина десятого тысячелетия до нашей эры. В ту пору уровень океана был существенно ниже нынешнего. Любопытное обстоятельство, но из него вовсе не следует, что любая подводная возвышенность когда-то была островом.

— Тем более на глубине трёх тысяч метров, — сказал Андрей. — Со времени максимума последнего оледенения средний уровень океана поднялся примерно на сто двадцать метров, а не на три километра. Если мы найдём там постройки, одного подъёма уровня воды для объяснения их положения будет недостаточно.

— Вот и ещё один вопрос, который предстоит решить, — заметил профессор. — Разумеется, если мы вообще найдём постройки.

Зорин внимательно рассмотрел карту. Условный знак двух окружностей находился к юго-западу от Азорских островов. Это соответствовало району, в котором, согласно архивным документам, работала «Альциона». Но определить положение объекта с достаточной точностью по одному рисунку было нельзя: координатная сетка была редкой, а очертания островов заметно искажены.

— Если привязать эту карту к современной по очертаниям берегов, ошибка может составить десятки миль. А то и больше. Нужны численные координаты.

— Тогда ищите числа. Я пока разберусь с текстом.

Они разделили работу. Бессонов читал французские комментарии, а Андрей искал таблицы, схемы и записи наблюдений. В конце тетради он обнаружил несколько листов, заполненных столбцами цифр. Среди них имелись значения широты, долготы и глубины. Над одной из таблиц стояла дата: август 1876 года.

— Морель продолжал вести записи по меньшей мере два года, — сказал Зорин. — Посмотрите сюда.

Профессор придвинул тетрадь. Записи относились к плаванию небольшого торгового судна, название которого оказалось трудно разобрать. Капитан, по всей видимости, был знаком с Морелем и согласился произвести несколько промеров глубины в указанном им районе. Француз не участвовал в плавании и получил выписку из судового журнала позднее, о чём прямо сообщал в примечании.

— Не слишком ли дорогое одолжение? — спросил Андрей. — Обычное торговое судно в девятнадцатом веке не стало бы без особой причины тратить время на промеры в открытом океане.

— Морель пишет, что капитан располагал прибором для глубоководного промера. К тому времени уже существовали лоты, которыми измеряли глубины в несколько тысяч метров, но для такой работы требовалось специальное оборудование. Возможно, судно участвовало в гидрографических исследованиях. Пока не установим его название и маршрут, доверять этим измерениям следует с оговорками.

В таблице значилось шесть промеров. Первое значение превышало две тысячи единиц, последующие постепенно уменьшались. Последняя запись гласила: тысяча семьсот пятьдесят. Обозначение единицы измерения в заголовке столбца было почти неразборчиво.

— Если это английские морские сажени, получаем около трёх тысяч двухсот метров, — сказал Андрей.

— А если французские брассы?

— Получим другое число. Нужно выяснить, какой мерой пользовался капитан, а не переписчик.

Под таблицей обнаружилась фраза, в которой Морель пояснял, что глубины переписаны из судового журнала без перевода из английской меры. Зорин сделал расчёт. В английской морской сажени шесть футов, то есть примерно метр восемьдесят три сантиметра. Тысяча семьсот пятьдесят таких саженей соответствовали приблизительно трём тысячам двумстам метрам.

— Три тысячи двести, — повторил Бессонов.

— Да. Но при промере лотом на такой глубине погрешность могла быть значительной. Течение отклоняло лотлинь или проволоку от вертикали, судно дрейфовало. Мы даже не знаем, как капитан определял момент касания дна. И совершенно точное совпадение глубин ничего не докажет, если мы не установим положение точки.

Ремезов, до этого читавший газету у окна, отложил её.

— Вы, я вижу, уже полтора часа убеждаете друг друга, что ваши открытия ничего не значат.

— Это один из способов не ошибиться, — ответил профессор.

— У математиков он тоже применяется. Продолжайте.

***

Координаты последнего промера были записаны следующим образом: тридцать пять градусов сорок минут северной широты и тридцать три градуса двадцать минут западной долготы. Андрей внёс их в навигационную программу на ноутбуке и получил точку, лежавшую значительно западнее района, который они выделили по материалам экспедиции 1987 года.

— Не сходится, — сказал он.

Бессонов не ответил. Он снова вернулся к началу таблицы и несколько минут разбирал мелкую надпись над столбцом долгот.

— От какого меридиана вы отсчитывали?

— От Гринвича, разумеется.

— Для вас это разумеется. Для Мореля — нет. Здесь написано: «Долготы приведены к меридиану Парижа».

Андрей подвинул к себе компьютер.

В 1884 году на международной конференции в Вашингтоне Гринвичский меридиан был рекомендован в качестве общего начала отсчёта долгот. До этого картографы разных стран пользовались собственными исходными меридианами, да и после конференции переход к единой системе произошёл не сразу. На французских картах нередко отсчитывали долготу от Парижа, на некоторых старых европейских картах — от меридиана Ферро. Ошибка в выборе исходного меридиана могла переместить искомый объект на сотни километров.

Парижский меридиан проходил приблизительно на два градуса двадцать минут восточнее Гринвичского. Значит, из западной долготы, записанной Морелем, следовало вычесть эту

величину. Тридцать три градуса двадцать минут к западу от Парижа соответствовали примерно тридцати одному градусу к западу от Гринвича.

Зорин исправил долготу. На широте тридцать пять градусов сорок минут разница составила около ста четырнадцати морских миль, или двухсот десяти километров. Точка переместилась к востоку.

— Теперь ближе, — произнёс он.

Профессор встал из-за стола и заглянул в экран. Андрей вывел поверх карты маршруты советских экспедиций, восстановленные по доступным документам. Точка Мореля оказалась в пределах полосы, которую в 1979 году пересекло исследовательское судно. Более того, неподалёку проходил один из галсов, выполненных в 1986 году.

— Ваш отец знал эти координаты? — спросил Ремезов.

— Мы пытаемся выяснить именно это.

Бессонов раскрыл принесённую папку. В ней лежали копии записей Константина Зорина, которые профессор сохранил с восьмидесятых годов. Он отыскал лист с расчётами, долго всматривался в цифры, затем повернул его к Андрею.

— Вот почему он просил меня проверить меридиан! Помню, мы спорили о происхождении этих чисел. В описании карты, которое я тогда получил, было указано положение знака, но не объяснялось, как его определили. Константин пересчитывал несколько вариантов. Мы выбрали наиболее вероятный по результатам эхолотирования. А теперь у нас есть ещё и таблица промеров.

В записях отца действительно имелись три варианта долготы. Один был зачёркнут, второй сопровождался вопросительным знаком, третий совпадал с пересчитанным значением с точностью до нескольких минут.

— Значит, он мог выйти к этому месту, — сказал Андрей.

— Мог. Но мы не знаем, насколько далеко он ушёл от него после обнаружения магнитного сигнала.

Зорин измерил расстояние от точки Мореля до ближайшего участка архивного эхолотного профиля. Прикинул, насколько могла сместиться точка из-за ошибок астрономических наблюдений, дрейфа и неточного восстановления советских маршрутов. Он не располагал данными для строгой оценки этих погрешностей, поэтому вместо расчётной границы ошибки на карте появился предварительный прямоугольник, намеченный для первой поисковой съёмки.

— Примерно двадцать на тридцать морских миль для первого этапа, — сказал он. — Начнём с участков, где старые галсы проходили вблизи подводных возвышенностей. Если ничего не найдём, расширим район. Не обещаю, что объект окажется внутри этих границ, но теперь есть с чего начинать.

— А вчера? — спросил Ремезов.

— Вчера речь шла о районе, во много раз превосходящем эту площадь.

— Стало быть, мой прадед приобрёл весьма полезную вещь.

— Если бы он знал, сколько судового топлива она может нам сэкономить, — заметил Бессонов, — то, вероятно, купил бы ещё десяток таких тетрадей.

Андрей рассмеялся, но тут же вновь склонился над листом. В таблице Мореля оставалось ещё одно примечание, написанное поперёк нижнего поля. Судя по первым словам, оно не относилось к промерам.

— Владимир Петрович, а это что?

Профессор взял увеличительное стекло.

— «Вторая фигура не определена. Расстояние между ними не должно приниматься за морские мили». Так, кажется. Почерк здесь ужасный.

— Между двумя окружностями?

— Вероятно. Сейчас посмотрим предыдущую страницу.

Там обнаружился отдельный рисунок, повторявший условный знак в увеличенном виде. Под каждой окружностью имелось по короткой надписи. Первую Морель передал по-французски как «место входа», вторую — как «место выхода». Он добавил, что такое толкование предложил владелец португальской карты, но ни исходного текста, ни объяснения его происхождения не привёл.

Андрей перестал улыбаться.

— Входа куда?

— Этого здесь нет.

— А выход обозначен в другом месте карты?

— Нет. Обе окружности нанесены вместе. Возможно, это не географические точки, а условное изображение чего-то, что составитель карты считал единым объектом.

Зорин вспомнил фотографию из посылки. На её обороте стояла карандашная надпись: «3198 м. Перед первым кольцом». Затем ему вспомнилась последняя радиограмма «Альционы» и предупреждение о вторых вратах.

Он попросил Бессонова выписать точный французский текст примечания и отметить номер страницы, чтобы позднее можно было проверить перевод. Профессор сделал это без возражений.

— Вы думаете о той радиограмме? — спросил он.

— Да. И о том предупреждении в письме: одних координат недостаточно.

— Пока мы не знаем, что означают эти слова. Морель мог просто переписать ошибочное толкование знака.

— Мог. Но почему тогда похожий знак есть на пластине? И почему отец говорил о вратах? Не слишком ли много совпадений?

Бессонов закрыл блокнот.

— Вот это, Андрей Константинович, и предстоит проверить.

***

Ремезов разрешил им вернуться к рукописи в любой удобный день, но выносить её из квартиры отказался. Андрей не настаивал. Они договорились организовать профессиональную съёмку и пригласить специалиста по реставрации и датировке рукописей. Любые исследования, требующие отбора образцов бумаги или чернил, можно было проводить лишь с отдельного согласия владельца. Профессор составил перечень страниц, нуждавшихся в дополнительном изучении, и обещал прислать перевод всех относящихся к делу записей.

На прощание хозяин проводил гостей до двери.

— Скажите, вы действительно собираетесь искать что-то на дне океана?

— Если удастся организовать экспедицию, — ответил Зорин.

— Тогда у меня одна просьба. Не называйте рукопись картой Атлантиды, пока не установите, что она к ней относится. А то ко мне начнут ходить люди, которым не хватило места в вашей экспедиции.

— Обещаю.

— И напишите, если что-нибудь найдёте. Даже если это будет обыкновенная скала.

На улице шёл мелкий дождь. Бессонов раскрыл зонт, который при первом же порыве ветра вывернуло наизнанку. Профессор с некоторым достоинством сложил его и сунул под мышку.

— Не самое удачное изобретение человечества, — заметил он. — Особенно в приморском городе.

Они дошли до ближайшего кафе, где Андрей подключил ноутбук к розетке и начал готовить предварительную схему поисков. Бессонов тем временем переписывал замечания к переводу. Снимки страниц, исходные координаты и расчёты они решили хранить отдельно от рабочей карты, чтобы ни одна из позднейших поправок не уничтожила первоначальные сведения.

Зорин позвонил Корневу.

— Олег Валерьевич, мы существенно сузили район поисков.

— Насколько существенно?

Андрей назвал приблизительные размеры области и объяснил, что она намечена путём сопоставления архивных океанографических наблюдений с более ранними географическими сведениями.

— Уже можно составлять программу? — спросил Корнев.

— Предварительную. Нужны подробные данные о возможностях судна, скорости съёмки и запасе времени на погружения. И океанограф, который оценит местные условия.

— С этим помогу. Завтра пришлю вам перечень оборудования. А в начале следующей недели предлагаю встретиться с капитаном и специалистами. Если договоримся по программе, начнём готовить документы на рейс.

— Хорошо. Точные границы передам после проверки расчётов.

— Договорились. Кстати, профессор оказался прав насчёт своей старой книги?

— Она оказалась полезной.

— Тогда передайте ему, что я готов изменить своё мнение о стоимости старых книг.

Связь прервалась. Бессонов, услышавший последние слова, удовлетворённо кивнул.

— Не каждый день историк заставляет промышленника пересмотреть представления об экономике.

Андрей убрал телефон и открыл на компьютере снимок письма. За десять дней он прочёл его столько раз, что мог воспроизвести почти наизусть. Теперь предупреждение о координатах воспринималось иначе. Кто бы ни отправил письмо, он, вероятно, знал о препятствии, не обозначенном ни в одной лоции.

— Как вы считаете, — спросил Зорин, — если письмо действительно написал отец, почему он не рассказал мне всё прямо? Если там опасно, зачем вообще присылать предмет и фотографию?

Профессор снял очки.

— Возможно, он не мог рассказать больше. Возможно, не был уверен, в чьи руки попадёт письмо. Но пока, Андрей Константинович, мы можем только гадать.

— Вы ведь понимаете, что я не смогу остановиться на одной съёмке дна, если обнаружится «Скат»?

— Понимаю. Но вы не один будете принимать решение. На судне будет капитан. И люди, отвечающие за аппараты. Если они сочтут условия неприемлемыми, погружение не состоится.

— Я знаю.

— Тогда поговорим о другом. Вы сообщили матери, что собираетесь в Атлантику?

Андрей покачал головой.

— Пока не было о чём говорить. Теперь придётся.

Он посмотрел на экран. Среди тысяч квадратных километров открытого океана выделялся небольшой прямоугольник. Внутри него находилась точка, вычисленная по записям человека, жившего в эпоху парусников и первых океанографических экспедиций. Рядом проходили линии, оставленные советскими исследователями через столетие после Мореля.

Всё это ещё могло оказаться совпадением. Но теперь у исследователей был район, где они могли проверить свои предположения.

Андрей сохранил расчёты и закрыл компьютер.

Если всё сложится удачно, вскоре ему предстояло увидеть эту область океана не на карте. Глубина океана под килем исследовательского судна превысит три тысячи метров, а где-то внизу, среди подводных гор, возможно, сохранились следы исчезнувшей экспедиции.

***

К матери он приехал в начале восьмого. В прихожей стояла стремянка, на газете лежали отвёртка и несколько винтов. Мать пыталась укрепить карниз, крепление которого вырвало из стены кусок штукатурки.

— Сними пальто и подержи, — сказала она. — Я уже полчаса воюю с этой железкой.

Андрей принёс из кладовой дрель, нашёл подходящие дюбели и закрепил карниз. Через четверть часа он спустился со стремянки и стал вытирать с рук белую пыль.

— Мам, у меня к тебе разговор.

— Вижу. Ты сегодня даже про ужин не спросил.

Он рассказал ей о старой рукописи, о предложении Корнева и о том, что поиски, вероятно, будут продолжены в океане. Мать слушала, стоя у окна. Когда он закончил, она молча собрала инструменты.

— На сколько месяцев?

— Пока не знаю. Мы ещё не согласовали программу.

— А если ничего не найдёте?

— Вернусь и буду искать другие документы.

— А если найдёте?

На этот вопрос Андрей ответил не сразу.

— Тогда всё будет зависеть от того, что именно мы обнаружим.

Мать подошла к шкафу и достала небольшую папку. В ней хранились документы, связанные с исчезновением Константина. Андрей видел некоторые из них в детстве, хотя тогда не понимал их содержания. Теперь он прочёл первую страницу — ответ на запрос о продлении поисковых работ.

— Это мне прислали зимой, — сказала мать. — Я писала им ещё несколько раз. Потом перестала. Понимаешь, мне ведь нужно было тебя растить. Я не могла каждое утро ходить на почту в ожидании ответа.

— Понимаю.

— Не думаю. Но ты уже взрослый и сам решаешь, куда тебе ехать.

Она перебрала бумаги, нашла лист с фамилиями и телефонными номерами, записанными выцветшими чернилами.

— Здесь родственники некоторых людей с «Альционы». Не знаю, кто ещё жив и кто где теперь. Мы поначалу созванивались. Если твоя экспедиция состоится, может быть, кто-нибудь из них захочет об этом узнать.

Андрей взял лист. Он до сих пор не думал о том, как сообщит другим семьям о полученном письме, если его подлинность подтвердится. За каждой фамилией в списке стояла своя история, о которой он знал так мало.

— Можно я сниму копию?

— Забирай. У меня есть ещё одна.

Уходя, Андрей положил список в папку с копиями архивных документов. На следующей встрече с Корневым он намеревался поговорить не только о поисковой съёмке и стоимости рейса.

На дне океана они могли найти сооружение, способное изменить представления людей об истории человечества. Но прежде всего Андрей хотел узнать, что случилось с теми двадцатью четырьмя людьми, которые уже однажды отправились туда за ответами.

Глава 7. Команда «Пелагии»

Утром двадцать первого сентября над Финским заливом стоял густой туман. Из белой мглы доносились гудки буксиров. Вдоль причалов с приглушённым грохотом двигались портовые машины.

Андрей Зорин остановился перед трапом исследовательского судна «Пелагия».

До сих пор предстоящий рейс существовал для него лишь на бумаге. Теперь перед ним возвышалось судно, которому предстояло пройти тысячи морских миль и доставить экспедицию к месту исчезновения «Альционы».

— Зорин? — окликнул его незнакомый мужчина в тёмно-синей куртке.

— Да.

— Николай Лавров, капитан. Поднимайтесь. Посмотрим, что вы задумали и по силам ли это нашему судну.

Николай Иванович принадлежал к той породе моряков, у которых трудно определить возраст по лицу, но достаточно взглянуть на руки, чтобы понять, сколько лет они провели в море. Ему было пятьдесят четыре года, из них тридцать он отдал морской службе. В молодости ходил на грузовых судах, затем работал в высоких широтах, а последние одиннадцать лет занимался преимущественно научными рейсами. В его послужном списке имелось немало экспедиций, участники которых надеялись на благоприятное стечение обстоятельств, тогда как капитану приходилось готовиться к весьма неблагоприятному.

— Ваш профессор уже на борту, — сообщил Лавров, пропустив Андрея вперёд. — Прибыл на сорок минут раньше назначенного срока. Хотел осмотреть библиотеку. Пришлось объяснить, что вся наша библиотека умещается в двух шкафах кают-компании.

— И что он сказал?

— Что привезёт свою.

Длина «Пелагии» составляла восемьдесят шесть метров. Просторная рабочая палуба в корме напоминала небольшую заводскую площадку. Над нею возвышалась П-образная спусковая рама, позволявшая выносить за борт многотонные грузы. Вдоль одного борта располагались лебёдки и контейнеры с оборудованием, вдоль другого — места, подготовленные для крепления приборов, которые ещё предстояло принять на судно. Между ними сновали рабочие. Из глубины корпуса доносился равномерный гул вентиляции.

— На полном ходу даём около четырнадцати узлов, — сказал Лавров. — Но переход рассчитывайте на одиннадцать с половиной. Топливо нам понадобится не только в пути. Когда работаем с аппаратом, система динамического позиционирования может целыми сутками удерживать судно в заданном районе. Движители компенсируют ветер и течение, генераторы питают и их, и ваши приборы. Некоторые учёные полагают, что стоять в океане дешевле, чем идти. Увы, океан не предоставляет нам бесплатной стоянки.

Они поднялись на мостик. Сквозь широкие стёкла виднелись серые силуэты портовых сооружений. Андрей заметил, что наряду с электронными картами здесь пользовались и бумажными: на штурманском столе лежала карта Балтийского моря, прижатая линейкой.

— Сколько человек будет на борту?

— По предварительному списку тридцать четыре человека, считая экипаж, специалистов по аппаратам и научную группу. Окончательный состав определим после медицинского допуска и оформления документов. Запасы рассчитываем на семь недель, с резервом, но в пути может понадобиться заход в порт. И вот ещё что: при угрозе шторма никаких споров о продолжении погружения не будет. Прервём работы заблаговременно, чтобы успеть поднять аппарат, пока позволяют условия. Если погода застанет нас врасплох, будем действовать по аварийному плану.

— Мы с Корневым это уже согласовали.

— Прекрасно. А теперь объясните, что вы ищете. В присланной программе говорится о неизвестном объекте на глубине трёх тысяч двухсот метров. Я двадцать минут изучал её и так и не понял, идёт ли речь о затонувшем судне или о какой-нибудь горе.

— О сооружении, которое может оказаться искусственным. И о пропавшем глубоководном аппарате.

Лавров отложил карандаш.

— «Скат»?

Андрей удивлённо взглянул на него.

— Вы слышали о нём?

— Читал историю «Альционы». Мне прислали материалы вместе с вашей программой. В море такие вещи запоминаются. Особенно когда исчезают люди, а судно остаётся на плаву.

Он свернул карту Балтики и взглянул на экран, где можно было вывести схему будущего перехода.

— Что ж, посмотрим. В девять совещание. Не обещаю, что все будут согласны с вами.

— Я на это и не рассчитываю.

— Вот и хорошо. Хуже всего на корабле люди, которые соглашаются до того, как поняли задачу.

***

В кают-компании Андрея ожидали пять человек. Бессонов сидел у окна, разложив на столе папки, и безуспешно пытался найти для тарелки с бутербродами место среди бумаг. Рядом с ним Корнев разговаривал по телефону. У противоположной стены женщина в светлом свитере изучала распечатку батиметрической карты.

— Андрей Константинович, познакомьтесь, — сказал Корнев, закончив разговор. — Екатерина Олеговна Сафронова, океанограф. Денис Игоревич Кузнецов, инженер. Евгений Борисович Крылов, геофизик. Все ознакомились с предварительной программой.

Сафронова подняла глаза от карты. Ей было тридцать пять лет. За плечами у неё имелось несколько длительных рейсов в Северной Атлантике и Индийском океане. Андрей позднее узнал, что на берегу она с трудом переносила многочасовые совещания, зато в море могла провести ночь у приборов, если наблюдения обещали интересный результат.

— Это вы выделили прямоугольник двадцать на тридцать морских миль? — спросила она, едва успев поздороваться.

— Я.

— По каким данным проведена восточная граница?

Андрей поставил портфель возле стула и объяснил, как сопоставлял координаты Мореля, пересчитанные к Гринвичскому меридиану, с советскими эхолотными профилями. Екатерина выслушала его и развернула карту так, чтобы обоим было удобно её рассматривать.

— В таком случае предлагаю начать отсюда, с южной части. Видите ложбину между двумя возвышенностями? На такой глубине даже многолучевой эхолот не покажет мелких деталей, особенно на крутых склонах. Кроме того, придонные течения в ложбине могут заметно отличаться от течений над соседними равнинами.

— У вас есть измерения непосредственно в этой ложбине?

— Нет. Только данные по более широкому району. Поэтому я и предлагаю начать с разведки, а не спускать аппарат прямо к вашей точке.

— Сколько времени займёт разведка?

— Если погода позволит, в первые сутки начнём многолучевую съёмку и проведём гидрологическую станцию. Измерим температуру, солёность и давление на разных горизонтах, рассчитаем профиль скорости звука. От него зависят и глубины на карте, и точность акусти-

ческой навигации. Без поправок ваша карта может выглядеть убедительно, но ввести нас в заблуждение.

— А если я скажу, что нас интересует не только рельеф, но и магнитная аномалия?

— Тогда спрошу Евгения Борисовича, как он намерен отделить её от магнитного поля самого судна.

Крылов, до сих пор молча очищавший мандарин, положил кожуру на блюдце. Это был широкоплечий человек сорока четырёх лет с короткими, уже тронутыми сединой волосами. Перед ним лежала толстая тетрадь, исписанная мелким почерком.

— Буксируемый магнитометр отведём на достаточное расстояние от стального корпуса. Проверим влияние судового оборудования, запишем режимы его работы. Проведём контрольные галсы в противоположных направлениях. Но меня больше беспокоит ваш период в восемьдесят четыре секунды. Я видел архивные графики. Вы уверены, что это не помеха от какой-нибудь судовой установки?

— Нет, — ответил Андрей. — Именно поэтому мы хотим повторить измерения.

— Хорошо. Я не люблю экспедиции, которые заранее знают, что обнаружат.

— А я не люблю экспедиции, которые заранее знают, что ничего не обнаружат, — вмешался Бессонов.

Крылов усмехнулся.

— Тогда у нас прекрасные шансы договориться, профессор.

Андрей открыл ноутбук. На экране появилась фотография огромного кольца, полученная в сентябрьской посылке. Он рассказал о документах «Альционы», результатах лабораторного исследования пластины и записях Жюля Мореля. Личные подробности письма опустил, но не скрыл, что его отец числился среди пропавших.

Кузнецов, сидевший ближе всех к экрану, попросил увеличить снимок.

— Есть масштаб?

— В кадре видна часть манипулятора, но это даёт лишь грубое представление о масштабе. Мы не знаем ни расстояния от камеры до кольца, ни характеристик объектива.

— Тогда пока не будем спорить о размерах. Если эта штука стоит вертикально, понадобятся проходы вдоль неё на нескольких горизонтах. И я бы не советовал заводить аппарат с кабелем внутрь кольца.

— Почему? — спросил Корнев.

— Потому что кабель может зацепиться за выступ. Если потянуть его силой, можно потерять аппарат и повредить сам объект. Для начала будем держаться снаружи.

Денису Кузнецову было тридцать восемь лет. Он не обладал ни внушительной внешностью капитана, ни обстоятельностью Бессонова. Худощавый, подвижный, с привычкой чертить схемы на всём, что попадалось под руку, он казался человеком, которому гораздо легче разобрать сложный механизм, чем объяснить заказчику, почему этого не следует делать.

— Пойдёмте, — сказал он Андрею. — Покажу, чем мы располагаем. А то вы сейчас нарисуете программу, а мне потом придётся объяснять машине, что она обязана её выполнить.

***

В кормовом ангаре стоял телеуправляемый аппарат, который Андрей уже видел в мастерской Корнева. Его металлическая рама была закреплена на транспортной платформе; рядом лежали запасные кабели и ящики с деталями. На передней части рамы находились камеры, светильники и гидролокатор ближнего обзора. Два сложенных манипулятора придавали машине отдалённое сходство с огромным морским ракообразным.

— Рабочая глубина четыре тысячи метров, — пояснил Денис. — На трёх тысячах двухстах внешнее давление составит примерно тридцать два мегапаскаля, то есть около трёхсот двадцати бар. Электронику держим в прочных герметичных корпусах, часть оборудования работает в масле с компенсацией давления. Вода там холодная. Материалы и уплотнения, которые

на палубе ведут себя безупречно, при таком давлении и температуре иногда преподносят сюрпризы.

— Сколько времени потребуется для спуска?

— Зависит от условий. При средней скорости спуска около метра в секунду сам путь до дна займёт пятьдесят три минуты. Но есть спуск за борт, прохождение верхнего слоя воды, проверки на промежуточных горизонтах. Закладывайте больше. И подъём тоже займёт время: если что-нибудь случится на дне, аппарат не появится на поверхности через пять минут.

Кузнецов снял защитный колпачок с одного из разъёмов, осмотрел уплотнение и снова надел колпачок.

— Главная наша забота — кабель. По нему передаётся питание, а по волоконно-оптической линии — команды, телеметрия и видео. Система управления кабелем вблизи аппарата позволяет уменьшить влияние длинной магистрали, но чудес не творит. В сильном течении приходится учитывать всю толщу воды, а не только скорость потока у дна.

— Корнев говорил об обитаемом аппарате.

— Такой вариант действительно готовится. Трёхместная машина, рассчитанная на глубину до четырёх с половиной тысяч метров. Пока она на береговой базе. Специалисты заканчивают освидетельствование, а мы проверяем совместимость спускоподъёмного комплекса. До выхода должны подтвердить готовность аппарата, пилотов и средств аварийного обеспечения. Если всё будет в порядке, возьмём её на борт. Но первый спуск к неизвестному объекту должен быть беспилотным.

— Согласен.

— Запомню. Обычно через неделю после такого разговора научный руководитель просит взять его в аппарат, потому что на видеозаписи не удаётся разобрать какую-нибудь надпись.

Андрей улыбнулся.

— В таком случае напомните мне об этом разговоре.

Из соседнего помещения послышался женский голос:

— Денис, ты обещал убрать ящик из прохода ещё вчера!

— Он не мешает.

— Пока никто не идёт с носилками, действительно не мешает.

Кузнецов оглянулся на Андрея.

— А вот и наш врач. С ней лучше встречаться за обедом, чем в медпункте.

В ангар вошла молодая женщина в рабочем комбинезоне. Она несла планшет и связку ключей.

— Анастасия Викторовна Попова, — представилась она. — Врач экспедиции. У меня есть и подготовка по морской биологии, так что буду заниматься ещё и пробами. Вы Зорин? Мне нужны ваши медицинские документы. Одной анкеты, в которой вы написали, что абсолютно здоровы, недостаточно. Если собираетесь погружаться в обитаемом аппарате, понадобится отдельный допуск.

— Передам сегодня.

— Хорошо. И предупредите Владимира Петровича, что я жду его в медпункте. Он дважды обещал прийти и оба раза исчезал с книгой.

Денис подхватил ящик и перенёс его к стене.

— Довольна?

— Когда закрепишь, буду довольна.

Андрей спросил Анастасию, зачем в поисковой экспедиции биолог. Та объяснила, что состав и состояние организмов, поселившихся на поверхности предполагаемого сооружения, могут многое рассказать об окружающей среде. Однако возраст коралла или губки нельзя принять за возраст камня, на котором они выросли: организм мог поселиться на нём гораздо позд-

нее. Особенно её интересовали возможные источники тепла и участки с необычным химическим составом воды.

— Если там есть действующее оборудование, — добавила она, — его влияние может проявиться в составе и распределении живых организмов. Мне нужны пробы с разных участков, в том числе контрольные, вдали от предполагаемого источника. Иначе сравнивать будет не с чем.

— Включим в программу.

— Вот теперь можете заниматься своими кольцами. Только не забудьте про анкету.

***

После обеда Кузнецов устроил проверку системы управления аппаратом. Для этой части испытаний выходить в море не требовалось: стенд позволял имитировать работу некоторых датчиков и отказ отдельных каналов связи. Андрей и Екатерина расположились в операторской, где перед ними находились четыре больших экрана. На одном отображалось изображение с камеры, направленной на стену ангара, на другом — схема аппарата и данные датчиков.

Денис передал команды помощнику у машины и запустил тест. Вентиляторы в стойке оборудования загудели. Несколько индикаторов на экране загорелись зелёным. Затем изображение внезапно застыло.

— Что случилось? — спросил Андрей.

— Сейчас узнаем.

Кузнецов не стал перезапускать систему. Он открыл журнал событий, убедился, что телеметрия продолжает поступать, и попросил помощника закрыть объектив камеры рукой. На экране по-прежнему виднелась стена ангара.

— Питание есть. Телеметрия приходит. Потеряли только видео.

Через несколько минут выяснилось, что неполадка возникла при переключении испытательного оборудования на резервный канал передачи данных. Телеметрия продолжала поступать, но видеопоток не восстановился автоматически. Денис записал замечание и поручил проверить программное обеспечение, устранить сбой и повторить весь цикл испытаний до выхода в море.

— А если это произойдёт на дне? — спросил Зорин.

— Прекратим работу манипуляторов и остановим продвижение к объекту. Если изображение не восстановится, будем отходить на безопасное расстояние по гидролокатору и другим исправным приборам, а затем поднимем аппарат. Управлять манипулятором возле незнакомого сооружения без изображения я не стану.

Екатерина придвинулась к экрану.

— Как часто будет обновляться положение аппарата при работе акустической навигации на такой глубине?

Денис открыл настройки и показал ей расчётные параметры. Они заговорили о задержке акустического сигнала, поправках на скорость звука и о том, как совместить результаты измерений, выполненных с разных платформ. Андрей слушал их с некоторой завистью. Исторические сведения, которыми он располагал, накапливались более столетия, а определить их погрешность было почти невозможно. Здесь же два человека обсуждали точность, которую можно было выразить в метрах.

— Знаете, — сказал он, когда они вышли на палубу, — я, кажется, впервые рад тому, что у нас столько трудностей.

Екатерина посмотрела на него с удивлением.

— Странный повод для радости.

— Ещё недавно я вообще не знал, с чего начать. Теперь хотя бы понятно, какие задачи нужно решать.

— Вы всерьёз называете этот объект Атлантидой?

— Пока это рабочее название. Не доказательство.

— Тогда договоримся. Если мы найдём на дне обыкновенную гору, вы не будете уговаривать меня назвать её дворцом?

— Если вы не станете называть дворец горой.

— По рукам.

Она протянула ему руку. Андрей пожал её, и Екатерина тут же вернулась к обсуждению карты. Он поймал себя на том, что впервые за последние две недели сумел на несколько минут забыть о письме отца. Ему нравилось, что Сафронова не старалась ни ободрить его, ни убедить в невозможности поисков. Она просто разбиралась в задаче.

У борта они остановились. Туман рассеялся, и на противоположной стороне гавани проступили очертания кранов. Екатерина рассказала, что выросла в небольшом городе далеко от моря и впервые вышла в океан в двадцать два года, во время студенческой практики.

— И сразу решили остаться?

— В первый день я решила, что больше никогда не ступлю на судно. Меня так укачало, что я прокляла и океан, и собственную специальность. На третий день привыкла. А через месяц уже не хотела возвращаться.

— У меня всё было наоборот. Море я видел с детства. Но долго не мог понять, почему отец предпочитал проводить там столько времени.

— А теперь понимаете?

Андрей посмотрел на воду.

— Отчасти.

Екатерина не стала задавать следующего вопроса. Из ангара их позвал Кузнецов, и они вернулись к работе.

***

Вечером, когда основные вопросы были обсуждены, Лавров собрал научную группу в кают-компании. Корнев присоединился к ним с папкой документов. За день стало ясно, что экспедиция технически осуществима, хотя предстояло ещё немало согласований. Представители института уже одобрили участие Андрея в подготовке рейса, но окончательный договор ожидал подписей. Сотрудники Корнева уточняли порядок уведомлений и разрешений, необходимых для работ в намеченном районе.

— Семь недель — наш предел по первоначальному графику, — сказал капитан. — Из Петербурга до района поиска, с учётом пути через Балтику, проливы и Атлантику, потребуется ориентировочно двенадцать-тринадцать суток при нормальных условиях. Примерно столько же на обратный переход. Остаётся около трёх недель, включая резерв на плохую погоду. Поэтому мне нужен порядок работ, а не перечень желаний.

Сафронова разложила перед ним карту. Первые галсы намечались вдоль вытянутой подводной ложбины. Крылов добавил схему магнитных наблюдений: при необходимости их предстояло вести отдельно от эхолотной съёмки. Андрей обозначил участки, которые следовало обследовать при обнаружении объектов, напоминающих сооружения. Бессонов предложил составить каталог известных знаков и изображений для сравнения с будущими находками, чтобы не пытаться расшифровывать их непосредственно во время погружения.

— Хорошо, — сказал Лавров. — А теперь о времени и связи. Все рабочие журналы ведём по всемирному координированному времени, UTC. Сверяем часы приборов, проверяем их расхождение. Если обнаружите что-нибудь необычное, записывайте не только сам факт, но и время, положение судна или аппарата, режим оборудования и условия наблюдения. Я не хочу потом выяснять, что в одной лаборатории был вторник, а в другой ещё понедельник.

Крылов одобрительно кивнул.

— И исходные данные не заменяем обработанными. Храним обе версии, делаем резервные копии.

— Именно. Что касается людей, — продолжал капитан, — никто не выходит на рабочую палубу во время спусковых операций без разрешения руководителя работ. До выхода каждый должен знать своё место по тревоге. В начале рейса проведём учения.

Корнев положил на стол документы.

— Я готов подтвердить финансирование рейса. Осталось завершить оформление, принять оборудование и согласовать дату выхода. Кстати, Андрей Константинович, независимая лаборатория получила предварительные результаты по вашей пластине. Они подтверждают, что магнитный отклик требует дальнейшего изучения. Подробный отчёт обещают позже.

В минувшую пятницу Андрей сам отвёз пластину на повторное исследование, а утром получил уведомление о её возвращении в институт. Теперь она хранилась в опечатанном контейнере в запертом шкафу лаборатории. Он намеревался забрать её, как только получит экземпляр нового заключения.

— Мне тоже пришло сообщение, — ответил он. — Я попрошу специалистов изложить результаты для всей научной группы.

— До выхода нам надо решить, брать ли пластину с собой, — добавил он.

— Разве это не очевидно? — спросил Корнев. — Если предмет связан с источником сигнала, его присутствие на борту может оказаться полезным.

— А может помешать наблюдениям, — возразил Крылов. — Мы ещё не знаем, как она реагирует на оборудование судна. Нужен отдельный протокол хранения и испытаний. До этого никаких опытов на борту.

— Составьте, — сказал Корнев. — Не вижу причин оставлять на берегу единственную вещь, которая, возможно, имеет прямое отношение к нашей находке.

Андрей не ответил. Он вспомнил предупреждение отца. Ещё несколько дней назад ему казалось естественным взять пластину в океан. Теперь, после разговора с людьми, которым предстояло отправиться вместе с ним, он понимал, что такое решение нельзя принимать единолично.

— Есть ещё один вопрос, — сказал Андрей. — В списке, который передала мне мать, несколько семей пропавших моряков. Я хотел бы известить их о рейсе. Без координат и без обещаний, которых мы не можем выполнить.

— Конечно, — ответил Лавров. — Но пусть они знают, что это научная экспедиция, а не спасательная операция. Через столько лет разница особенно важна.

— Именно так я и собирался объяснить.

Крылов перелистнул тетрадь.

— В материалах восемьдесят шестого года есть фамилия Берестова. Он ведь тоже был на «Альционе»?

— Да. Роман Берестов, геофизик.

— Его работы я читал ещё студентом. Он очень толково писал о помехах при магнитной съёмке. Мне было бы интересно найти оригиналы его наблюдений, а не только те графики, которые уцелели в архиве.

Андрей взглянул на Крылова. До этой минуты ему казалось, что лишь у них с Бессоновым были личные причины интересоваться людьми с исчезнувшего судна. Теперь он понял, что у каждого участника могли быть свои основания отправиться в этот рейс.

Капитан закрыл папку с программой.

— Значит, работаем. Завтра продолжим проверку оборудования. Через несколько дней, если не возникнет задержек, будем готовы к выходу.

Бессонов собрал со стола бумаги.

— Николай Иванович, а где я могу разместить книги?

— Владимир Петрович, сколько их у вас?

— Пока восемнадцать.

— Пока?

— Остальные, думаю, возьму в электронном виде.

Лавров посмотрел на профессора с таким выражением, что даже Корнев рассмеялся.

— Хорошо. Но если понадобится выбирать между вашими книгами и запасом питьевой воды, я оставлю воду.

***

Андрей покинул «Пелагию» вместе с Екатериной. У проходной они обменялись номерами телефонов и договорились на следующий день закончить расчёты. Сафронова отправилась к автобусной остановке, а Зорин остался ждать такси.

В кармане у него лежал список участников научной группы. Ещё утром он видел в нём только фамилии, присланные Корневым. Теперь за каждой стоял человек, с которым предстояло разделить тесное пространство судна, долгие часы ожидания и, возможно, опасности, о которых Андрей пока не имел ясного представления.

Он достал телефон и написал матери, что познакомился с капитаном и экспедиция, по всей вероятности, состоится. Ответ пришёл почти сразу: «Только не забудь тёплые вещи. В шкафу у тебя ещё есть отцовский свитер».

Андрей убрал телефон. На другой стороне улицы, у ограды порта, стояла серая машина. Ему показалось, что водитель следит за выходящими из проходной людьми, но через минуту тот отвернулся и заговорил по телефону. Зорин не придал этому значения: водитель мог просто ждать кого-нибудь из работников порта.

Подъехало такси. Андрей сел на заднее сиденье и ещё раз взглянул на судно, видневшееся между складскими зданиями. На корме зажглись прожекторы, освещая спусковую раму и рабочую палубу. Там ещё не закончили работу.

Он подумал о том, как много людей требуется, чтобы один человек смог заглянуть на дно океана. В 1987 году двадцать четыре участника другой экспедиции тоже готовили приборы, проверяли запасы и обсуждали будущие исследования. Вероятно, они так же спорили о погоде и сроках, шутили и обещали родным вернуться к определённому числу.

Андрей не знал, что помешало им сдержать эти обещания. Но теперь у него были судно и команда, с которой он мог начать поиски.

До выхода в океан оставалось совсем немного времени.

Глава 8. Незваные наблюдатели

Во вторник, двадцать второго сентября, Андрей Зорин приехал в институт раньше обычного. До выхода «Пелагии» в море оставалось четыре дня, а список незавершённых дел, вопреки всем его усилиям, становился всё длиннее.

У дверей лаборатории он встретил Ирину Лебедеву.

— Хорошо, что вы пришли, Андрей Константинович. Вчера вечером у нас побывал один любопытный посетитель.

— Кто?

— Интересовался вашим металлическим образцом. Причём знал о нём гораздо больше, чем я ожидала от постороннего человека.

Лебедева отперла дверь лаборатории. На одном столе стояли приборы под чехлами, на другом лежали образцы сплавов, подготовленные для очередного исследования. У окна остывала чашка кофе.

— Он представился сотрудником исследовательского центра «Пелорус», — продолжала Ирина. — Сказал, что они разрабатывают материалы для глубоководной техники. Предъявил визитку и попросил показать образец, который нам вчера вернули после независимой экспертизы.

— Вы ему что-нибудь показали?

— Разумеется, нет. Я попросила прислать официальный запрос. Тогда он заговорил о двух окружностях на поверхности пластины. Вот это мне уже не понравилось.

Андрей взял протянутую ему визитную карточку. На плотной белой бумаге были напечатаны название центра, телефон, адрес электронной почты и имя — Виктор Сергеевич Мальцев. Ни название центра, ни фамилия Мальцева не были ему знакомы.

— Откуда он мог узнать о рисунке?

— Мог узнать в лаборатории, которая проводила повторную экспертизу, или от кого-нибудь из участников вашей экспедиции. Сколько человек вообще видели фотографию пластины?

Зорин попытался сосчитать. За минувшие две недели снимок видели профессор, специалисты двух лабораторий и несколько человек, с которыми Андрей обсуждал подготовку экспедиции. К тому же фотография понадобилась для сравнения с рисунком в рукописи Мореля. Круг осведомлённых оказался куда шире, чем ему хотелось бы.

— Больше, чем хотелось бы, — признался он. — Где пластина?

Лебедева достала из запертого шкафа опечатанный контейнер. Они сверили номер пломбы с записью в журнале, после чего Андрей расписался в получении образца. Вместе с контейнером ему передали заключение независимой лаборатории.

— Ничего принципиально нового, — пояснила Ирина. — Подтвердили неоднородность внутренней структуры и необычный магнитный отклик. Но установить, как изготовлен предмет, пока не удалось.

— Мальцев спрашивал о результатах измерений?

— О магнитных свойствах. О возрасте образца. И о том, имеются ли у нас другие изделия из такого же материала.

— А когда понял, что ничего не получит?

— Оставил карточку и ушёл. Вполне вежливо. Если бы он требовал или угрожал, мне было бы гораздо легче решить, что о нём думать.

Андрей спрятал карточку в записную книжку. Лебедева попросила известить её, если незнакомец объявится снова, и вернулась к работе.

В своём кабинете Зорин отыскал сайт «Пелоруса». Судя по опубликованным сведениям, центр существовал уже девять лет и выполнял океанографические исследования по заказам промышленных компаний. В перечне проектов значились испытания подводных приборов, геофизические работы и обследование трасс подводных кабелей. Среди сотрудников Андрей нашёл и Виктора Мальцева, руководителя направления научного сотрудничества.

Особое внимание Зорина привлекло сообщение о рейсе исследовательского судна «Таласса». Зафрахтованное «Пелорусом» судно летом проводило магнитную съёмку в Северной Атлантике. Район работ был обозначен на обзорной схеме весьма приблизительно. Ни в одном из открытых отчётов не упоминались ни «Альциона», ни необычные сооружения на дне.

Зорин позвонил профессору Бессонову.

— Владимир Петрович, вам известно название «Пелорус»?

— Где-то слышал. Кажется, они заказывали у наших геологов консультации. А что случилось?

Андрей рассказал о вчерашнем визите.

— Сам по себе интерес к металлу ещё не повод для подозрений, — заметил профессор. — Свойства вашей находки способны заинтересовать любого инженера. Другой вопрос, откуда они о ней узнали.

— Вот именно.

— Поговорите с Корневым. В этой отрасли люди знают друг друга гораздо лучше, чем мы с вами.

— Поговорю. Только сначала хочу узнать кое-что у самого Мальцева.

***

Андрей позвонил по номеру с визитки, и в тот же день они встретились в небольшом кафе неподалёку от института. Мальцев пришёл вовремя, положил на стол телефон и заказал минеральную воду. Это был мужчина лет сорока пяти, с обветренным лицом и коротко остриженными волосами. На костяшках его пальцев виднелись старые ссадины. Зорин подумал, что собеседнику, вероятно, доводилось работать не только в кабинетах.

— Благодарю, что согласились встретиться, — начал Мальцев. — И простите за вчерашний визит. Мне сказали, что образец уже вернулся к вам. Я оказался поблизости и решил не ждать переписки.

— Кто вам сказал?

— У нас есть общие знакомые в научных кругах. Сами понимаете, насколько тесен этот мир.

— Понимаю. Поэтому и хотел бы узнать имя нашего общего знакомого.

Мальцев улыбнулся.

— Не уверен, что вправе его назвать. Но цель моего обращения вполне ясна: мы хотели бы исследовать ваш образец. За наш счёт, разумеется.

— Он уже исследован в двух лабораториях.

— У нас другое оборудование. Нас интересует не только состав материала, но и его поведение при высоком гидростатическом давлении. В испытательной камере мы можем создать около шестидесяти мегапаскалей. Это примерно соответствует глубине шести тысяч метров.

— С чего вы взяли, что образец имеет отношение к морским глубинам?

Мальцев отпил воды.

— Вы морской археолог. Мне известно, что в последнее время вы интересовались материалами исследований Северной Атлантики. Было бы странно предположить, что предмет попал к вам при раскопках какого-нибудь кургана.

— Почему же? Археологам приносят на экспертизу самые разные вещи.

— Конечно. Но в данном случае, насколько мне известно, речь идёт о материалах экспедиции «Альционы».

Андрей отодвинул чашку.

— Теперь мне тем более интересно, кто сообщил вам эти сведения.

— Андрей Константинович, мы занимаемся океаном не первый год. История «Альционы» известна многим специалистам. И мы не считаем, что любой необычный предмет, связанный с тем районом, непременно имеет археологическое происхождение.

— А каково, по-вашему, его происхождение?

— Это и предстоит установить.

Оба ненадолго замолчали. За окном прогрохотал трамвай. Когда шум стих, Мальцев достал из портфеля несколько листов и подвинул их к Андрею.

— Вот предложение о сотрудничестве. Если не желаете расставаться с предметом, можете присутствовать при испытаниях. Условия опытов согласуем заранее. Если же образец не представляет для вас самостоятельной научной ценности, мы готовы обсудить его приобретение. При условии, конечно, что вы вправе им распоряжаться.

— Он не продаётся.

— Вы даже не спросили о сумме.

— Потому что она ничего не изменит.

Мальцев не стал настаивать. Он убрал бумаги в портфель, оставив Андрею один экземпляр предложения.

— Насколько я понимаю, вы готовите собственный рейс. У нас имеется опыт работ в Атлантике. Возможно, мы могли бы избавить вас от некоторых напрасных усилий.

— Например?

— Глубоководная съёмка обходится дорого. Если искать объект по сведениям сорокалетней давности, можно провести в море месяц и вернуться с прекрасными картами пустого дна. У нас есть более свежие наблюдения.

— Готовы поделиться ими?

— В рамках соглашения.

— В обмен на пластину?

— Не обязательно на саму пластину. На доступ к ней.

Андрей поднялся.

— Я передам ваше предложение коллегам. Но без согласования с ними никаких новых испытаний не будет.

— Ваше право. Только учтите: вы не единственные, кто интересуется этим районом океана. Другие исследователи тоже могут там оказаться.

— Это мне известно.

Мальцев пожал ему руку и остался за столом. Уже на улице Зорин вспомнил, что собеседник ни разу не произнёс слова «Атлантида». Впрочем, если его интересовали прежде всего свойства материала, удивляться было нечему.

***

В полдень следующего дня Андрей встретился с Корневым на борту «Пелагии». Предприниматель выслушал рассказ о Мальцеве, внимательно прочёл оставленное им предложение и вернул бумаги Зорину.

— С «Пелорусом» я знаком, — сказал он. — Мы однажды участвовали в одном и том же конкурсе на разработку подводной аппаратуры. У них серьёзное финансирование и хорошие специалисты. Работать умеют, но результатами делятся неохотно.

— Вы передавали им сведения о пластине?

— Нет. А почему вы спрашиваете именно меня?

— Потому что ваши сотрудники помогали организовать повторную экспертизу.

Корнев несколько секунд смотрел на Андрея, затем достал телефон.

— Хорошо. Сейчас попрошу выяснить, кому направляли материалы.

Он позвонил помощнику и поручил проверить, кто получал документы по проекту. Закончив разговор, предприниматель подошёл к иллюминатору. На причале кран поднимал очередной контейнер, а матросы на палубе готовили место для его крепления.

— Если подтвердится, что кто-нибудь из моих людей передал закрытые сведения конкурентам, он будет отстранён от проекта. Но я бы на вашем месте не сводил всё к промышленному шпионажу. «Пелорус» давно интересуется глубоководными источниками энергии. Возможно, они просто сопоставили несколько фактов.

— Тогда почему Мальцев предложил купить предмет, не зная даже его назначения?

— Я тоже вкладывал деньги в опытные разработки, ещё не зная, где именно удастся их применить. Иногда выгоднее приобрести возможность исследования, чем потом платить за готовый результат. Хотя на вашем месте я не стал бы ничего продавать.

— Рад, что мы хотя бы в этом согласны.

Корнев усмехнулся.

— Не принимайте каждого, кто интересуется вашим металлом, за противника. Иначе первым в списке окажусь я.

— А разве вас не интересуют его свойства?

— Очень интересуют. Разница в том, что я предлагаю вам корабль, а Мальцев — испытательную установку. И пока мы оба не знаем, где искать источник этого материала.

— Возможно, у него есть сведения, которых нет у нас.

— Тем более следует выйти в море и получить собственные.

В кают-компании их ожидала Екатерина Сафронова. Она закончила обработку данных по предполагаемому району поиска и принесла расчёты продолжительности первых съёмочных галсов. Андрей показал ей сообщение о летнем рейсе «Талассы».

— Судя по схеме, они работали здесь, здесь и, вероятно, ещё западнее, — сказала Екатерина, указывая на экран. — Но масштаб слишком мелкий. Даже если они пересекли наш прямоугольник, по этому рисунку мы ничего не установим.

— Могли они зарегистрировать источник импульсов?

— Если источник работал в момент наблюдений, а сигнал превышал уровень помех. Мы не знаем ни величины магнитного поля у источника, ни того, на каком расстоянии его ещё можно зарегистрировать. Период в восемьдесят четыре секунды сам по себе ничего не гарантирует.

— Мальцев утверждает, что располагает свежими наблюдениями.

— Тогда пусть покажет хотя бы один профиль с датой, координатами и условиями измерений. Пока он предлагает вам не данные, а обещание их предоставить.

Андрей улыбнулся.

— Вы, кажется, не очень расположены к переговорам.

— Я расположена к результатам. К переговорам о результатах — несколько меньше.

Они закончили обсуждение программы и спустились в лабораторию, где Крылов проверял систему регистрации магнитных наблюдений. Андрей показал ему опечатанный контейнер с пластиной, привезённый для согласования условий хранения и перевозки.

— Держать её рядом с измерительной аппаратурой не стоит, — сказал геофизик. — Примем на борт перед выходом. Хранить будем отдельно, без самовольных экспериментов. Если понадобится исследование, сначала согласуем его с капитаном, проверим фон и запишем режим работы судового оборудования.

Андрей согласился. До отплытия он намеревался вернуть образец в институтское хранилище. Оригинал письма, возвращённый специалистами после исследования, и фотография из посылки тоже оставались в институте, в отдельном сейфе.

Когда они с Екатериной вышли за проходную, на противоположной стороне улицы Андрей заметил серый автомобиль. В понедельник ему запомнилась вмятина на переднем крыле машины у ограды порта. На этой была такая же. За рулём сидел мужчина в кепке.

— Что вы там увидели? — спросила Екатерина.

— Кажется, эта машина стояла здесь позавчера.

— В порту полно машин, которые стоят здесь каждый день.

— Да. Но в понедельник мне показалось, что водитель наблюдает за проходной. Сейчас он тоже смотрит в нашу сторону.

Екатерина взглянула на автомобиль.

— Не будем подходить. Если машина вас беспокоит, сообщите охране. Пусть проверят.

Андрей записал номер автомобиля и передал его дежурному у проходной. Тот обещал сообщить начальнику смены. Автомобиль тем временем тронулся и скрылся за поворотом.

— Теперь поедем в институт, — сказал Андрей. — Мне нужно сдать образец и кое-что забрать.

— Подбросить вас? Я всё равно еду в ту сторону.

— Буду благодарен.

***

До института они добрались без приключений. Зорин сдал опечатанный контейнер ответственному за хранилище сотруднику, получил отметку в журнале и поднялся в кабинет. Екатерина осталась ждать его внизу: ей предстояло ещё одно дело на Васильевском острове.

Андрей собирался забрать распечатки и уехать через четверть часа. Однако, открыв дверь, он увидел на столе лист, которого там не оставлял. Это была копия заявки на исследование металлического образца, заполненной две недели назад. Он помнил, что убрал её в папку вместе с другими документами.

Он остановился у порога.

На первый взгляд всё было на месте: компьютер, книги, фотографии корабельного корпуса. Но верхний ящик стола оказался выдвинут, а одна из папок с архивными выписками лежала плашмя, хотя Андрей обычно ставил её вертикально между книгами.

Он не стал входить и позвонил дежурному администратору. Тот попросил его оставаться в коридоре и вызвал сотрудника охраны.

— Сегодня здесь кто-нибудь был? — спросил Зорин, когда администратор и охранник поднялись на этаж.

— Сейчас проверим. Вы дверь запирали?

— Да. У заведующего отделом имеется запасной ключ. Ещё один хранится у дежурного.

Охранник сообщил о происшествии начальнику смены и попросил проверить журнал выдачи ключей и записи камер. Андрей тем временем перечислил документы, которые могли находиться в кабинете. Оригиналы письма и снимка хранились отдельно, в институтском сейфе, а на столе он оставлял рабочие копии. Ни денег, ни ценных приборов здесь не было.

Минут через двадцать выяснилось, что заведующий отделом весь день отсутствовал, а выдача запасного ключа не была зарегистрирована. На записи с камеры в коридоре обнаружили мужчину, вышедшего из кабинета Зорина незадолго до его возвращения. Незнакомец нёс папку; лицо на записи различить не удалось. По журналу посетителей и записям у входа охрана установила, что человек пришёл в институт якобы на встречу с сотрудником другого подразделения. Тот подтвердил по телефону, что никакой встречи не назначал.

— Вы его узнаёте? — спросил охранник.

— Нет. А можете показать запись у выхода?

На записи из вестибюля незнакомец был виден лучше, хотя и здесь лицо оставалось неразличимым. Андрей заметил тёмную куртку и светлую полосу на сумке. По сложению муж-

чина не походил на Мальцева. Впрочем, ни подтвердить, ни исключить связь между ними по этим кадрам было невозможно.

Охраннику позвонили с поста у хранилища. Незадолго до возвращения Андрея посторонний пытался пройти туда, где находились лабораторные образцы. Дежурная не пропустила его, потребовав письменное разрешение. Посетитель сослался на поручение Зорина, но, когда сотрудница предложила позвонить Андрею, ушёл.

По её описанию, это мог быть тот же мужчина, которого видели на записи.

Андрей почувствовал, как у него похолодели руки. До этой минуты он ещё допускал, что кто-нибудь из коллег без спроса воспользовался его материалами. Теперь такое объяснение казалось всё менее убедительным.

— Проверьте, пожалуйста, хранилище, — попросил он.

— Уже проверяем. В кабинете пока ничего не трогайте. Полицию вызвали.

Зорин позвонил Екатерине и объяснил, почему задерживается. Она поднялась на этаж и застала его у окна.

— Пропало что-нибудь?

— Пока не знаю. Похоже, искали пластину.

— Она в хранилище?

— Да. Я сдал её перед тем, как подняться сюда. Когда приходил незнакомец, она ещё была у меня.

— Значит, он мог не знать, что вы увезли её на судно.

— Или рассчитывал, что я оставил её в лаборатории.

Когда прибывшие сотрудники полиции закончили осмотр кабинета, Андрей сверил оставшиеся бумаги со своим перечнем. Из кабинета исчезла одна папка с рабочими копиями: предварительными схемами района поиска, архивными выписками и фотографией металлического предмета. Уточнённых расчётов, выполненных после знакомства с рукописью Мореля, там не было. Проверка хранилища показала, что пломба контейнера цела, а оригиналы письма и фотографии лежат в сейфе.

Зорин вместе с представителем администрации составил перечень пропавших документов и подал заявление. Охрана сохранила записи камер и передала их полиции. После осмотра помещения администрация распорядилась заменить замок, проверить порядок выдачи ключей и ограничить доступ к рабочим материалам.

Когда они наконец вышли из здания, уже стемнело.

— Извините, — сказал Андрей. — Вы из-за меня потеряли весь вечер.

— Не весь. Пока ждала вас, успела отправить расчёты Лаврову. Остальное сделаю завтра.

Они остановились возле машины. Екатерина посмотрела на него.

— Вы ведь понимаете, что теперь необходимо сообщить обо всём капитану? Не только Корневу и профессору.

— Конечно.

— И не вздумайте разыскивать этого человека сами. Нам через несколько дней выходить в море. Не хватало ещё, чтобы научный руководитель угодил в больницу.

— Обещаю не заниматься сыском.

— Вот и отлично. С океаном нам и без того хватит работы.

Домой Андрей вернулся около десяти. На кухне он разложил перед собой список, полученный от матери, и принялся обзванивать родственников участников экспедиции. За два предыдущих вечера ему удалось связаться лишь с тремя семьями. Часть номеров давно изменилась, а один принадлежал теперь мастерской по ремонту холодильников.

На этот раз трубку взяла дочь Бориса Климова. Она была старше Андрея и хорошо помнила отца. Выслушав рассказ о готовящемся рейсе, женщина попросила не присылать ей никаких газетных статей.

— Я их уже столько прочитала, — объяснила она. — Если найдёте аппарат, позвоните. Даже если внутри ничего не будет. Мне больше ничего не нужно.

Андрей записал её новый номер. Ему хотелось рассказать о письме, однако он не решился. Сам он был готов отправиться в океан ради одной надежды. Но внушать такую надежду другим людям, не имея доказательств, не считал себя вправе.

Последним он набрал номер Аркадия Семёновича Гущина. Механик ответил сразу.

— Ну что, добились своего?

— Похоже, добился. Через несколько дней выходим. Хотел спросить: после нашей встречи к вам никто не обращался по поводу «Альционы»?

— Из газет, что ли?

— Нет. Из научных организаций.

— Не было никого. А в чём дело?

— Одни люди интересуются материалами старой экспедиции. Хотелось бы понять, откуда они о них узнали.

— Тогда вот что я вам скажу. Опись, которую вы у меня копировали, была не в одном экземпляре. Капитан нашего судна передал её вместе с остальными бумагами. Не думайте, что она все эти годы лежала только у меня в шкафу.

— Понимаю. Спасибо, Аркадий Семёнович.

— И если найдёте «Скат», не спешите поднимать. Почти сорок лет на дне — это вам не зимовка у причала. Сперва осмотрите его как следует.

Андрей пообещал передать совет специалистам. Положив трубку, он ещё раз просмотрел список. Даже редкие архивные документы могли сохраниться в копиях, о которых ни он, ни Бессонов не знали. Вопрос о том, кто сообщил «Пелорусу» об их работе, оставался открытым. Зато теперь Андрей яснее понимал, что похищенные бумаги были далеко не единственным путём к разгадке.

***

Наутро Лавров собрал участников экспедиции. Андрей рассказал о происшествии, особо подчеркнув, что доказательств причастности «Пелоруса» к исчезновению документов нет. Корнев сообщил, что пока не удалось установить, откуда Мальцев получил сведения. Копии материалов повторной экспертизы проходили через несколько организаций, и проверка ещё продолжалась.

— Я не могу запрещать другим судам ходить по Атлантике, — сказал капитан. — Но за порядок на своём судне отвечаю я. С сегодняшнего дня посетителей допускаем только по согласованным спискам. Оборудование принимаем с проверкой сопроводительных документов. Рабочие координаты посторонним не передаём, за исключением сведений, которые обязаны сообщать по закону или ради безопасности мореплавания.

— А образец? — спросил Крылов.

— Доставим на борт перед выходом, оформим передачу и выделим запираемый шкаф. Андрей Константинович, согласуйте с институтом условия хранения и перевозки. Крылов, вам поручаю приём образца.

Бессонов, до сих пор молчавший, снял очки.

— Я бы хотел обратить ваше внимание на одну вещь. Из кабинета исчезли бумаги, но незнакомец пытался попасть ещё и в хранилище. Если это был один и тот же человек, возможно, его интересовали вовсе не координаты.

— Почему? — спросила Анастасия Попова.

— Район поисков в конце концов можно определить по старым наблюдениям. А вот второго такого предмета мы пока не нашли.

Андрей вспомнил строки отцовского письма. Одних координат недостаточно. До сих пор он воспринимал это предупреждение как указание на какую-то трудность предстоящих поис-

ков. Теперь ему пришло в голову, что человек, написавший письмо, мог иметь в виду не только особенности океана.

— Предлагаю не менять программу, — сказал он. — Мы не знаем, что именно известно посторонним. Но район поиска мы определили, сопоставив несколько источников. Пока у нас нет оснований от него отказываться.

— И нет оснований торопиться в ущерб подготовке, — добавил Лавров. — Выходим, когда судно будет готово. Не раньше.

Совещание закончилось. Андрей остался с профессором в кают-компании. Бессонов достал из кармана сложенную распечатку. На ней значилось название «Таласса» и несколько сообщений о научных рейсах этого судна.

— Вот что мне удалось найти вчера вечером. Судно после летней экспедиции заходило в порт на Азорских островах. Последние опубликованные сведения о его научной программе относятся к августу. А вот чем оно занимается сейчас, установить не удалось.

— Думаете, они снова собираются в наш район?

— Не исключаю. Но мы слишком мало знаем, чтобы судить об их намерениях. Запомните название судна. Этого пока достаточно.

Андрей сложил распечатку и убрал её в папку. За иллюминатором рабочие увозили с причала пустые транспортные платформы. В кормовом ангаре испытывали аппаратуру, а из машинного отделения доносился гул генератора.

Ещё недавно Зорину казалось, что главными препятствиями на пути к разгадке будут расстояние, глубина и время. Теперь к ним прибавились интересы людей, о намерениях которых он знал не больше, чем о назначении двух окружностей на металлической пластине.

На этот раз тайна «Альционы» привлекла внимание не только историков.

И, судя по всему, не одна «Пелагия» намеревалась искать ответы в Атлантике.

Глава 9. Курс на неизвестность

Двадцать шестого сентября 2026 года, незадолго до рассвета, на борту «Пелагии» завершились последние приготовления к отплытию. Необходимые для рейса документы и допуски были оформлены, программа работ согласована.

В машинном отделении работали генераторы, на мостике проверяли навигационные приборы, а матросы готовились отдать швартовы. Петербург ещё не проснулся, укрытый холодным осенним туманом.

Андрей стоял у борта и смотрел на огни причала, тускневшие в предрассветных сумерках.

Тридцать девять лет назад его отец отправился в подобное путешествие.

Теперь настала очередь сына.

Накануне он простился с матерью. Она заставила его отнести к мусорным бакам старый стул, который давно собиралась выбросить, спросила, взял ли он лекарства от простуды, и только в прихожей, когда Андрей уже надел куртку, заговорила об экспедиции.

— Если увидишь что-нибудь его, привези. Не обязательно ценное. Хоть карандаш.

— Постараюсь, мама.

— А насчёт письма… Ты всё-таки не говори пока никому из наших, что это он написал. Я сама не знаю, во что верить.

Они расстались без долгих прощаний. Теперь Андрей достал телефон и отправил ей короткое сообщение. Ответ пришёл почти сразу: «Хорошей погоды. Позвони, когда сможешь».

С мостика скомандовали отдать швартовы. Один за другим концы сняли с причальных тумб, буксир оттянул корму от причала. Под ногами Андрея задрожала палуба. Вода между корпусом и бетонной стенкой забурлила, и расстояние, которое ещё минуту назад можно было преодолеть одним шагом, стало быстро увеличиваться.

— Вот и всё, — произнёс Бессонов, появившись рядом с Зориным. — Назад теперь только вплавь.

На нём была старая меховая шапка, совершенно не соответствовавшая современной непромокаемой куртке.

— Вы устроились, Владимир Петрович?

— Вполне. Правда, на моей койке лежит половина библиотеки. Придётся вступить с ней в переговоры.

— Капитан предупреждал.

— Капитан не учитывает, что историческая литература иногда бывает полезна даже морякам. Впрочем, я уже убрал всё в шкаф. Денис помог закрепить дверцы. Теперь, если мы перевернёмся, книги останутся на месте.

— Предпочитаю, чтобы мы не переворачивались.

— В этом наши взгляды совпадают.

«Пелагия» медленно вышла из гавани. Впереди по судовому ходу двигался сухогруз. Лаврову и лоцману предстояло провести судно по фарватерам среди мелей, буёв и встречных кораблей. До открытого океана оставались Финский залив, Балтийское море, датские проливы и воды Северного моря.

Андрей спустился в каюту. В ней помещались две койки, узкий стол, шкаф и небольшой умывальник. Его соседом оказался Евгений Крылов, который уже прикрепил к переборке календарь и разложил на столе тетради.

— Верхняя койка ваша, — объявил геофизик. — Я по ночам часто встаю. Если будете храпеть, постараюсь не записывать это в качестве магнитной аномалии.

— Договорились. А где мы храним пластину?

— В лаборатории, в запираемом шкафу. Мы вчера вместе приняли контейнер, помните? Пломба цела. Без согласования открывать не будем.

Передачу образца на борт оформили отдельным актом. Оригиналы письма и фотографии Андрей оставил в институте, в сейфе, а с собой взял копии. После происшествия в кабинете он решил не хранить все материалы в одном месте. Если «Пелагия» вернётся без результатов, на берегу всё равно останутся сведения, необходимые для новых поисков.

Крылов открыл тетрадь и показал ему план контрольных измерений.

— На переходе проверим магнитный фон. Запишем режимы работы движителей, генераторов и прочего хозяйства. Если какой-нибудь судовой механизм создаёт помеху с тем же периодом, что и наш загадочный предмет, я предпочитаю узнать об этом в Балтике, а не над вашей Атлантидой.

— Вы всё-таки называете её Атлантидой?

— Нет. Это я для краткости. «Предполагаемое сооружение неизвестного происхождения» произносить всякий раз утомительно.

Из громкоговорителя раздалось объявление: научную группу приглашали в кают-компанию. Лавров намеревался познакомить участников экспедиции с судовым распорядком.

На борту находились тридцать четыре человека, считая экипаж и научную группу. Среди них был и Корнев. Предприниматель решил участвовать в рейсе лично, хотя ещё неделю назад не знал, позволит ли ему это сделать работа на берегу. Теперь он сидел рядом с Анастасией Поповой и записывал указания капитана в небольшой блокнот.

— В море, — говорил Лавров, — нет отдельных правил для тех, кто оплачивает экспедицию, и для тех, кто моет палубу. По тревоге все действуют согласно расписанию. В рабочую зону без разрешения не ходим. На мостик во время манёвров тоже. Вопросы?

— Когда будет доступен интернет? — спросил Корнев.

— Когда будет доступна устойчивая связь. Служебный обмен — в первую очередь. Если вам необходимо ежедневно управлять заводом, следовало остаться на берегу.

— Завод переживёт.

— Прекрасно. Тогда начнём с учений.

В течение следующего часа участники экспедиции выяснили, где находятся их спасательные жилеты, как надевать гидротермокостюмы и куда следовать по сигналам тревоги. Бессонов обнаружил, что застегнуть молнию на костюме значительно труднее, чем прочитать средневековую рукопись. Анастасия помогла ему справиться с застёжкой и велела повторить упражнение самостоятельно.

После учений Андрей вернулся на открытую палубу. «Пелагия» шла по Финскому заливу. Над серой водой, там, где утром стоял туман, появилось бледное солнце.

***

В первые трое суток океанографам пришлось заниматься преимущественно явлениями, в которых не было ничего таинственного. «Пелагия» шла Балтийским морем, где солёность и плотность воды, а также характер течений существенно отличались от условий открытой Атлантики.

Екатерина Сафронова следила за показаниями проточной измерительной системы. Забортная вода поступала в лабораторию по трубопроводу, проходила через датчики температуры и электропроводности и отводилась за борт. По показаниям приборов определяли солёность воды. Система позволяла наблюдать изменения свойств приповерхностного слоя практически на всём переходе, не останавливая судно.

Андрей застал Екатерину за работой, когда она сопоставляла очередную серию измерений с координатами судна.

— Мы уже почти двое суток в море, а у вас здесь всё те же цифры, — заметил он.

— Цифры как раз меняются. Смотрите. Ближе к проливам солёность в целом возрастает: сказывается водообмен с Северным морем. Но сейчас мы видим только приповерхностный слой. В глубине картина будет другой.

— Из-за разницы в солёности?

— Да. При одинаковой температуре и давлении более солёная вода плотнее. В проливах она может двигаться под менее солёной в противоположном направлении. В океане тоже есть слои воды с разными свойствами, и течения в них не обязательно совпадают.

Екатерина достала схему будущей гидрологической станции. Она объяснила, что при первом спуске измерительного комплекса они получат профиль температуры и солёности по глубине, определяемой по давлению. Эти данные понадобятся не только для изучения водной среды, но и для расчёта скорости распространения звука. Без них трудно точно определить положение аппарата у дна с помощью акустической системы.

— Значит, прежде чем искать сооружение, мы должны узнать, как ведёт себя вода над ним?

— Именно. На глубине в три километра даже небольшая погрешность в расчётах может сместить отметку на карте на десятки метров. А потом вы спросите, почему мы не нашли ваш батискаф.

— Вы заранее готовите оправдания?

— Заранее готовлю измерения. Оправдания оставим профессору.

Бессонов, вошедший в лабораторию с чашкой чая, услышал последние слова.

— У историков, Екатерина Олеговна, есть одно преимущество. Если нам не удаётся найти документ, мы всегда можем предположить, что он сгорел при пожаре лет двести назад. У вас с водой подобный приём не пройдёт.

— Зато вода редко пишет заведомую ложь.

— В таком случае я избрал не ту специальность.

Профессор принёс выписки из Мореля. Он намеревался сопоставить описание течения в рукописи с современными океанографическими данными. Екатерина предупредила его, что единичное наблюдение XIX века не позволяет установить, где проходит течение спустя полтора столетия. Однако она согласилась посмотреть записи: сведения о погоде, температуре воды и дрейфе судна могли пригодиться при оценке погрешности старых координат.

Андрей оставил их за работой и отправился в кормовой ангар. Там Кузнецов вместе с двумя техниками проверял крепления оборудования. Помимо телеуправляемой машины, рассчитанной на четыре тысячи метров, на борт успели принять трёхместный обитаемый аппарат с предельной рабочей глубиной в четыре с половиной тысячи метров. Его освидетельствование завершилось за сутки до выхода. Вокруг прочного корпуса располагалась лёгкая внешняя конструкция с движителями, светильниками и другими узлами. Аппарат стоял в транспортной раме, надёжно закреплённый на случай сильной качки.

— Вот ваша возможность увидеть дно собственными глазами, — сказал Денис, заметив Андрея. — Но только после разведки. И не раньше, чем Лавров даст разрешение.

— Успели испытать всё?

— На берегу — да. В море ещё проверим системы на поверхности и, если потребуется, на небольшой глубине, когда будут подходящие условия. Бумага с печатью не заменяет проверку перед спуском.

Он показал Зорину иллюминатор. Андрей приложил ладонь к холодной металлической оправе. В детстве он видел фотографию отца возле «Ската». Тогда ему казалось, что глубоководный аппарат устроен почти так же, как космический корабль. Теперь, рассматривая настоящую машину, он понял, что сходство было не только внешним. И там и здесь людей отделял от враждебной среды прочный корпус, а их жизнь зависела от исправности систем, поддерживавших внутри пригодную для дыхания атмосферу.

— Как вы переносите замкнутые помещения? — спросил Кузнецов.

— Нормально.

— Это все говорят на палубе. Внизу разговор другой. До первого спуска ещё успеем познакомить вас с машиной как следует.

Андрей отошёл от аппарата. Ему хотелось расспросить Дениса о возможных причинах исчезновения «Ската», но для такого разговора не хватало сведений. Прежде следовало найти хотя бы обломок.

***

Вечером двадцать девятого сентября «Пелагия» вышла из датских проливов в Каттегат и взяла курс на Скагеррак, за которым начиналось Северное море. За следующие сутки характер качки изменился. Вместо коротких балтийских волн судно встречало более длинную зыбь. Ветер усиливался, и над баком время от времени взлетали фонтаны брызг.

Бессонов, ещё утром рассуждавший о преимуществах морских путешествий перед железнодорожными, исчез из кают-компании. Анастасия обнаружила его в каюте, где он лежал, отвернувшись к переборке.

— Владимир Петрович, как вы себя чувствуете?

— Я сейчас нахожусь в весьма сложных отношениях с пищей.

— Тогда попробуйте немного воды. Маленькими глотками. А когда отпустит тошнота, начнём с сухаря.

— А нельзя ли договориться с капитаном, чтобы он на полчаса остановил море?

— С капитаном можно. С морем вряд ли.

Через день профессор вернулся к своим книгам, хотя теперь предпочитал читать сидя, упираясь ногами в основание стола.

Лавров выбрал путь через Ла-Манш с учётом прогноза погоды и интенсивности движения. В проливе судно следовало по соответствующей полосе системы разделения движения. Ночью на горизонте горели десятки огней. На мостике следили за радиолокационными отметками и данными автоматической идентификационной системы (АИС). Андрей, которому капитан позволил ненадолго подняться наверх вне сложных манёвров, с удивлением обнаружил, насколько оживлённым был этот морской перекрёсток.

— Выходит, судно «Таласса» мы тоже сможем обнаружить по этой системе? — спросил он.

— Если её аппаратура АИС передаёт данные и судно находится в пределах приёма. А сведения со спутников могут поступать с задержкой. Не принимайте отсутствие отметки на экране за доказательство того, что в море никого нет.

— Пока мы её не обнаруживали?

— Нет. И если встретится, это ещё не означает, что оно следит за нами.

Капитан указал на проходивший вдали контейнеровоз.

— В океане у каждого свой курс. Совпадение двух курсов становится интересным, когда появляется что-то ещё. Пока у нас ничего нет.

Зорин согласился. Покинув мостик, он заглянул в лабораторию, где Крылов просматривал записи бортовых магнитных датчиков. Геофизик обнаружил несколько периодических помех, связанных с работой судовых механизмов. Одна из них возникала всякий раз, когда включалось определённое вспомогательное оборудование. Другие изменения магнитного фона зависели от курса судна и нагрузки на движители.

— А восемьдесят четыре секунды? — спросил Андрей.

— Пока ничего. И это хорошо. Будь такой период повсюду, пришлось бы прежде всего проверить, не связан ли он с распространённым типом судовой аппаратуры.

Крылов показал ему таблицу, где были отмечены время, режимы оборудования и положение датчиков.

— На месте будем буксировать прибор за кормой. На переходе мне важнее понять, что происходит на самом судне. Мы не можем на две недели выключить двигатели ради чистоты эксперимента.

На шестой день перехода Корнев пригласил Андрея в свою каюту. Она ничем существенным не отличалась от каюты Зорина, если не считать того, что вторую койку занимали две дорожные сумки и ящик с документами. На столе лежала карта предполагаемого района работ.

— Мне прислали сообщение с берега, — сказал предприниматель. — «Пелорус» снова запросил сведения об испытаниях образца. На этот раз официально, через лабораторию, которая выполняла повторную экспертизу.

— Что им ответили?

— Что без согласования с институтом и с вами материалы передавать не будут. Я попросил сохранить всю переписку. Но разговор у нас сейчас о другом. Предположим, мы обнаружим предметы, похожие на вашу пластину. Как вы намерены поступить?

— Сначала зафиксировать их положение. Если окажется, что они связаны с сооружением, поднимать их без изучения обстановки и необходимых разрешений нельзя.

— Даже если они лежат отдельно на грунте?

— Даже в таком случае нужно установить, что находится рядом. У нас археологическая экспедиция, а не сбор металлолома.

Корнев взял со стола карандаш и покрутил его между пальцами.

— У меня на предприятии есть установка, которую мы разрабатывали шесть лет. Из них два года потратили на борьбу с коррозией и разрушением деталей в морской воде. Если ваш образец действительно обладает свойствами, описанными в отчёте, я хотел бы понять, можно ли получить подобный материал в промышленных условиях. Для этого одних фотографий мало.

— Понимаю. Но мы ещё не знаем, сколько таких предметов существует. Если вещь единственная, её ценность как исторического свидетельства может оказаться выше ценности материала, из которого она изготовлена.

— А если выяснится, что она вообще не имеет отношения к истории?

— Тогда будем изучать её как современное изделие. Мне от этого легче не станет, но результат останется результатом.

Корнев рассмеялся и убрал карандаш.

— Вы трудный партнёр, Андрей Константинович. Зато с вами удобно обсуждать условия заранее. Не люблю выяснять их, когда на палубе уже лежит находка.

Они договорились обсудить с научной группой порядок обращения с возможными находками в рамках заключённого соглашения. Зорин покинул каюту с двойственным чувством. Ему нравилось, что Корнев не скрывал своего интереса к практическому применению находок. Но он не мог забыть, как настойчиво Мальцев добивался доступа к пластине. Возможно, оба видели в ней то, чего пока не замечал он сам.

Вечером Андрей перечитал заключения лабораторий. В них не было ни слова о возможности получения полезной энергии из пластины, ни утверждений о чудесных свойствах материала. Только результаты измерений и перечень вопросов, требовавших дальнейшего исследования. Он выписал эти вопросы в отдельную тетрадь. В океане предстояло проверить хотя бы один из них: существует ли связь между небольшим предметом, присланным в Петербург, и магнитной аномалией, обнаруженной советскими учёными.

***

Второго октября «Пелагия» вышла в Атлантический океан. Берега остались за кормой, и на протяжении следующих дней Андрей не увидел ни одного клочка суши. Иногда вдали появлялись суда, но большую часть времени вокруг простиралась одна вода, то тёмно-синяя, то свинцовая, в зависимости от облаков и положения солнца.

Путь проходил западнее Бискайского залива. Лавров следил за развитием обширной области пониженного давления к северу от их курса и несколько раз корректировал маршрут, чтобы обойти район наиболее сильного волнения. Скорость временами падала, но капитан рассчитывал уложиться в тринадцать суток перехода.

Однажды вечером Андрей и Екатерина оказались на защищённом от ветра участке палубы у надстройки. Ветер ослабел, и океан, ещё недавно казавшийся непрерывным движением воды, приобрёл спокойную, почти торжественную величественность. Длинные волны поднимали судно и опускали его с такой плавностью, что движение замечалось главным образом по горизонту.

Екатерина принесла две кружки чая с плотно закрывающимися крышками.

— Вы сегодня весь день над картой просидели. Сколько нам ещё идти?

— Если идти нынешним ходом, несколько суток.

— А вы уже решили, с чего начнёте, когда придём?

Андрей помолчал.

— Хочу найти «Скат». Это первое, что приходит в голову. А дальше… Если он окажется пустым, не знаю, что буду делать.

— Продолжать искать, вероятно.

— А если мы найдём останки?

Екатерина повернула кружку в руках.

— Тогда придётся зафиксировать находку и передать дело специалистам. Семьи имеют право знать. Но пока мы ничего не нашли.

— Знаете, я получил письмо от человека, которого не видел с трёх лет. И всё это время стараюсь рассуждать как археолог. Не всегда получается.

Она посмотрела на него, но не стала расспрашивать о письме.

— Я однажды три месяца провела в рейсе. Всё пыталась подтвердить одну гипотезу. Вернулась с результатами, показала записи коллеге, а он за вечер нашёл ошибку в моих расчётах. Могла бы заметить её ещё в море, если бы не была так уверена, что права. С тех пор стараюсь обсуждать трудные задачи с другими.

— Поэтому вы не возражали против историка в экспедиции?

— Нет, историк достался мне в комплекте с вами.

Андрей рассмеялся. В этот момент открылась дверь кают-компании, и до них донёсся голос Бессонова, требовавшего вернуть ему какой-то справочник. Екатерина вздохнула.

— Вот, слышите? Комплект не подлежит возврату.

Они ещё немного постояли у борта. Когда похолодало, Андрей предложил спуститься внутрь, но Екатерина задержалась, показывая ему нескольких морских птиц, летевших почти у самой воды. Зорин обнаружил, что впервые за много дней ему не хотелось торопить время.

***

К восьмому октября «Пелагия» достигла вод к юго-западу от Азорских островов. Сами вулканические острова оставались далеко за горизонтом. Заходить в порт не потребовалось: запасы топлива и пресной воды соответствовали расчётам, оборудование оставалось исправным. Судно направилось к прямоугольнику, определённому по рукописи Мореля и архивным наблюдениям.

На карте дна здесь чередовались возвышенности, склоны и ложбины. Азорские острова расположены в тектонически активной области Атлантики, где взаимодействие литосферных плит сопровождается вулканизмом и землетрясениями. Для Бессонова близость этой области служила напоминанием о предании Платона; для Крылова — поводом особенно внимательно относиться к естественным источникам магнитных аномалий.

— Если обнаружим гору, над которой магнитное поле отличается от окружающего фона, удивляться не будем. В вулканических породах немало магнитных минералов. Меня заинтересует прежде всего изменение поля во времени, если оно не объясняется движением прибора.

К вечеру судно приблизилось к южной границе района поисков. Лавров распорядился снизить ход. Погода позволяла начать предварительную съёмку, не дожидаясь утра. Кузнецов с палубной командой подготовил буксируемый магнитометр. Его чувствительный элемент находился в обтекаемом корпусе, который следовало вывести на достаточное расстояние от стального судна. Крылов проверил синхронизацию времени по UTC, Екатерина — поступление навигационных данных.

Андрей наблюдал из лаборатории, как на экране появляется график первых измерений. Вначале он не отличался ничем примечательным. Значения поля постепенно менялись по мере движения судна. Геофизик отмечал участки, которые позднее следовало сопоставить с рельефом дна, учитывая положение буксируемого датчика относительно кормы.

Около девяти вечера по UTC Крылов подозвал Екатерину.

— Посмотрите на этот участок.

На кривой выделялись три коротких отклонения. Они были слишком малы, чтобы Андрей обратил на них внимание без указания специалиста.

— Время между первым и вторым? — спросила Сафронова.

— Восемьдесят три и восемь десятых секунды. Между вторым и третьим — восемьдесят четыре и две десятых.

Зорин придвинулся к экрану.

— Это он?

— Пока это три отклонения, — ответил Крылов. — Не мешайте.

Следующий импульс появился примерно через восемьдесят четыре секунды. Крылов записал время и запросил с мостика сведения о работе механизмов. Екатерина проверила, не совпадали ли отклонения с изменением курса или скорости. Андрей открыл архивный график 1987 года. Масштаб старой записи не позволял сопоставить форму импульсов во всех подробностях, но интервалы были до странности знакомыми.

— А пластина? — спросил Корнев, пришедший в лабораторию вместе с Бессоновым. — Может быть, это она?

— Контейнер не открывали с начала рейса. Прибор далеко за кормой, и лабораторный отклик образца был очень слабым. Но пока не будем исключать ни одной версии. Сначала повторим наблюдение.

Капитан согласился выполнить обратный галс, как только позволят условия буксировки. Во время разворота показания не использовали для сравнения: изменение положения прибора и магнитное влияние судна могли исказить результат. Когда «Пелагия» легла на противоположный курс и буксируемый датчик вышел на устойчивую траекторию, исследователи вновь начали отсчёт.

На этот раз первые два импульса оказались едва заметными. Затем их амплитуда возросла, достигнув наибольших значений примерно в той же части маршрута, где отклонения зарегистрировали прежде. Период оставался близким к восьмидесяти четырём секундам, хотя теперь прибор двигался в обратном направлении.

Крылов откинулся на спинку стула.

— Вот теперь есть о чём говорить. Похоже, сигнал связан с районом наблюдений, а не только с нашим оборудованием. Но для определения его источника нужны дополнительные галсы и проверка возможных помех.

— И всё же период совпадает, — сказал Бессонов.

— Совпадает.

Профессор положил рядом с клавиатурой копию архивного листа. На нём стояла фамилия Берестова. Две записи разделяли тридцать девять лет, а интервалы между соседними импульсами на обеих составляли около восьмидесяти четырёх секунд.

Андрей вспомнил голос матери, её просьбу привезти хоть карандаш. Он посмотрел на координаты судна, затем на фотографию кольца. Впервые у него появилось свидетельство, полученное непосредственно в районе исчезновения «Альционы», независимо от старых документов.

— Николай Иванович, — сказал он, вызвав мостик, — мы зарегистрировали периодический сигнал. Предлагаю утром начать подробную съёмку этого участка.

— Согласен. До утра уточните программу. Наблюдения продолжайте по сменам, если позволит погода. Нам здесь предстоит не один день работы.

Крылов сохранил исходные данные и сделал резервную копию, Екатерина нанесла на рабочую карту отрезки обоих галсов. Корнев попросил копию предварительной сводки и, получив её, долго рассматривал экран, ничего не говоря.

Андрей вышел на палубу. Над океаном стояла безлунная ночь. На корме горели рабочие огни, за ними тянулась белая полоса кильватерного следа. Ничто в очертаниях горизонта не отличало эту часть Атлантики от тысяч других миль, оставшихся за кормой.

Но теперь у него были основания думать, что где-то под огромной толщей чёрной воды скрывается источник сигнала, подобного тому, который некогда зарегистрировали на «Альционе».

Океан ещё не открыл им своей тайны. Он лишь дал первый ответ.

Часть II. Бездна Атлантического океана

Глава 10. Океан раскрывает тайну

Утром девятого октября Атлантика встретила исследователей редким для осенней поры спокойствием. Длинная пологая зыбь едва покачивала «Пелагию», а над восточным горизонтом поднималось солнце.

Глубина океана под килем судна превышала три километра.

— Любопытное обстоятельство, — заметил профессор Бессонов, рассматривая карту глубин. — Человек научился отправлять машины к другим планетам, а дно собственного океана до сих пор знает лишь в общих чертах.

— Сегодня попробуем исправить это хотя бы на нескольких квадратных километрах, — ответила Екатерина.

Андрей наблюдал за приготовлениями к подробной съёмке морского дна. Где-то в этих водах тридцать девять лет назад исчез его отец.

Буксируемый магнитометр уже подняли на борт. На корме палубная команда подвела под спусковую раму гидрологический комплекс. На круглой металлической раме вокруг приборов располагались длинные цилиндрические батометры для отбора проб воды на разных глубинах. Екатерина вместе с техником проверила датчики температуры, электропроводности и давления, после чего запросила у мостика разрешение на спуск.

— А разве нам не известно, с какой скоростью звук распространяется в воде? — спросил Бессонов, когда комплекс скрылся за бортом.

— В среднем около полутора километров в секунду. Но вода неоднородна: температура, солёность и давление меняются с глубиной. От них зависит скорость звука, а звуковые лучи в такой среде искривляются. Если не учесть этого при обработке данных эхолота, ошибка в глубине и положении объекта может составить десятки метров.

— Стало быть, дворец на карте может оказаться на соседней улице?

— Сначала нам предстоит выяснить, есть ли там улицы.

Профессор удовлетворился этим ответом и уселся у окна. За стеклом вращался барабан лебёдки. Бессонов принадлежал к той породе учёных, которые способны просидеть целый день над одной строкой древнего текста, но с трудом переносят ожидание, когда от них самих ничего не зависит.

Андрей тем временем отправился к Крылову. Геофизик ещё ночью разбил район вчерашних наблюдений на несколько участков. Внутри каждого предстояло провести съёмку параллельными галсами, а наиболее интересные места проверить поперечными проходами. Лавров отвёл на первоначальную съёмку двое суток.

— Мне хотелось бы пройти здесь, — сказал Зорин, указав на западную часть ложбины.

— Почему?

— Судя по архивному профилю, там начинается подъём дна. Если «Скат» направлялся к склону, искать его следует примерно в этой полосе.

Крылов достал линейку.

— Какой ширины полоса?

— В самом благоприятном случае полтора километра, в худшем — все четыре.

— Отлично. Я уже боялся, что вы потребуете найти его с точностью до метра.

Он нанёс на карту дополнительную линию. Сигнал с периодом в восемьдесят четыре секунды удалось зарегистрировать и после полуночи. Однако определить его источник по одним магнитным наблюдениям было невозможно. Амплитуда зависела от расстояния до

источника, характера и ориентации его магнитного поля. Не следовало забывать и о помехах от судового оборудования.

— Если мы ищем стальной корпус, — объяснил Крылов, — у нас хотя бы есть представление о том, какой магнитный след он может оставить. Здесь мы не знаем даже природы источника. Не будем подгонять маршрут под красивую догадку. Пусть сначала заговорит рельеф.

В десятом часу утра гидрологический комплекс достиг придонного слоя. Температура воды там оказалась немного выше двух градусов Цельсия. Батометрические пробы взяли на нескольких горизонтах при подъёме. Когда комплекс вернулся на палубу, Екатерина рассчитала по данным зондирования профиль скорости звука и передала его оператору многолучевого эхолота. Лавров распорядился начать первый галс.

Работа эхолота напоминала Андрею изучение здания человеком, которому позволено видеть только его тень. Прибор посылал звуковые импульсы и принимал отражённые от дна сигналы по множеству направлений, образующих веер поперёк курса судна. По времени возвращения сигналов и углам лучей, с поправками на свойства воды и движение корабля, вычислялись глубины. На экране постепенно возникала широкая полоса рельефа. Соединив полосы соседних галсов, можно было получить карту обследованного участка.

Первые километры не принесли ничего примечательного. Подводная равнина была покрыта холмами, вытянутыми вдоль предполагаемых древних разломов. Между ними лежали участки, по всей видимости заполненные осадками. Иногда попадались крутые выступы, которые Крылов принимал за обнажения вулканических пород.

Бессонов разочарованно рассматривал карту.

— Пожалуй, на суше археологу всё-таки проще. Там хотя бы можно сойти с дороги и посмотреть, что находится под ногами.

— Попробуйте что-нибудь раскопать в центре современного города, — возразил Андрей. — Увидите асфальт, а под ним триста лет истории. Здесь вместо асфальта ил, и толщина его нам пока неизвестна.

К полудню завершили два галса. Никаких сооружений, напоминающих кольцо на фотографии, обнаружить не удалось. Андрей отправился в кают-компанию и застал там Попову с блокнотом, в который она заносила результаты предварительного анализа проб.

— Неужели вы намерены найти здесь что-нибудь живое? — спросил он.

— В пробах воды уже нашлось кое-что интересное. А если вы имеете в виду дно, то оно далеко не пустыня. Солнечного света там нет, но органические остатки из верхних слоёв опускаются вниз. На глубине могут жить организмы, которых мы ещё ни разу не видели.

— Надеюсь, они не успели съесть наш батискаф.

— Некоторые бактерии ускоряют коррозию. А вот состояние корпуса через тридцать девять лет зависит от материала, защитного покрытия и условий на дне. Пока не увидим, не узнаем.

Она закрыла блокнот и указала на накрытую тарелку.

— Это вам оставил кок. Он просил передать, что не намерен кормить научную группу по индивидуальному расписанию.

Андрей поблагодарил её и взял вилку. До этой минуты он не замечал, что проголодался.

***

В половине третьего «Пелагия» шла вдоль восточного склона ложбины, когда на карте появилась особенность, которую Крылов не сумел сразу объяснить.

Это был длинный, почти прямой уступ высотой в несколько метров. Он пересекал полосу съёмки под углом к общему направлению подводных гряд. Оператор отметил его и продолжил работу. Через некоторое время обнаружился второй уступ, параллельный первому.

— Андрей, подойдите, — позвал Крылов.

Зорин отложил архивную фотографию и наклонился к экрану.

— Какое между ними расстояние?

— Около ста сорока метров. Пока приблизительно. На этой глубине мы видим общий рельеф, а не отдельные камни.

Екатерина проверила поправки на скорость звука и положение уступов относительно полос съёмки. Оба уступа находились внутри одной полосы, вдали от её краёв, и ни один не совпадал с направлением движения судна. Но проверить, не возникли ли уступы из-за погрешности измерений, следовало повторным проходом.

— Повторим поперёк, — предложила она.

Лавров согласился изменить курс после завершения текущего галса. Пока судно описывало широкую дугу, Бессонов принёс папку с копиями рисунков из тетради Мореля.

— Вот здесь француз изобразил две линии, — сказал он. — Я долго принимал их за очертания берега. А если он зарисовал рельеф дна?

— Владимир Петрович, — ответил Андрей, — в семидесятых годах девятнадцатого века Морель мог располагать отдельными промерами лотом, но не такой подробной картой. Эхолотов тогда ещё не существовало.

— Но мог располагать сведениями, полученными другим путём.

— Мог. Только нам ещё предстоит выяснить, каким именно.

На поперечном галсе уступы появились снова. Теперь стало видно, что один из них соединяется с третьим, ориентированным почти перпендикулярно. С учётом разрешения эхолота их очертания напоминали три стороны прямоугольника. Предполагаемая четвёртая сторона не различалась на ровном участке у подножия склона.

Крылов снял очки и протёр стёкла.

— Прямые углы встречаются и в природе. Вулканические породы иногда растрескиваются весьма правильным образом. Так что не зовите пока журналистов.

— Я и не собирался, — сказал Андрей. — Но стоит проверить, почему здесь столько прямых линий.

Корнев, появившийся в лаборатории во время разговора, долго изучал карту.

— Как далеко отсюда до места, где вчера был максимальный сигнал?

— Меньше двух километров от участка, где амплитуда была наибольшей, — ответил Крылов. — Но максимум сигнала ещё не означает, что источник находится прямо под ним.

— Значит, совпадение возможно.

— Возможно. А может быть, одно с другим вовсе не связано.

Корнев улыбнулся.

— Евгений Борисович, с вами очень трудно обсуждать перспективы.

— Зато удобно обсуждать результаты. Когда они есть.

По просьбе Андрея капитан разрешил провести над участком дополнительный проход с акустическим профилографом донных отложений. В отличие от многолучевого эхолота, предназначенного для картирования поверхности дна, этот прибор позволял различать некоторые границы внутри осадков. Глубина проникновения звука зависела от частоты сигнала и свойств грунта. В рыхлом иле можно было проследить несколько скрытых слоёв, тогда как на границе с плотной породой значительная часть энергии отражалась.

На экране возник разрез, напоминавший слоёный пирог. Светлые и тёмные полосы плавно повторяли неровности поверхности. В районе первого уступа картина изменилась. Под осадками прослеживалась резкая отражающая граница, почти горизонтальная на протяжении нескольких десятков метров. Затем она исчезала, а дальше вновь появлялась примерно на прежней отметке.

— Что это? — спросил Бессонов.

— Сильное отражение от границы слоёв, — ответил Крылов. — Возможно, под илом плотная порода. Или это два грунта с резко различающимися акустическими свойствами.

— А если это крыша?

— Тогда вы первый историк, которому удалось определить архитектурное назначение акустического отражения.

Профессор засмеялся.

Однако Андрей заметил на соседнем профиле сходную особенность. Под ровной поверхностью осадков различались отдельные возвышения отражающей границы. Между ними лежали промежутки, по-видимому, заполненные более рыхлым материалом.

Зорин попросил сохранить исходные данные и разрезы с указанием масштаба. В археологии он не раз сталкивался с тем, что удачно подобранное увеличение превращало случайную неровность в стену, а слишком мелкий масштаб скрывал настоящий фундамент. Ему требовались размеры, повторяемость наблюдений и возможность проверить каждую линию независимым способом.

— Нужно подойти ближе ко дну, — сказал он. — Иначе мы будем ещё неделю спорить, что видим.

— Если капитан согласится изменить программу, завтра утром спустим машину, — ответил Кузнецов. — Сегодня до темноты подготовим кабельную систему. Заодно проверим данные о течении. Я не хочу отправлять аппарат на три километра, не зная, какие нагрузки ждут его в нижних слоях.

— А если погода изменится?

— Значит, подождём.

Ответ был вполне разумным, но Андрей покинул лабораторию с досадой. Столько лет он считал море непреодолимым препятствием между собой и отцом, а теперь, когда это препятствие можно было измерить в метрах, ему предстояла ещё одна ночь ожидания.

На палубе он встретил Екатерину. Она стояла у леера, придерживая лист с результатами съёмки, который ветер норовил вырвать у неё из рук.

— У вас такой вид, будто Кузнецов отменил экспедицию.

— Отложил до утра.

— Всего лишь?

— Знаю, что Денис прав. Но попробуйте объяснить мне, зачем после тридцати девяти лет ожидания нужна ещё одна ночь.

Екатерина сложила лист вдвое.

— Чтобы не потерять то, что мы, возможно, наконец нашли.

Он ничего не ответил.

— Послушайте, — продолжала она, — у меня в лаборатории остались два профиля, которые нужно совместить с вашими архивными данными. Поможете? А потом угостите меня чаем. В прошлый раз ваш профессор выпил мой.

— Договорились. Только профессор, вероятно, считал его частью научного оборудования.

— Тогда в следующий раз внесём чай в опись.

Они вернулись в надстройку. До ужина им удалось уточнить границы участка и выбрать две точки для обследования. Первая находилась у края уступа, где, по всей вероятности, часть осадков была смыта течением. Вторая — у пересечения линий, образовавших на карте почти прямой угол.

Вечером Лавров утвердил программу спуска, отложив оставшиеся галсы. В неё не входило ни проникновение в полости, ни поднятие предметов. На первый раз требовалось только осмотреть рельеф, получить изображения с масштабом и привязать маршрут аппарата к карте.

***

На рассвете десятого октября волна немного усилилась, но условия оставались допустимыми для работы. Палубная команда сняла крепления с телеуправляемого аппарата. Кузнецов

проверил машину и систему управления кабелем, а после доклада техников и разрешения с мостика дал команду на спуск.

Андрей наблюдал из операторской. На одном экране он видел корму «Пелагии», на другом — изображение с камеры аппарата. В момент спуска вода на несколько секунд закрыла объектив белой пеной, затем перед камерой открылась зеленоватая толща воды.

— Связь устойчивая, — сообщил оператор.

— Продолжаем спуск, — распорядился Кузнецов.

Первые двести метров машина прошла без происшествий. Дневной свет постепенно угасал. На глубине пятисот метров включили прожекторы, и в их лучах замелькали частицы, похожие на снег, падающий в безветренную ночь. Попова, стоявшая за спиной Андрея, назвала это морским снегом: мельчайшие остатки организмов и другие частицы медленно оседали из верхних слоёв океана.

— Он, между прочим, служит важным источником пищи для придонных животных, — добавила она. — Пока мы ищем остатки цивилизации, кто-то внизу ждёт обеда.

На глубине тысячи двухсот метров в поле зрения камеры появилась небольшая рыба с длинным хвостом. Она несколько секунд двигалась вдоль рамы, потом исчезла. Дальше встречались лишь редкие прозрачные существа, и Андрей поймал себя на том, что начинает принимать за них даже обыкновенные частицы взвеси.

Кузнецов не позволял никому отвлекать оператора. Он следил за натяжением магистрального кабеля и работой системы его управления, которая спускалась вместе с аппаратом. «Пелагия» удерживалась в заданном районе: система динамического позиционирования компенсировала действие ветра и течения. Иногда с мостика поступали сведения о небольших поправках положения судна.

Через час с лишним глубиномер показал три тысячи метров. Судя по карте, до дна оставалось немногим более двухсот. Аппарат замедлил спуск. На экране гидролокатора уже различался рельеф, а высотомер позволял контролировать расстояние до грунта.

— Высота двадцать метров, — доложил оператор.

— Снижаемся до пяти метров. Дальше идём вдоль дна.

В лучах прожекторов проступила серая поверхность. Она была настолько однообразна, что Андрей поначалу не сумел определить, где кончается вода и начинается грунт. Затем в поле зрения камеры появилась морская звезда, лежавшая на осадках. За ней обнаружились небольшие углубления и следы животных, пересекавшие дно в разных направлениях.

— Вот и наша Атлантида, — сказал Крылов. — Пока населена исключительно беспозвоночными.

Машина двигалась к уступу. Направление и расстояние до препятствия определяли по гидролокатору, а положение аппарата на карте — по данным акустической системы позиционирования. Через несколько минут грунт начал подниматься. На экране возник тёмный выступ, местами покрытый светлым налётом.

— Уменьшите скорость, — попросил Андрей.

Аппарат приблизился к выступу, сохраняя безопасное расстояние. Перед камерой находилась поверхность, пересечённая трещинами. Верхняя часть выступа уходила под осадки. В нижней виднелись несколько почти плоских граней.

Крылов придвинулся к экрану.

— По виду напоминает базальт. Но по одному изображению породу не определишь.

— Попробуйте осветить его сбоку, — сказал Андрей. — Так лучше виден рельеф поверхности.

Оператор развернул аппарат. Свет упал на выступ под другим углом, и между двумя тёмными гранями обнаружилась узкая полоска более светлого материала. Она шла от основания вверх, почти не меняя направления.

— Трещина? — спросил Корнев.

— Возможно, — ответил Андрей. — Посмотрим, что дальше.

Машина продвинулась вдоль выступа. Через два метра появилась вторая полоска, затем третья. На одном участке грунт был размыт сильнее, и здесь исследователи увидели ещё одну линию, пересекавшую первые две.

Андрей попросил включить лазерные указатели масштаба. Две красные точки легли на камень. Расстояние между параллельными лучами было известно; при съёмке под углом, близким к прямому по этим меткам можно было приблизительно оценить размеры деталей.

— Подождите, — произнёс он.

В центре изображения находился участок, где сходились четыре тёмные грани. Каждая имела почти прямую границу. Поперечные линии соседних рядов были смещены относительно друг друга, как в каменной кладке.

Бессонов медленно опустился на стул.

— Евгений Борисович, вы всё ещё считаете это трещинами?

— Я считаю, что нам нужно снять больше участков. Если это кладка, она должна продолжаться.

Следующие двадцать минут аппарат двигался вдоль основания уступа. Иногда осадки полностью скрывали его поверхность. Но там, где течение обнажило камень, вновь обнаруживались прямые линии, образующие повторяющийся рисунок. На одном участке тёмная грань выступала из грунта почти на полметра. Её край был заметно скруглён, а рядом лежал обломок похожей породы.

— Не берём образцы, — напомнил Кузнецов, когда Андрей наклонился к пульту. — Сегодня только осмотр.

— Я помню.

Оператор наклонил камеру вниз. У основания лежали небольшие камни, раковины и плотные комки осадков. Ни металлических деталей, ни обломков судна, ни других видимых следов недавнего пребывания человека обнаружить не удалось.

— Это могло быть сооружение, возведённое современными людьми? — спросила Попова.

— На такой глубине? — удивился Корнев.

— Я спрашиваю археолога, а не спонсора.

Андрей улыбнулся, но ответил серьёзно:

— Современные люди способны устанавливать оборудование на подобных глубинах. Но то, что мы видим, больше похоже на массивную каменную конструкцию. Пока не знаем ни её размеров, ни возраста. Исключать что-либо рано.

Он попросил продолжить движение к пересечению уступов. Время работы у дна было ограничено программой спуска и прогнозом погоды. Кузнецов предупредил, что при ухудшении условий придётся начать подъём раньше намеченного срока.

На пути к следующей точке машина прошла над почти ровной поверхностью, покрытой осадками. Гидролокатор показывал впереди ряд выступов, расположенных приблизительно на одной линии. Между ними оставались промежутки в несколько метров.

Первый выступ оказался невысоким каменным массивом. Второй был почти целиком скрыт грунтом. У третьего течение обнажило боковую грань, на которой Андрей различил углубление, по виду прямоугольное. Оно было частично заполнено илом, и судить о его точной форме не приходилось.

— Похоже на гнездо для крепления, — сказал он.

— Или след разрушения породы, — возразил Крылов.

— Запишем оба варианта.

Вскоре аппарат достиг места пересечения уступов. Здесь рельеф резко изменился. С одной стороны возвышалась тёмная поверхность, с другой — открывалось понижение, заполненное осадками. Камера показала выступающий из грунта угол. Две его плоскости сходились по почти вертикальной линии.

Андрей заметил, что все присутствующие невольно подались вперёд.

Ни на одном из прежних изображений геометрия не была столь отчётливой. Здесь можно было различить несколько рядов массивных камней, причём один из них заходил за угол, словно связывая две стороны. Если линии были естественными трещинами, природа с удивительной точностью воспроизвела работу каменщика.

— Снимите сверху, — попросил Андрей.

Машина поднялась на несколько метров. Из-за ограниченной видимости охватить всё сооружение не удалось, но теперь на экране был заметен ровный верхний край, уходивший под слой осадков. Крылов сверил положение с картой.

— Это наш угол. Тот самый, который вчера получили на двух галсах.

Бессонов молчал. Андрей ожидал от него какой-нибудь торжественной фразы, однако профессор лишь снял очки и, приблизившись к экрану, спросил:

— Мы можем получить запись без надписей поверх изображения?

— Можем, — ответил оператор.

— Сделайте, пожалуйста. Мне нужно будет рассмотреть каждую деталь.

***

Во второй половине дня течение у дна усилилось. Получив предупреждение оператора лебёдки о возрастании нагрузки на кабель, Кузнецов доложил капитану и прекратил обследование. На этот раз Андрей не возражал. Они располагали несколькими часами видеозаписи, акустическими профилями и координатами осмотренных участков. Всё это предстояло изучить.

Пока аппарат поднимался, Крылов и Екатерина занялись совмещением маршрута с картой. В пределах точности позиционирования видимые каменные поверхности совпадали с линиями, зарегистрированными эхолотом, а отражающие границы, обнаруженные профилографом под осадками, прослеживались дальше в сторону склона.

— То есть мы осмотрели только край? — спросил Корнев.

— Вероятно, — сказала Екатерина. — Остальное пока известно нам по косвенным данным.

— Насколько велик весь объект?

— Не знаю. Мы даже не установили, один это объект или несколько.

Андрей сделал резервную копию записей на отдельном носителе и открыл цифровую копию фотографии из посылки. Огромное кольцо на ней не было похоже ни на один из осмотренных участков. Однако в нижней части чёрно-белого снимка виднелись линии, которые прежде он принимал за дефекты изображения.

Он увеличил фотографию. У основания кольца различались очертания угла, словно сложенного из нескольких массивных элементов. Установить по одному снимку, был ли это тот же самый угол, не представлялось возможным. Однако сходство рисунка привлекло внимание Бессонова.

— Теперь я понимаю, почему ваш отец не ограничился обычным сообщением о находке, — сказал профессор. — Если они видели подобное своими глазами, у них должны были возникнуть вопросы, на которые тогда не нашлось ответа.

— И у нас пока нет ответов, — заметил Андрей.

— Зато теперь мы можем искать ответы.

К вечеру аппарат вернулся на борт. Техники занялись осмотром кабеля и движителей. Лавров вызвал научную группу на совещание и выслушал предварительный отчёт. В рабочем

журнале находку решили обозначить как участок аномального рельефа с признаками возможного искусственного происхождения отдельных структур. Слово «Атлантида» в официальной записи не появилось.

Корнев остался недоволен осторожностью формулировки, но спорить не стал. Он попросил составить программу дальнейших работ с применением обитаемого аппарата.

— Сначала оценим результаты сегодняшнего спуска и прогноз погоды, — ответил Лавров. — Потом решим, куда и кого отправлять.

Андрей принёс карту с нанесёнными уступами. По ней было видно, что к западу от осмотренного угла дно понижалось, образуя узкую ложбину. В этом районе магнитная съёмка, начатая восьмого октября, показала наибольшие отклонения.

— Предлагаю следующим исследовать этот участок, — сказал он. — Если конструкции продолжаются под осадками, здесь мы можем увидеть их с другой стороны.

Крылов кивнул.

— И попробуем точнее определить источник сигнала.

Лавров отметил район карандашом.

— Хорошо. Выберите площадку для подхода к дну подальше от уступов. Перед спуском ещё раз проверим течение и прогноз. Сегодня поток оказался сильнее, чем мы ожидали.

Поздним вечером Андрей вышел на корму. Над океаном сгущались облака. Он долго смотрел на спусковую раму. Ещё несколько часов назад она удерживала аппарат, побывавший в мире, который накануне существовал для них лишь в виде нескольких линий на карте.

Он вспомнил, как в детстве мать рассказывала ему, что отец изучает морское дно. Тогда Андрей представлял себе песок, затонувшие корабли и огромных рыб. Ему и в голову не приходило, что под водой могут скрываться сооружения, способные заставить историков пересмотреть свои представления о прошлом.

Из лаборатории вышла Екатерина.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.